



ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 30

Нереал:

Д. В. Амурский. Луна и пушка	5
Д. В. Амурский. Тайна придворного великана	11
Д. В. Амурский. Бездонное небо Эдельвейса	31
Дмитрий Градинар. Почтальон утраченных писем	40
Андрей Зорин. Враг государства	46
Александр Калинин, Анна Князева. Тайна драконов	52
Игорь Масленков. Черный человек	63
Станислав Никишкин. Максимальный приоритет	74
Анна Курлаева. Душа	78
Марьяна Олейник. Зеленая кошка	85
Сергей Гостов. Самость	95
Александр Голиков. Мозг Ринга	100
Святослав Николаев. Отвратительный	114
Юрий Ефремов. Цепи Аляски	117
Игорь Дьячишин. Не одни во Вселенной	141
Анна Полянская. Молодой король	143
Елизавета Лещенко. Песочный замок	148

Реал:

Анастасия Милевская. Она молчит	87
---------------------------------------	----

* * *

Авторы о себе	157
---------------------	-----

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

<http://www.korepanow.narod.ru/>

«Порог-АК». Выпуск 30. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.
E-mail: porog-anturage@yandex.ru

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – Ю. Кошарова.
Підписано до друку __.__.2019. Формат 60x84/16

Д. В. Амурский
ЛУНА И ПУШКА

Многие заканчивают свой день, восседавая в комнате перед телевизором, как Наполеон напротив Бородинского поля. Так же поступал и наш герой. Виктор Сергеевич Гусев дожевывал бутерброд с «Докторской» колбасой, глядя на экран.

Внешность у Гусева была самой заурядной. Этот начинающий лысеть мужчина среднего роста, среднего телосложения, с небольшим животиком, который не виден еще под пиджаком, будучи стиснут ремнем, но уже хорошо заметен под футболкой навыпуск, никогда не выделялся из толпы. Напротив, он всегда сливался с широкими народными массами.

В телевизионной студии ведущий-метросексуал, уверенный в собственной неотразимости, задавал вопросы гостям – умудренным жизненным и спортивным опытом футбольным экспертам. Те увлеченно комментировали только что прошедший матч. Ведущий то и дело перебивал их собственными пояснениями, чтобы подольше находиться в центре внимания операторов, но его профанские замечания не вызывали у экспертов энтузиазма.

Виктор Сергеевич потер ладони, ликвидируя остатки колбасного жира, и взял пульт. На соседнем канале шел сериал про писателя, помогающего полиции раскрывать преступления. Раздобревшее лощеное лицо актера, игравшего главного героя, едва помещалось на экране. Гусев зевнул и перешел на другую программу. Там показывали мыльную оперу отечественного розлива про тяжелую жизнь длинноногой красавицы, пытающейся сделать нелегкий выбор между двумя олигархами.

Нажав кнопку на пульте в очередной раз, Виктор Сергеевич увидел кривляющегося шоумена с тройным подбородком. Свинячьи глазки комика, нос, похожий на пяточок, и обрюзгшее помятое лицо вызывали отвращение, но публика в зале неистово рукоплескала после каждого запиканного слова. Пожав плечами, Гусев перешел на следующий канал, новостной, где дикторы замогильными голосами сообщали об очередной напасти, обрушившейся на загнивающий Запад...

Перебрав все пятьдесят с лишним программ, наш герой в очередной раз убедился, что смотреть совершенно нечего.

Выключив телевизор, Виктор Сергеевич положил пульт на тумбочку у кровати, открыл фрамугу и распластался под одеялом. С улицы в комнату пахло чем-то свежим и морозным, но почти

сразу под окном затарахтел трактор, чистящий снег, и живительную прохладу разбавил аромат солярки. Потом хорошо известный в микрорайоне мотоциклист, обожающий хвастать своим байком в темное время суток, оглушительно газанул и пронесся между домами так, что задрожали стекла.

Поморщившись, Виктор Сергеевич дождался тишины, повернулся, выбирая самое удобное положение, обхватил руками подушку и приготовился смотреть сны. Но тут из-за стены гулко забасили колонки, и противный голос начал ритмично что-то выкрикивать под монотонную и заунывную музыку. Железобетонная панель не позволяла расслышать большинство слов, хотя жаргонизмы и мат почему-то охотно пропускала.

Гусев попытался спрятаться от этого шума под одеялом, но тошнотворный рэп легко проникал сквозь толстую ткань. Тогда он накрыл голову подушкой. Это вроде как помогло – гул колонок сделался едва слышным, но заснуть в такой позе не получалось.

Вздохнув, Виктор Сергеевич опустил ноги на прикроватный коврик и принялся натягивать спортивные штаны. Выходить из квартиры, чтобы позвонить в неприятельскую дверь и заниматься разговорами на повышенных тонах, совершенно не хотелось, но других способов утихомирить распоясавшихся соседей он придумать не мог. Опыт предыдущих конфликтов показывал, что за стеной живут не слишком адекватные люди. Гусев уже не раз с ними ругался, но так и не смог донести до них «золотое правило нравственности».

Оказавшись на лестничной площадке, Виктор Сергеевич, чуть потренировавшись, изобразил на лице самое зверское выражение, которым можно было бы пугать детишек, отказывающихся кушать манную кашу, и нажал кнопку звонка. У соседей тренькнуло, но к двери никто не подошел. Гусев позвонил еще раз, потом повторил операцию, уже не снимая пальца с кнопки. Тщетно! Безбашенные фанаты рэпа трусливо отсиживались за железной дверью, оклеенной коричневым пластиком под дерево, и появляться перед Виктором Сергеевичем явно не собирались. Впрочем, уменьшить громкость проигрывателя они тоже не сообразовали. В ярости Гусев ударил по двери левой ногой, забыв, что он не в ботинках, и больно ушиб палец. Пришлось возвращаться в родные пенаты не солоно хлебавши.

Из-за стены по-прежнему доносился отвратительный гул, спрятаться от которого в малогабаритной квартире, доставшейся Гусеву после развода с женой по размену, не представлялось возможным. Виктор Сергеевич поморщился и, охая, прошел на кухню и включил компьютер. Пока тот загружался, Гусев открыл холодильник и проинспектировал его содержимое. Хотелось

что-нибудь съесть, чтобы успокоиться, но взгляд пробежал по стеклянным полкам, не задержавшись ни на чем. С тоской закрыв дверцу, наш герой уселся за компьютер и заглянул на районный форум. Отыскал в одной из веток телефон участкового и позвонил ему. Но никто не отзывался.

«Ну конечно же! Разве будет нормальный человек сидеть на работе допоздна?»

Гусев начал искать, как поступали другие люди в аналогичной ситуации, и вскоре наткнулся на форум радиолюбителей. Один из его участников рассказывал там о глушилке музыкальных центров, сделанной из микроволновки. Эта тема очень заинтересовала Виктора Сергеевича. В детстве он с успехом собирал простейшие схемы из электронных кубиков, а потом даже замахнулся на создание регулируемого стабилизированного выпрямителя. И хотя это устройство так и не заработало, взорвавшись сразу после включения в розетку, Гусев до сих пор испытывал некий иррациональный интерес к радиодеталям.

Просидев на форуме полночи, он выбрал схему, которая показалась ему достаточно простой для реализации и вполне эффективной. Соседи к тому времени утихомирились, так что до утра Гусеву даже удалось немного поспать. Но, поднявшись по будильнику, наш герой решил, что обязательно построит глушилку, чтобы было чем успокоить супостатов.

На работе Виктор Сергеевич договорился с завхозом, что заберет домой сломанную микроволновку, а у техников из лаборатории выменял коробку чая «Липтон» в пакетиках на кое-какие микросхемы и провода. За полкило конфет «Белочка» мастера даже выдали ему на неделю служебный паяльник вместе с канифолью и оловом.

Два вечера подряд Гусев возился с потрохами микроволновки, отсоединяя и изолируя ненужные контакты и добавляя к магнетрону кое-как спаянную управляющую схему. Всех радиодеталей он так и не собрал, поэтому иногда импровизировал в меру собственного понимания физики. Когда с пайкой и монтажом было покончено, наш герой примотал излучающий блок изолентой к черенку лопаты, позаимствованному у того же завхоза.

Теперь оставалось дожидаться, когда соседи снова вздумают нарушить его покой. Собранная СВЧ-пушка лежала у стены рядом с подставкой для телевизора. В последующие дни Гусев несколько раз запнулся об нее, когда ходил к окну, и что-то даже погнул. Он понадеялся, что это не сказалось на работоспособности устройства, и не стал проверять.

Случай испытать глушилку представился через пару недель. Выключив телевизор и открыв фрамугу, наш герой имел удо-

вольствие лицезреть полную луну, повисшую над панельной многоэтажкой на противоположной стороне улицы. Диск цвета позолоченного серебра испускал мягкое волшебное сияние и вызывал в душе щемящую тоску по несбыточному.

Виктор Сергеевич вздохнул: нечасто ему выдавались моменты, когда можно отрешиться от ежедневной суеты и насладиться красотами природы. Он вспомнил, как мечтал в детстве о телескопе и как подолгу любовался звездами в родном дворе, выискивая в темном небе знакомые созвездия и планеты. Теперь же зеркально-линзовый телескоп системы Максутова на экваториальной монтировке, столь желанный когда-то, пылился на шкафу. Пользоваться им в большом городе, залитом электрическим светом, было невозможно.

И тут из-за стены раздался мерзкий гул соседских колонок. Виктор Сергеевич стиснул зубы и решительно двинулся к СВЧ-пушке. Взял черенок от лопаты, направил запылившуюся глушилку на источник звука и, воткнув вилку в розетку, включил микроволновку.

Сначала ничего не происходило. Противный голос рэпера выкрикивал похабщину под монотонную музыку. Виктор Сергеевич даже решил, что устройство не работает и потрогал пальцем провода. Его тут же ударило током. А потом стена перед ним вдруг изогнулась самым загадочным и непонятным образом, и Гусев увидел извилистый проход в толще железобетона. Он казался большим и маленьким одновременно.

От неожиданности Виктор Сергеевич уронил деревяшку с глушилкой на левую ногу, снова ушибив несчастный палец, и, охнув, запрыгал на правой. Потеряв равновесие, он влетел в загадочный проход, ощутил сильное головокружение, перестав понимать, где верх, а где низ, и рухнул куда-то.

Поднявшись на ноги, Гусев огляделся. Он стоял на возвышении, заросшем густой оранжевой травой. Чуть поодаль поднимались странные образования, похожие на гигантские грибы с пупырышками на ножках и радужным отливом на полусферических шляпках. Над ними в красноватом небе висел огромный полупрозрачный объект. Примерно так выглядела бы днем Луна, если бы очутилась раз в десять ближе к Земле.

Повернув голову, Гусев увидел целый лес желто-коричневых остроконечных скал, перемежающихся узкими полосками зеленоватой воды. Ажурные шпили, заставляющие вспомнить о готических соборах, целились в небо, их ряды тянулись до самого горизонта. Гусев замер с открытым ртом, пытаясь постичь разумом невероятный пейзаж. Такое невозможно было даже вообразить!

Вдруг за спиной у него раздалось вежливое покашливание. Так обычно напоминает о себе деликатный учитель, когда расшалившиеся младшие школьники слишком увлеклись игрой и не заметили, что уже начался урок. Гусев оглянулся и увидел смуглого человека, растянувшегося в шезлонге. Незнакомец напоминал индуса, его загорелый высокий лоб украшала красная вертикальная полоска. Правда, такого облачения у жителей полуострова Индостан Виктор Сергеевич не мог припомнить: светящийся комбинезон перламутрового цвета выглядел на редкость футуристично, как будто над ним поработал Пако Рабан.

Незнакомец сделал приглашающий жест, и Гусев разглядел рядом второй шезлонг. Наш герой согласился с тем, что в ногах правды нет, и плюхнулся по соседству со смуглым. А тот протянул ему что-то красное и показал на свой лоб. Виктор Сергеевич взял в руки нечто, похожее на детскую наклейку, и понял, что это такая же полоска, как у незнакомца. Осторожно приложив ее ко лбу, Гусев провел сверху указательным пальцем и тут же услышал в голове чужой голос:

- Приветствую вас на Хилиме.
- Здравствуй, – робко выдавил из себя Гусев.
- Вам необязательно артикулировать. Можно общаться одними лишь образами.

И перед внутренним взором Гусева возник невероятный лес, в котором гигантские деревья причудливой формы и расцветки переплетались с блестящими дисками, сферами и сотами, тоже немалыми. Тут наш герой запоздало понял, что его собеседник вовсе не индус, а происходит из мест более отдаленных, чем полуостров Индостан. А смуглый тем временем показал Гусеву себя, проходящего через какой-то шлюз и оказывающегося на Хилиме.

Чтобы не ударить лицом в грязь, Гусев вспомнил потрясающую вечернюю луну на ночном небе, которую наблюдал несколько минут назад, а потом сразу же подумал о брюссельском Атомиуме и храме Святого Семейства в Барселоне. Затем воспроизвел в памяти, как он, Гусев, выглядел на фотографии в Саграда Фамилия, среди удивительных колонн, похожих на ветви деревьев.

Смуглый хмыкнул и улыбнулся. И лишь теперь Виктор Сергеевич разглядел, что его собеседник не человек. Отличия были минимальными, но мимика незнакомца позволяла увидеть их, словно через увеличительное стекло. Вроде бы все такое же, как у Гусева, два глаза, два уха, но форма носа и губ, отсутствие бровей и общие пропорции лица выдавали инопланетного гуманоида.

А незнакомец показал Виктору Сергеевичу что-то, похожее на капсульный отель, в одном из отсеков которого и жил тут смуглый. Продемонстрировав, как густо натыканы капсулы, и как

мало жизненного пространства приходится на одного гуманоида, собеседник Гусева вздохнул, совсем по-человечески. Наш герой тут же преисполнился к инопланетянину доверия и представил стесненно свою малогабаритную квартиру, шумных соседей за стеной и микрорайон, застроенный близко расположенными одна к другой панельными высотками. Затем подумал о прекрасной вечерней луне и о своем детском восхищении звездным небом.

Гуманоид тут же прокомментировал:

– Приятно видеть собрата по разуму! Позвольте пожать вам руку?

Гусев торжественно сжал смуглую пятерню, почти неотличимую от человеческой.

Потом они долго разговаривали на разные темы. Оказалось, что этика и эстетика их миров достаточно близки, если не вдаваться в частности. Виктор Степанович всегда подозревал, что чувство прекрасного является тем фундаментом, на который должно опираться любое общество разумных существ, и, узнав, что его новый знакомый мыслит примерно так же, воспрянул духом.

Одновременно Гусев продолжал любоваться красотами Хилима. Один из спутников планеты уходил за горизонт, превратившись в бордовый диск почти на полнеба. В то же самое время с противоположной стороны появилась другая луна Хилима. В зените сияло местное бело-голубое солнце.

Гуманоид поведал, что этот заповедный мир располагается в ближайшем к центральной перемычке Галактики звездном рукаве, и что многие его соотечественники выбирают сюда в поисках вдохновения, смысла жизни или же просто отдыха от скученности родной планеты. Виктор Степанович почему-то вспомнил Лену, свою бывшую жену, и вздохнул. Уловив его мысль, инопланетянин высказал вслух слова поддержки, которые Гусев понял даже без помощи полоски на лбу...

Перед прощанием гуманоид указал землянину на туманное пятно слева от шезлонгов, пожал новому знакомому руку и шагнул в подобную дымку справа. Виктор Сергеевич кинул последний взгляд на остроконечные скалы, на радужные грибы и ступил в туман. Голова снова закружилась, верх и низ поменялись местами, и наш герой рухнул на пол своей комнаты рядом с кроватью. Извилистый проход в стене исчез. СВЧ-пушка валялась рядом, чуть потрескивая.

Поднявшись, Гусев выключил глушилку, от которой начало попахивать горелым пластиком, и прислушался. Через толщу железобетона доносились проклятия соседей, недоумевающих, почему сгорел их музыкальный центр. Виктор Сергеевич улыбнулся и подошел к окну.

Серебристый диск луны поднялся выше и чуть потускнел. Глядя на него, Гусев подумал о том, что где-то далеко в Галактике живут собратья по разуму, такие похожие на землян. И найти с ними общий язык оказалось очень просто. Гораздо проще, чем с соседями по лестничной клетке.

ТАЙНА ПРИДВОРНОГО ВЕЛИКАНА

От автора: Недавно мы с женой совершили путешествие по долинам Мозеля и Рейна. Местность там – живописнейшая, располагает к романтическому образу мысли. Реки изгибаются подобно гигантским змеям, открывая за каждым новым поворотом красивые маленькие городки, замки или руины на вершинах холмов и колоритные виноградники по их склонам.

В одной из твердынь, воздвигнутой над окрестными поселениями суровым и беспощадным практиком более тысячи лет назад и восстановленной капиталистом-романтиком во второй половине XIX столетия, мы увидели оружейную комнату – просторный зал с большим камином и великолепной деревянной лестницей с резными перилами. Там хранились рыцарские доспехи – с полдюжины полных комплектов – и маленькая пушка на лафете с металлическими колесами.

Латами нас удивить трудно, особенно после посещения музея армии в Париже и королевской армерии в Мадриде. А все доспехи в этом замке являлись лишь копиями XIX века. Но тем не менее нашлась и здесь диковинка, взбудоражившая мой разум. В углу оружейной, в оконной нише, высился полный комплект лат для исполинского воина. По словам гида, эта броня предназначалась человеку ростом 2,35–2,4 м.

Когда вечером я добрался до компьютера, то сразу же бросился наводить справки. Оказалось, что и в самом деле в XVI веке жил человек, для которого изготовили гигантские латы – их копию мы и видели в замке. Но сведений об этом человеке отыскалось до обидного мало...

Пролог

Дозорный, дежуривший на башне Порта д'Арко, заметил его издаലെка. Долговязая фигура путника в светлом дорожном плаще отчетливо вырисовывалась на темно-зеленом фоне гребня горы Бренто. Когда странник с посохом в правой руке, идущий со стороны Тренто, обогнал повозку, запряженную парой серых осликов, стало видно, как высок этот путник. Дозорный позвал напарника:

– Энцо! Гляди, какой жердяк к нам направляется. Ставлю крест против пфеннига, что он не поместится под аркой!

Второй караульный долго смотрел на приближающегося путника, а потом ответил:

– Я и спорить с тобой не буду! Это так же верно, как и то, что меня зовут Лоренцо.

Когда великан достиг ворот и, действительно, был вынужден наклониться, чтобы пройти под аркой для пешеходов, там его уже поджидали Лоренцо с напарником. Скрестив алебарды, они преградили страннику путь.

– Кто таков? Откуда? Зачем пришел в Рива-дель-Гарда?

Высоченный человек в светлом плаще вытащил из-за пазухи свиток, перевязанный лентой с оттиснутыми на испанском воске печатями, и показал стражникам.

– Слуга наместника Тироля, Австрии и Штирии его высочества принца Фердинанда, с дозволения князя-епископа.

Ни Лоренцо, ни его напарник не умели читать, но тирольского орла на одной из печатей разглядели, поэтому с постыными лицами уступили дорогу. А великан направился к церкви за площадью.

Когда он проходил мимо лавки башмачника Антония, на него уставилась женщина средних лет.

– Прошу прощения, господин, – сказала она с робостью в голосе. – А вы, часом, не тот бедолага, которого выхаживал падре Христофор?

I

У верзилы Бартельмё Бона была отличная память. За год, проведенный в замке Пюрглиц, он научился в совершенстве говорить и читать по-немецки, а также освоил латынь и то наречие, на котором общались между собой крестьяне из деревень, окружающих замок. Наместник всех этих земель принц Фердинанд иногда по рассеянности обращался к Бартельмё по-кастильски, но великан всегда верно понимал, чего желает его господин.

При всем при том Бартельмё ничего не помнил о своем детстве и юности. Он даже не знал, где родился. Самыми ранними воспоминаниями великана были сине-зеленые воды озера, яркий свет, пронзающий их, и голос, звучащий откуда-то сверху. Затем к ним добавлялись образы маленького городка на живописном берегу, высоких гор неподалеку и церкви, настоятель которой выхаживал выловленного из озера. Что с ним происходило до того, Бартельмё вспомнить не мог, как ни старался. И от этого ему всегда становилось грустно. Госпожа Филиппина поначалу пыталась вернуть ему память отварами целебных трав, которые она выращивала в замковом огороде, но не преуспела в этом...

От размышлений великана отвлекли громкий смех свиты принца и гнусавый голос карлика Томеля. Этот голос становился еще противнее, отражаясь от дубовых балок потолка трапезного зала.

– А вы знаете, зачем его высочество принял Бартельмё на службу?

– Зачем? – спросил кто-то из придворных.

– Чтобы рядом с ним всегда был ходячий флагшток!

Шутка получилась так себе, почти никто не засмеялся. Бартельмё вздохнул: карлик невзлюбил его с первого взгляда и постоянно избирал мишенью для своих глупых острот.

– А если на охоте нам преграждает дорогу ручей, то мы перебрасываем через него господина Бона и идем по нему, как по мосту.

Тут уж великан не стерпел и ответил:

– А господином Томелем мы измеряем глубину этого ручья.

В трапезной раздался новый взрыв смеха, а карлик окинул Бартельмё злобным взглядом и полез за пазуху. Через мгновение великан ощутил, как что-то мокрое ударило его по щеке. Это Томель начал плеваться вареным горохом через тростинку, вызвав еще большее оживление у челяди принца. Такого Бартельмё уже не мог простить. Он встал, выпрямившись во весь свой исполинский рост, едва не доставая головой до потемневших дубовых балок. Люди в трапезной притихли: семь с половиной венских футов – это впечатляло!

Великан склонился над столом, вытянул свою огромную лапшу, схватил за шиворот убежавшего карлика, поднял его к самому потолку, к вящему удовольствию собравшихся, и чуть встряхнул. Ручки и ножки Томеля задрожали от страха, а лицо маленького остряка приняло самое жалобное выражение. Казалось, что карлик сейчас разрыдается. Под гогот придворных Бартельмё зацепил ворот темного шаубе своего недруга за прибитые к стене рога оленя и оставил Томеля висеть. Челядь принца заходилась от смеха, кто-то даже падал под стол, держась за живот. А карлик заверещал, как перепуганная свинья, и, наконец, расплакался, что вызвало еще более оживленную реакцию придворных.

На шум вышел сам Фердинанд. Облаченный по испанской моде, он, однако, предпочитал светлые тона в одежде. Ни один мускул не дрогнул на аристократическом лице принца, лишь румянец выступил на его бледных щеках. Дворяне из свиты повскакивали с мест, роняя скамейки, челядь встретила появление своего господина почтительными поклонами, и в трапезной наступила тишина. Даже Томель перестал рыдать, лишь нервно подергивал конечностями, сделавшись похожим на огородное пугало, раскачиваемое ветром.

Голубые глаза Фердинанда медленно обвели весь зал и остановились на Бартельмё.

– Сними его и зайди в библиотеку.

Когда великан отцеплял карлика от оленьих рогов, Томель исхитрился укусить его за руку. Но Бартельмё лишь наградил своего недруга презрительным взглядом, осторожно поставил на пол, слизнул кровь с раненого запястья и зашагал к выходу из трапезной. Бон почти не сердился на этого нелепого маленького человечка. Он прекрасно понимал, что карлик, забавлявший Фердинанда и госпожу Филиппину, боялся оказаться ненужным после появления Бартельмё, потому и задирали великана. Еще Бон догадывался, что Томель испытывает самые нежные чувства к госпоже, а грубые шуточки над другими слугами и придворными помогали карлику скрывать свои сердечные привязанности.

II

Принц уже сидел за столом возле книжных стеллажей. Некоторые из томов на этих полках с дозволения господина успел прочитать и Бартельмё. В руке Фердинанд держал очиненное гусиное перо, временами касаясь его опухшим рыжеватой бородки. Из окна библиотеки открывался замечательный вид на пологие холмы, поросшие лесом. Осень уже разбросала по зелени листья пятна желтого, красного и коричневого, где-то густо, а где-то еще чуть заметно, и теперь под лучами утреннего солнца пуща вокруг замка казалась несметной армией в парадных мундирах под трепещущими разноцветными знаменами.

– Ваше высочество. – Великан согнулся в поклоне даже ниже, чем предписывал придворный этикет.

Принц указал ему на коротконогую скамейку. Ее сделали специально для того, чтобы сидящему Фердинанду не приходилось поднимать голову, глядя на своего громадного слугу. Бартельмё сел, при этом колени его оказались почти вровень с плечами.

– Когда я брал тебя на службу, разве я не просил не обижать Томеля?

– Просили, ваше высочество.

– Так почему же ты ослушался меня?

– Ваше высочество, он дразнил и задирали меня с самого Воздвижения Креста, и сегодня я уже не смог сдержаться.

– Ладно, поделом ему. В следующий раз подумает, прежде чем приставать. Но я вызвал тебя не для этого. Наш августейший брат устраивают в честь нашего венценосного батюшки турнир в Вене будущим летом. Ты знаешь, как важно мне их доброе отношение. Мне и госпоже Филиппине. Поэтому мы решили, что ты поедешь вместе со мной и будешь во время турнира компаньоном принца

Рудольфа, сына нашего августейшего брата. Ты когда-нибудь носил рыцарские латы?

- Наверное, нет, ваше высочество.
- Зайди к моему оружейнику, он снимет мерки, а потом обратись к капитану Конраду, чтобы он научил тебя держать в руках меч и копье. Настоящего рыцаря из тебя не сделать, но пусть хотя бы попытается!

Выходя из библиотеки, Бартельмё почувствовал необыкновенное волнение. Той жизни, к которой он уже успел привыкнуть, пришел конец. Впереди его ожидало что-то особенное и от этого перехватывало дыхание и чуть холодило в животе.

...За полгода мастер Антон, ученик самого Стефана Рормосера, собрал из стальных пластин исполинские латы, отполировал их до блеска и даже выгравировал узоры на кирасе. Все это время начальник замковой стражи не давал Бартельмё спуска ни днем, ни ночью, обучая азам ратного искусства. Странное дело, занимаясь с капитаном Конрадом, великан постоянно чувствовал, что ему нравится держать оружие, и он прекрасно знает, как с ним обходиться. Как будто руки сами понимали, что делать. Даже строгий капитан признал, что никогда не видел, чтобы кто-либо так быстро овладел двуручным мечом.

А еще великан не мог отделаться от ощущения, что копья, алебарды и прочее оружие, которое имелось в замке, кажутся ему детскими игрушками. Из головы не выходили странные мысли о чем-то более смертоносном, но, имея некий опыт общения с окружением принца, он никому не высказывал своих соображений.

III

Однажды погожим зимним днем капитан решил показать, как рыцари бьются врукопашную. Он лихо раскидал, одного за другим, с полдюжины своих ратников, а потом предложил Бартельмё напасть. Тот долго отнекивался, но начальник замковой стражи настоял на своем, и верзиле пришлось вступить в схватку.

Конрад уклонился от рук великана, потом как-то хитро зацепил его за ногу и уронил на утопанный снег, запрыгнув сверху. Ратники радостно загалдели, но верзила, сам того не ожидая, вдруг проделал что-то невероятное: он надавил огромными пальцами на глазные яблоки капитана, откинул его голову назад, потом крутнулся ловким движением и оказался над своим противником. Затем Бартельмё переплел своими ногами ноги Конрада так, что капитан взвыл от боли.

Солдаты, услышав крик своего начальника, бросились на помощь, но великан, мгновенно поднявшись, провел серию быстрых приемов, после которой на снегу валялись уже семеро.

– Хватит! Всем стоять на месте! – крикнул Конрад, увидев, что ему на помощь бегут новые ратники. Потом тяжело встал, подошел к Бартельмё и негромко спросил: – В какой компании ты служил, парень? Кто был твоим кондотьером?

А великан не знал, что ответить. Его тело во время боя двигалось автоматически, все движения были отработанными, заученными, как будто ими управлял кто-то другой. Неужели раньше он служил наемником?

После Пасхи Бартельмё впервые облачили в новенькие доспехи и заставили показать, как он двигается с оружием. Зрелище получилось устрашающим, исполинский воин в сияющих латах, с громадным двуручным мечом походил не то на архангела Михаила, не то на наваррского короля Санчо Сильного, преследующего сарацин. Никто из замковой стражи не захотел по доброй воле скрестить с ним клинки, даже капитан Конрад. А принц, выйдя посмотреть на новоявленного Голиафа, остался доволен.

– На Бонифация выступаем. Будем в Вене к началу турнира. – И с просветевшим лицом зашагал в покои госпожи Филиппины.

В ту ночь Бартельмё приснилось, что он несется по облакам верхом на буйном черном жеребце. Резкий ветер охлаждал лицо, лохматил волосы и вздыбливал плащ, но от этого лишь сильнее хотелось петь и трубить в боевой рог. Рядом мчались дюжие неистовые воины на таких же вороных скакунах с бешеными темно-коричневыми глазами. Каждый из верховых пытался вырваться вперед, туда, где бежали, рыча и скалясь, огромные черные псы. Потом откуда-то сбоку раздался громовой хохот предводителя – исполинского одноглазого всадника на восьминогом коне.

Вскоре над облаками показалось что-то громоздкое, массивное, темнее самой ночи. Гора, пронзившая верхушкой небо? Но почему же шевелится ее ближний край? Бартельмё вгляделся в аспидно-черные сумерки и увидел, что на склоне сгрудились полчища уродцев, похожих на поросшие мхом валуны.

Одноглазый предводитель оглушительно засвистел и поднял длинное ясеневое копьё. Оно выглядело обманчиво простоватым, но перед ним не мог устоять ни один щит, ни один панцирь. Это копьё пробивало камень, как мягкую глину. Бартельмё затрубил в рог, выхватил из ножен меч и понесся на врагов. Черный жеребец яростно захрипел и замотал головой, пытаясь языком вытолкнуть трензель...

IV

Наутро Бартельмё проснулся сам не свой. Он долго не мог понять, кто он и где он. За завтраком великан рассеянно смотрел то на пиво в оловянной кружке, то на кусок хлеба с разогретым вче-

рашним мясом, пока не удостоился нескольких обидных острот от Томеля. Лишь тогда верзила хоть немного пришел в себя.

Покинув трапезный зал, Бартельмё бесцельно ходил по замку, пока не забрел в часовню. Яркий утренний свет лился через высокие окна, золотил статуи апостолов на стенах и небольшой алтарь-складень с резными фигурами сверху и внутри. И показалось великану, что именно здесь, под этими ажурными сводами, он найдет ответы на все вопросы, что мучают его.

– В твоих глазах я вижу смятение. Чего взыскуешь, сын мой?

В часовне возник монах в темно-коричневой шерстяной рясе, подпоясанной веревкой. Солнечные лучи проказливо отражались в его гладко выбритой тонзуре, пуская зайчики на серые каменные стены. Большие уши, подслеповатые карие глаза и ямочки на щеках – внешность отца Антония, духовника госпожи Филиппины, располагала к откровенности. Казалось, что пастырь с таким кротким лицом не может быть строгим.

Бартельмё решил излить душу монаху и рассказал о своем сне. Францисканец внимательно слушал, кивал, а когда великан замолчал, веско произнес:

– Это гордыня, сын мой. Твой рост, милости его высочества, прекрасные блестящие доспехи... Дьявол ищет двери в наши души, прелести его вводят нас в соблазн и отвлекают от служения Господу. Тебе он рисует в голове картины богохульные, чтоб ты возомнил себя равным ангелам господним. – Монах взглянул на фигуры ангелов над алтарем, выдержал паузу и продолжил: – Но все это тщетно и не имеет в себе ничего блистательного и славного. А те, кто пользуются этой прелестью дьявольской, на самом же деле не наслаждаются, потому что это вовсе и не слава. Так писал еще Иоганн Златоуст, и ничто не изменилось в нашем грешном мире после его смерти. А посему могу лишь посоветовать смирить свою гордыню, отринуть козни Нечистого и с рвением, достойным истинного христианина, посещать все церковные службы. И не забудь читать «Отче наш» дюжину раз на каждой заутрене и вечерне!..

Регулярное многократное повторение молитвы привело к неожиданным результатам. Бартельмё вдруг вспомнил, как впадать в состояние полного расслабления и, наоборот, полной концентрации. Откуда он это знал? Кто его этому научил?

V

На турнир в Вену прибыли более шестидесяти славных рыцарей со всей империи. Когда они по очереди проезжали через красно-черные Швейцарские ворота замка Хофбург, а герольды выкрикивали их имена и звучные титулы, Бартельмё казалось, что

он попал в одну из тех легенд, которые читал в книгах из библиотеки принца. От блестящих доспехов самой тонкой и искусной работы, пышных плюмажей и разноцветных знамен, собравшихся в тесном Швейцарском дворе, рябило в глазах.

Принц Фердинанд в парадных латах миланской работы и позолоченном бургиньоте с эффектной мордой льва на козырьке был похож на античного героя. Но все обязательно останавливали взгляд на исполинском воине в его свите. Пеший, он был почти наравне с конными. Многие рыцари в некотором смятении размышляли, как справиться с таким грозным противником. Один очень рослый и храбрый баварец даже подошел к Фердинанду и вежливо осведомился, не будет ли великан участвовать в турнире. Но принц не менее вежливо ответил, что Бартельмё – не ровня баварцу, и тому следует подыскать себе противника из более знатных и именитых воинов.

Собравшимся сообщили, что турнир сей есть аллегория борьбы между Добром и Злом. После этого в Швейцарский двор вошла небольшая процессия ряженных, где Добро олицетворяла девушка, одетая богиней любви Венерой, а Зло – мускулистый мавр, изображавший бога войны Марса и облаченный, как турецкий султан, в зеленый кафтан с меховой оторочкой и с большим белым тюрбаном на голове. Затем под звуки труб на высоком крыльце замка появились император Фердинанд, его сын и наследник Максимилиан и герцог Баварии Альбрехт. Фердинанд уже смирился со своим возрастом и носил черное шаубе, подбитое горностаем, даже летом. А вот Максимилиан и Альбрехт предстали во всем блеске парадных лат, сделанных по последней миланской моде и покрытых изящной чеканкой с позолотой. поприветствовав участников турнира, император и его наследник потребовали от своих лучших рыцарей доблести, отваги и честной борьбы.

Когда церемония открытия закончилась, принц Фердинанд взял с собой Бартельмё и направился в Штальбург. Это здание, соединенное с остальным Хофбургом крытым переходом, недавно построили для Максимилиана. Пройдя через сводчатый портал, великан оказался в прямоугольном внутреннем дворе. Со всех сторон его окружали аркады в три этажа. Здесь принц и оставил Бартельмё.

Некоторое время спустя во двор степенно вышел мальчик в светлом шерстяном дублете, поверх которого был надет темный кожаный колет с золотыми пуговицами. Лицо ребенка, в целом миловидное, чуть портил слишком длинный и выдвинутый вперед подбородок. Подойдя к великану, мальчик окинул его взыскательным взглядом и важно произнес:

– Дядя Ферди сказал, что ты будешь моим вассалом до самого конца турнира. Почему ты не присел на одно колено и не поцеловал мне руку?

Бартельмё сначала опешил, потом исполнил требуемое, а мальчик невозмутимо произнес:

– Пойдем, я покажу тебе своего коня.

Осмотрев конюшню, они перешли в оружейную, где мальчик-принц продемонстрировал великану свои роскошные латы, меч и копье и заявил, что скоро они вместе с Бартельмё отправятся воевать против турецкого султана Сулеймана. Потом Рудольф похвалился коллекцией небольших золотых и серебряных самородков и различных красивых кристаллов. Среди этого великолепия Бартельмё вдруг заметил невзрачный серебристо-белый чешуйчатый продолговатый обломок с розоватым отливом. Непостижимым образом великан ощутил, что этот обломок очень важен для него. И, набравшись смелости, он обратился к мальчику-принцу:

– Ваше высочество, могу ли я просить вас о великой милости?

Рудольф выпрямился, надулся и важно произнес:

– Говори!

– Я готов сослужить вам любую службу, не противоречащую имперским или божественным законам, если вы отдадите мне этот камушек! – И он указал на чешуйчатый обломок.

Рудольф окинул великана подозрительным взглядом и взял в руки странный камень.

– Это не золото и не серебро. Зачем он тебе?

– Я впервые в Вене, и вдруг сразу увидел императора, Хофбург, вашего батюшку и вас. Возможно, это самое яркое впечатление моей жизни. А этот камушек будет мне напоминать о сем великом дне, когда я вернусь в свое захолустье.

– Откуда ты?

– Из Трентино.

– Владения князя-епископа Мадруццо, нашего верного союзника. Я подумаю над твоей просьбой. На сегодня ты свободен, но завтра должен быть в приемной к моему пробуждению...

На следующий день мальчик-принц сообщил, какой службы потребует от своего огромного компаньона. Бартельмё был ошарашен, но, вспомнив, что говорил принц Фердинанд на этот счет, подчинился беспрекословно.

VI

Однажды в июне, перед началом утренних поединков, герольды объявили, что в последний четверг перед днем святого Антония Падуанского на площади возле императорского замка

состоится зрелище доселе невиданное. Всех желающих приглашали приходиться к полудню.

В указанный день благородные гости собрались на трибуне ристалища, а простолоудины столпились у забора. Когда тени от шатровых башен Хофбурга укоротились до предела, загремели начищенные до блеска трубы, и на почетные места прошли император, принцы и герцог Баварский. Они расположились в креслах, и император кивнул. Трубачи снова вскинули свои инструменты. После призывного громового аккорда началось действие.

Заиграли лютни, и на ристалище появилась невысокая девушка в старинном платье принцессы и высоком головном уборе эннене с длинной, но легкой полупрозрачной завесой. Девушка дошла, пританцовывая под музыку, до середины площади, а потом все зрители разом вскрикнули: за спиной у «принцессы» появился кто-то ужасный. Высоченный, в полтора человеческих роста, волосатый мужчина потрясал жезлом, в роли которого выступало вырванное с корнем дерево. Из одежды на великане присутствовали лишь венки из зеленых листьев на голове и юбочка из тех же самых листьев вокруг чресел. Густая темная растительность на теле этого варвара привела женщин в легкое смущение. Сей дикарь громко кричал на непонятном языке и угрожающе размахивал своим жутким жезлом.

Обернувшись, принцесса увидела своего грозного преследователя и вскрикнула от страха. Но тут трубачи снова взяли за свои блестящие инструменты, и на ристалище выбежал маленький рыцарь в сияющих доспехах, с плюмажем на шлеме и факелом в правой руке. Без размышлений этот юный воин бросился на великана и вынудил того отойти от девушки. Дикарь явно боялся пламени. Он кричал, ругался, но отступал шаг за шагом, пока не очутился у самого забора. Там он сел на корточки, прижался спиной к жердям и выбросил жезл-дерево.

Маленький рыцарь не удовлетворился содеянным. Он передал факел слуге в ливрее, выхватил у другого турнирное копьё, сделанное как раз по его росту, и начал тыкать корончатым наконечником в ногу великана. Гигант при этом смешно вскрикивал и пытался уползти от своего грозного противника. Наконец, понуждаемый уколами копья, дикарь остановился на коленях в центре ристалища, повернувшись лицом в сторону собора Святого Штефана, и перекрестился.

Снова загремели трубы. Маленький рыцарь с копьем на плече, дикарь и принцесса совершили круг почета по ристалищу под рукоплескания зрителей. А потом они поднялись на императорскую трибуну, и там воин снял шлем. Все увидели, что это принц Рудольф, внук императора. Его дед и отец добродушно хохотали...

Вернувшись в свои покои в Штальбурге, мальчик-принц позвал к себе Бартельмё.

– Ты хорошо потрудился. Думаю, что в этом городе надолго запомнят дикаря, которого ты изображал. Держи! – И Рудольф протянул великану два мешочка. В одном позвякивали монеты, в другом находилось что-то неровное и продолговатое.

Бартельмё присел на одно колено и склонился в поклоне.

– Благодарю вас, ваше высочество! Я рад был вам услужить!

– Может, останешься моим придворным великаном? Мы вместе поедem на войну, и ты поможешь мне пленить самого турецкого султана.

– Спасибо, ваше высочество, но я уже присягнул вашему дяде.

– Хорошо. Ты свободен.

Перед вечерней, дожидаясь своего господина, Бартельмё услышал, как принц Фердинанд диктовал письмо:

– Наши августейший брат и венценосный батюшка остались довольны представлением. Максимилиан рассказал, что отец, скорее всего, согласится одобрить наш брак в будущем году на условиях секретности. Он предложит дать нашему сыну фамилию Австрийский, герб, имение и содержание из имперской казны...

Закончив диктовать, Фердинанд одарил великана еще одним мешочком с серебряными талерами. Бартельмё успел заметить, как скривилось при этом лицо карлика Томеля...

VII

А вечером гигант отправился гулять по Вене. От Хофбурга он свернул на улицу, которую все называли «Угольным рынком», но на которой рябило в глазах от ярко раскрашенных вывесок ювелиров и торговцев шелком. Публика тут фланировала важная и красиво одетая. Не успел Бартельмё на нее насмотреться, как улица закончилась широкой и длинной площадью. Над дальним ее концом высился громадный шпиль собора, украшенный позолоченными солнцем и луной. Он поднимался над красными черепичными крышами домов, как вящее напоминание о всемогуществе Господа.

Великан на всякий случай перекрестился, а потом его внимание привлек узкий невзрачный переулочек к северу от площади. Там и люди ходили попроще, и пахло выгребной ямой, но было в нем что-то таинственное и притягательное. Бартельмё прошел по переулку и услышал перестук кузнечного молота, доносившийся из-за ближайшей стены. Подняв голову, он увидел потемневшую металлическую вывеску с парой воронов, глядящих в разные стороны. Великану стало интересно, и он толкнул рукой невысокую дверь.

Лавка располагалась в подвале. В большой зал со сводчатым потолком слабый вечерний свет проникал через зарешеченные

оконца наверху. Под одним из них сидел на скамейке мальчишка подмастерье и полировал пластину доспеха. На неоштукатуренной каменной стене висели несколько деревянных щитов, обтянутых кожей, с полдюжины мечей и десяток кинжалов. На другой стене располагалась всяческая кухонная и хозяйственная утварь. В углу, между скамейкой и большим сундуком, стоял собранный от шлема до саботонов полный доспех рыцаря.

Подмастерье, занятый работой, не обратил на посетителя никакого внимания. Бартельмё прошел в кузницу. Тут было жарко: из большого каменного горна лился багровый свет от раскаленных углей. Даже земляной пол не остужал помещение. За наковальной работал невысокий широкоплечий мужчина в кожаных штанах и длинном фартуке. Оранжевые искры так и разлетались в разные стороны при каждом ударе. Кузнец закончил оббивать молотом заготовку, подхватил ее клещами и опустил в чан с водой. Металл зашипел.

Кузнец поднял голову. Его широкое смуглое лицо обрамляла густая и длинная, но аккуратно подстриженная и расчесанная борода. Темные глаза смотрели на редкость строго и пронизательно. Осмотрев незваного гостя, он кивнул и сказал:

– Приветствую доблестного эйнхери! Давно ты из верхнего мира?

Бартельмё с недоумением ответил:

– Простите, вы, наверное, приняли меня за другого.

А кузнец, как будто не услышав великана, продолжал расспрос:

– Как там поживает Хозяин?

– Я не знаю, о ком вы говорите! Меня зовут Бартельмё Бон, я служу принцу Фердинанду, наместнику Австрии, Тироля и Штирии.

Кузнец нахмурился, глаза его погрустнели.

– И пресветлый чертог с крышей из позолоченных щитов тоже не помнишь?

– Нет. О чем вы?

– И пиры Хозяина?

Бартельмё отрицательно помотал головой. Кузнец тяжело вздохнул. Затем глянул на посетителя внимательнее и принял.

– Я чую запах чародейства. Ты не мог все это забыть сам. Тебя околдовали!

Обойдя вокруг великана, кузнец вырвал у него волос, намотал на палец, что-то пробормотал и бросил волос в горн. Закончив этот непонятный ритуал, широкоплечий снова обратился к Бартельмё:

– Отдай мне то, что ты получил сегодня, но только не серебро и не золото, и я помогу тебе вернуться в верхний мир.

Заглянув в темные глаза кузнеца, великан почувствовал себя так, будто его затягивало в водоворот. Казалось, что земляной пол под ногами покачнулся, а кузница начала медленно вращаться вокруг этого строгого бородатого лица. Чтобы не упасть, Бартельмё быстро отвел взгляд и трижды прочитал мысленно «Отче наш». Наваждение пропало, и к великану вернулась способность трезво мыслить.

Что он сегодня получил? Конечно же, самородок. Он не знал, почему попросил его у мальчика-принца. Серебристо-белый чешуйчатый продолговатый обломок с розоватым отливом вызвал какой-то отклик в его душе. Наверное, это имело отношение к его прошлой жизни. А теперь кузнец, который что-то знает о нем, Бартельмё Боне, просит отдать обломок. Возможно, это позволит вернуть потерянные воспоминания. А может быть, и нет. Кузнец не похож на обманщика, но обманщики слишком часто похожи на честных людей. А ведь еще этот широкоплечий невысоклик может принимать его, Бартельмё, за кого-то другого.

Прикинув так и этак, великан решил рискнуть и полез за пазуху. Нашупал мешочек, протянул кузнецу. Тот быстро достал обломок, чуть подбросил на широкой ладони, потом глянул на свет.

– Глаура, или серое олово. Она же демогоргон. Неспроста ты получил этот самородок, ох, неспроста, клянусь пресветлыми альвами!

Обернувшись к Бартельмё, кузнец скороговоркой произнес что-то певучее на непонятном языке, подошел к столу у самой темной стены и достал какие-то предметы. Раскрыв пергаментный свиток, невысоклик показал Бону изображение змеи, кусающей себя за хвост, и четко проговорил:

– Где началось, там и кончится! Ты должен завершить круг в этом мире.

Великан еще продолжал разглядывать странный рисунок, когда кузнец протянул ему бронзовый ключ размером с ладонь.

– Возьми! Это поможет тебе пройти через портал. А теперь – прощай! И если когда встретишь цверга, то не чини ему зла и передавай привет от родича нифлунга...

VIII

Возвратившись к началу осени в замок Пюрглиц вместе с принцем Фердинандом и его свитой, великан затосковал. Слушавшееся в Вене слышалось, как сказка, и после нее обычная жизнь казалась слишком пресной.

Госпожа Филиппина готовилась снова стать матерью и на глаза придворным и челяди почти не показывалась. Ей то и дело

нездоровилось, поэтому принц часто пребывал в скверном расположении духа. Его высочество не веселили проделки Томеля, старавшегося изо всех сил, и даже не развлекала охота в Пюрглицком лесу. Фердинанд ходил мрачный и еще более бледный, чем обычно. Лишь посылка от брата, передавшего ему луковичи чудесных цветов из Блистательной Порты, которые подарил имперскому послу султан Сулейман, ненадолго вернула принцу хорошее настроение. Он повелел садовнику продумать, где высаживать луковичи по весне, чтобы госпожа Филиппина могла любоваться этими диковинами, не выходя из своих покоев.

Перед днем святой Цецилии в замке царил суматоха. Из Праги для госпожи Филиппины привезли лучшую повитуху, и эта почтенная женщина вместе с господином Маттиоли, личным врачом принца, загоняли всю прислугу и всю свиту своими распоряжениями. Даже Бартельмё был вынужден отправиться в деревню у подножия замкового холма за сушеным прострелом и белым ясенцом с берегов Раковницкого ручья. По пути он видел карлика Томеля, несущегося в противоположном направлении.

На исходе ночи покои госпожи Филиппины огласил громкий крик новорожденного. Младенца обмыли, укутали в пеленки и положили в люльку. Старшая служанка тихонько вынесла ее за стены и оставила перед воротами замка.

Далее в дело вступил капитан Конрад. Получив доклад от дежурного ратника, он принес люльку с «подкидышем» отцу Антонию, а затем вместе с почтенным францисканцем показал младенца принцу и умолял своего господина принять участие в судьбе несчастного ребенка. Фердинанд в присутствии доверенных придворных выслушал доклад капитана, узнал мнение служителя церкви и заявил, что согласен взять на воспитание приемного сына.

Все в замке знали, кто родители «подкидыша», но, уважая своих владетелей, вели себя так, будто верили всей этой истории об усыновлении...

Когда наступила зима и в Пюрглице воцарились холод и скука, Бартельмё все чаще стал заглядывать в библиотеку принца. Вскоре великан взялся за «Деяния данов», изданные почтенным каноником Педерсеном. Цветистые сказания о могучих и бесстрашных конунгах помогали скоротать унылые дни, но, в то же самое время, усугубляли тоску. После Рождества, дойдя до третьей книги, Бартельмё решил по весне уйти из замка и последовать совету странного кузнеца-нифлунга: вернуться туда, где начинались его самые ранние воспоминания. Но как туда добраться?

В библиотеке принца нашлась карта Европы, склеенная из пятнадцати листов и скатанная в рулон. Этот портулан, напечатанный господином Меркатором из Дуйсбурга, показывал, что путь пред-

стоял неблизкий. Сначала нужно добраться до Нюрнберга, оттуда – до Аугсбурга. А дальше двигаться по западному берегу Леха до Фюссена и потом через горы по древней Клавдиевой дороге. Бартельмё постарался запомнить карту во всех подробностях.

В соседней деревне великан заказал себе сапоги с тройной подошвой, подбитой гвоздями. Когда вскрылся ото льда Раковницкий ручей, Бартельмё прикупил у мясника несколько полосок вяленого мяса, а у пекаря – холщовый мешочек с сухарями.

День святого Иосифа выпал на воскресенье, поэтому праздновали его в понедельник. Отец Антоний отслужил мессу и освятил сушеные бобы, которые принесли женщины. Выйдя из замковой часовни, Бартельмё поднял голову. С безоблачного неба светило яркое солнце. Неподалеку разговаривали два ратника из местных. Они обсуждали народные приметы. Согласно им получалось, что год должен быть теплым и хлебным. А еще хорошая погода на святого Иосифа означала, что зима больше не вернется.

«Значит, сегодня и уйду», – подумал великан и улыбнулся солнцу...

IX

Когда стемнело, Бартельмё натянул новые сапоги, кинул в котомку припасы, проверил кошель на поясе. Остатков серебряных талеров, полученных летом в Вене, еще должно было хватить на дорогу. Великан закутался в плащ и тихонько вышел в нижний двор. Замковые ратники уже сидели в теплой казарме, поэтому до калитки удалось добраться без труда. Но стоило гиганту коснуться засова, как сзади раздался знакомый гнусавый голос:

– И куда это ты собрался, верзила?

Бартельмё оглянулся. В трех шагах от него стоял Томель. В руках карлик держал сверток и длинную палку, отчего сам казался совсем крошечным. Лицо давнего недруга приняло хитрое выражение.

– Нашу оглоблю потянуло на прогулки под лунной? А, может, ты наконец завел себе красотку в деревне? Хотя сомневаюсь, что девки перестали тебя бояться.

Бартельмё нахмурился. Он хотел уйти тихо и незаметно, а карлик, судя по всему, решил устроить из этого очередное представление. Томель увидел перемену в его лице и сказал:

– Ладно, не хмурься так, а то станешь похожим на бутцема-на-переростка. Ты думал, что в замке все слепые, глухие и недалекие, и не заметят твоих сборов? Ты думаешь, принц не видел, как ты рассматриваешь карту? Да если хочешь знать, капитан Конрад побился об заклад с господином Пьетро Маттиоли, что ты уйдешь как раз на святого Иосифа. Теперь наш бравый капитан

раздумывает, когда ему лучше прокутить эти десять талеров, самый легкий заработок в его жизни. А мы с отцом Антонием всё надеялись, что ты догадаешься перед уходом попрощаться с госпожой. Но ты не оправдал наших надежд, дубина стоеurosовая... – Карлик фыркнул от возмущения и почесал запястьем нос. – Что молчишь? Думал, что самый хитрый? Ну-ну! Ладно, хватит об этом. Вот тебе от его высочества. – Томель протянул великану свиток, перевязанный лентой.

– Что это? – удивился Бартельмё.

– Дозволение его высочества на твое передвижение в пределах империи. А это рекомендательное письмо к князю-епископу Мадруццо. – Карлик достал второй свиток.

У великана перехватило дух от волнения. Он ожидал какой-то каверзы в обычном духе Томеля, а оказалось, что тот явился к нему с самыми добрыми намерениями. Между тем карлик продолжал чуть более нежным голосом:

– Это тебе от госпожи, бальзам из целебных трав и медальон. Повесть образок на шею, чтобы святой Николай оберегал тебя в пути. – Вручив все это Бартельмё, Томель добавил: – Еще госпожа просила передать, что если ты решишь вернуться, она всегда будет рада принять тебя под свое покровительство.

Бартельмё наклонился и осторожно прижал карлика к груди. Томель буркнул подозрительно срывающимся голосом:

– Отпусти, верзила! Раздавишь! – Он заморгал и потянулся ладонью к глазам. А отстранившись от великана, шмыгнув носом и проговорил уже своим обычным гнусавым голосом: – Вот тебе последний подарок, от капитана Конрада, мастера Антона и меня. Этот посох поможет тебе в дороге, если ты понимаешь, о чем я говорю.

Деревянный шест был прихвачен сверху и снизу железными набалдашниками.

Карлик подмигнул:

– Если встретишь разбойников, вспомни, чему тебя учил капитан! Удачи тебе, орясина!

– Спасибо вам всем!

Бартельмё вытер пальцами внезапно увлажнившиеся уголки глаз и снова прижал к себе Томеля. Потом взял посох левой рукой, а правой открыл калитку. Доброту и щедрость обитателей замка Пюрглиц он не забудет никогда...

Х

– Да вы лучше оставайтесь у нас на ночлег! – Хозяйка постылого двора в Брайтенванге приветливо заулыбалась великану, после того, как он расплатился за обед серебром. – В Хайтерванг

до темноты вы можете не успеть. Да и дорога через лес идет... Мало ли что случится.

– Вы же говорили, что тут чуть больше мили.

– Да, но это же в гору. К тому же там всякое бывает возле Фалькенберга...

– Что именно?

Трактирщица осторожно огляделась и заговорщицким шепотом произнесла:

– Говорят, что там ландскнехты бродят, которые на войну в Швецию собирались, да от своих отбились по дороге. На днях купца из Инсбрука ограбили, который шел без охраны. Хорошо, что не убили.

Великан улыбнулся:

– Я не купец, с меня брать нечего.

День стоял теплый, почти летний. Луга вокруг деревни уже радовали глаз свежей сочной зеленью, но листья на деревьях еще не распустились. Солнце золотым шаром висело над вершинами окрестных гор, иногда пропадая за пушистыми белыми облаками. Бартельмё бодро шагал по пыльной дороге. Сначала идти было легко, но когда деревня скрылась из виду, путь пошел вверх, петляя между зелеными соснами и черными дубами, буками, липами и каштанами. Великан немного замедлился, чаще опираясь на посох.

После очередного изгиба дороги показались две горы. На правой виднелись серые башни замка, возвышающиеся над верхушками деревьев. Подойдя ближе к седловине, Бартельмё заметил, что когда-то ее перегораживал частокол, ныне сожженный дотла. Следы недавней войны.

Великан шел уже больше часа, но не встретил ни единой души, хотя на утрамбованной земле виднелись свежие следы колес. А потом вдруг услышал свист. Перехватив посох поудобнее, Бартельмё огляделся. Вокруг никого не было, но издали доносились голоса.

Когда дорога обогнула склон соседней горы, перед глазами великана предстала повозка, с которой дюжие мужики в пышных одеяниях с буфами и разрезами стаскивали мешки. Рядом стоял дородный щеголь в голубом берете, украшенном страусиными перьями, кирасе, надетой поверх ярко-желтой атласной камизы и узорчатых серых плундрах, расшитых лимонными лентами. Перед разряженным верзилкой валялся в дорожной пыли возница. Щеголь отпихивал его носком сапога и приговаривал, держась за перевязь с мечом:

– Принесешь деньги – получишь мешки обратно. Не будет денег – останешься без зерна и без осликов.

Тут обладатель голубого берета повернулся и увидел Бартельмё. На лице щеголя мелькнуло что-то, отдаленно напоминающее улыбку.

– Ба! Какой удачный час! Еще один добрый человек решил пополнить казну желтой банды! Подходи, жердяй! Не бойся! Мы спасем тебя от лишнего серебра, и тебе не на что будет грешить!

Остальные мужики заулыбались, отвлеклись от мешков и начали подходить к великану. Бартельмё окинул их взглядом, оценивая расстояние, потом ввел себя в состояние полной концентрации и начал действовать, не задумываясь ни на мгновение. Схватившись левой рукой за верхушку посоха, он быстрым движением махнул своим оружием, разбив череп ближайшему бандиту. Затем, описав посохом круг в воздухе над собой, он срубил второго, перехватил посох двумя руками и ударил окопанным концом в пах третьему.

Следующий мужик успел обнажить свой слегка искривленный клинок, схватил его рукоять обеими ладонями и атаковал великана. Бартельмё легко уклонился и без замаха долбанул своего противника по затылку, сбив широкополую шляпу с желтыми лентами. Одновременно он ударил его ребром подошвы по боковой стороне колена. Бандит завопил и рухнул на дорогу.

Оставались еще трое. Пока щеголь доставал из-за пояса пистолеты и целился, остальные мужики с мечами нападали на великана с разных сторон. Уклонившись от одного, Бартельмё закрылся им от выстрела. Щеголь ругнулся, а бандит упал с простреленным плечом. Не мешкая, великан ударил посохом, как двуручным мечом, пробил защиту второго бандита, сломав ему руку и выбив кацбальгер. Засадил ему ногой в пах и бросился на щеголя.

Грохнул выстрел. Великан почувствовал, как что-то ударило его в грудь и обожгло кожу, но не остановился, пока со всей силы не ткнул противника посохом в живот, чуть ниже края кирасы, потом противоположным концом в подбородок. Щеголь свалился без чувств. Оглядевшись, Бартельмё заметил под деревьями еще одного бандита, дрожащими руками нацеливающего пистолет. Великан метнул посох, попав точно в голову. Раздался хруст, какой бывает, когда колют орехи.

Отдышавшись, Бартельмё поднял из пыли возницу. Того колотило от страха. Заплетающимся языком крестьянин пробормотал: «У-в-в-вас на г-г-груди...» – И показал дрожащим пальцем.

Великан наклонил голову, потрогал грудь и обнаружил, что плащ и камиза прорваны и чуть обуглены, а кожа под ними болит и кое-где кровоточит. От более неприятных последствий его спас медальон со святым Николаем, чью бронзовую поверхность изу-

родовала вмятина от пули. Бартельмё поднял глаза в предзакатные небеса и истово помолился за здоровье госпожи Филиппины. Потом на него накатила эйфория от этой схватки, и он вспомнил, что часто испытывал подобное чувство ранее...

Эпилог

Падре Христофор за эти годы поседел и чуть осунулся. Он был явно рад увидеть Бартельмё. Тот поведал о своей службе принцу, а потом, как бы невзначай, спросил, кто из рыбаков вытащил его из озера. Оказалось, что один из них, Джанни Чесани, умер минувшим летом. Оставался его товарищ, Бруно Лунелли. Он жил на главной площади рядом с башней Аппонале. Поблагодарив священника, Бартельмё покинул его дом.

Вскоре он вышел к воде. В замке, расположенном на прямоугольном острове, кипела работа. Каменщики пробивали окна в мощных венецианских стенах, а там, где они уже это сделали, штукатуры трудились над фасадом. Над главной башней трепетал на ветру флаг князя-епископа, из чего великан сделал вывод, что его преосвященство Мадруццо, находясь под защитой империи, более не опасался Венеции и решил сделать из крепости летний дворец.

Берег озера был усеян рыбацкими лодками, длинными плоскодонными биссами, топами и топеттами с косыми люгерными парусами. На пустыре за каналом, окружающим замок, рыбаки сушили сети после ночного и утреннего лова. Выйдя на главную площадь, Бартельмё засмотрелся на громаду горы Роккетты, нависающей над городком. Она закрывала собой четверть неба с западной стороны.

Бруно Лунелли был дома. Он уже продал весь утренний улов и теперь коротал время до ужина за кувшинчиком красного. Рыбак встретил Бартельмё настороженно, но, получив серебряный талер, повеселел. А после второй монеты Бруно даже признал в своем незваном госте того утопленника, которого он с товарищем когда-то вытаскивал из воды.

Расчувствовавшийся рыбак по просьбе великана рассказал, где находится это место: примерно посередине между небольшой долиной, там, где ручей Понале впадает в озеро Гарда, на западном берегу, горой Брионе на севере и устьем речушки Сарки чуть восточнее. Бруно возвратился мысленно в тот далекий день и припомнил, как низко висели тяжелые тучи, жалобно вопили чайки над озером, надсадно кашлял старый Джанни Чесани и как внезапно открылся в небе просвет, через который яркий солнечный луч осветил лазурную воду на добрых две дюжины футов в глубину. И тогда заметили они с товарищем странный округлый

бугор на дне и неподвижную человеческую фигуру. Вытащить такого здоровяка оказалось непростым делом, но они справились. А вернувшись в Риву, первым делом позвали падре Христофора, чтобы тот решил, куда определить верзилу: на кладбище или в лазарет...

К рассвету Бартельмё отплыл от Ривы так далеко, что даже башня Аппонале почти слилась с береговой линией. Но гора Брионе, гигантская плита, неведомым образом вбитая в приозерную долину под небольшим углом, служила прекрасным ориентиром. Не рассчитывая на свое искусство пловца, великан раздобыл в городе сухую деревяшку, которую использовал в качестве поплавка.

Когда ночная дымка совсем развеялась, Бартельмё смог вычислить то место в озере, о котором ему поведал рыбак. Оставалось еще с пару дюжин футов, однако ноги уже перехватывала судорога от холодной воды. И вдруг великан ощутил странное: кто-то невидимый будто призывал его к себе, его тянуло туда со страшной силой. Последние гребки давались с трудом, но Бартельмё поневоле ускорился. Оставалось отдышаться, цепляясь за деревяшку, а потом нырнуть.

Открыв в воде глаза, великан увидел ту самую округлую глыбу, о которой рассказывал Бруно Лунелли. Именно к ней тянуло Бартельмё. Протянув руку и коснувшись заилившейся поверхности, он почувствовал биение. Через несколько мгновений на глыбе нарисовался серебристым светом контур двери с полукруглым верхом. Бартельмё вставил ключ, повернул его в замке – и глыба пропала, а все вокруг залил золотистый свет. Сделав несколько шагов, великан вдруг понял, что идет по радуге. Перед ним открылись башни замков невиданной красоты под изумительным аквамариновым небом. И тут гигант вспомнил всё...

От автора: Император Фердинанд I в 1561 году все-таки одобрил брак своего сына и Филиппины Вельсер, дочери богатейшего купца из Аугсбурга, на условиях полной секретности. Их дети были исключены из числа наследников престола, но пользовались покровительством императора и сделали отличную карьеру.

Мальчик-принц Рудольф стал императором в 1576 году, сразу после смерти своего отца, но на войну с Османской империей так и не отправился. У него хватало других забот.

В Вене надолго запомнили то зрелище, которое жители города увидели в четверг перед днем святого Антония Падуанского. До сих пор на Верингер-штрассе, в доме номер 85, располагается ресторан «Zum Wilden Mann» («У дикого человека»), чей фасад украшает изваяние великана в набедренной повязке, с дубинкой в правой руке.

Про карлика Томеля рассказывали разное, но известно, что в 1568 году он изрядно развлек публику, собравшуюся в Мюнхене на свадьбу Вильгельма, будущего герцога Баварии и принцессы Ренаты Лотарингской, когда выпрыгнул из пирога, облаченный в темные рыцарские латы.

Примерно в это же время в Европе снова начали преследовать тех, кто отличался от обычных людей. За век с небольшим по подозрению в колдовстве были казнены десятки тысяч несчастных, преимущественно женщин. С тех пор в нашем мире больше не встретить ни цвергов, ни нифлунгов, ни альвов.

Что же касается Бартельмё Бона, то любые свидетельства о его жизни после венского турнира в 1560 году исчезают из письменных источников. Так что можно полагать, что он вернулся туда, откуда явился в наш мир.

БЕЗДОННОЕ НЕБО ЭДЕЛЬВЕЙСА

Джек радостно взвизгнул и встал на задние лапы, уложив передние на плечи Степану. Тот улыбнулся:

– Да, дружище! Я тоже рад тебя видеть! Пойдем гулять.

Пушистый хвост золотистого ретривера задвигался с утренней скоростью. Лизнув Степана в щеку и нос, пес опустился на четыре лапы и подбежал к двери, призывно оглянувшись на хозяина.

– Подожди секунду! Дай обуться!..

Выйдя за калитку, они направились по тропинке через парк. Вокруг никого не было, поэтому Степан спустил Джека с поводка. Пес понесся к ближайшему кусту, тщательно его обнюхал, затем поднял заднюю лапу и пометил территорию. Проделав это, он вернулся к хозяину и коротко, но требовательно гавкнул.

Степан улыбнулся и достал из кармана красный шипастый мяч. При виде любимой игрушки ретривер поднялся на задние лапы, несколько раз соединив передние движением, похожим на аплодисменты. Никто его этому не обучал, данный жест пес придумал сам и демонстрировал при надобности. А надобность возникала исключительно тогда, когда собаке хотелось поиграть.

– А вот не дам! Сам буду играть!

Степан подкинул мяч правой рукой, поймал и переложил за спиной в левую. Джек присел и наклонил голову набок, что свидетельствовало о крайнем удивлении. Затем он снова коротко гавкнул.

– На, держи, вымогатель! – рассмеялся Степан и высоко подбросил мяч в сторону собаки.

Ретривер ловко поймал игрушку зубами, подбежал к хозяину и, положив мяч у его ног, снова завилал хвостом.

– Хорошо, лови!

Степан забросил мяч подальше, и Джек весело понесся по зеленой траве...

Позже к ним присоединились знакомый лабрадор и юный корги с большими ушами и трогательным взглядом. Собаки бегали по лужайке, играя в чехарду и догонялки, и Степан был счастлив почти так же, как и его питомец.

А потом монотонный металлический голос произнес прямо в ухо:

– Сеанс окончен. Можете снять шлем.

Штурман грузового звездолета «Альтаир» Степан Пегов выпрямился и потянулся пальцами к застежкам на нижней полусфере. Сняв VR-шлем, он поднялся с терапевтического кресла, втиснутого в узкий медицинский отсек. Затем постарался пробраться к выходу, не задев ни один из множества врачебных аппаратов.

Вздохнув, Степан подумал, что с гораздо большим удовольствием общался бы с живым доктором, чем с компьютерной системой. Но медработников в штат транспортников не включали. Корабли этого типа строились так, чтобы отдать под груз как можно больше внутреннего объема. Команда же размещалась по остаточному принципу, и лишнего члена экипажа просто некуда было девать.

Пробираясь через коридор к своей каюте, Пегов старался не глядеть на низкий потолок. От навязчивых мыслей о жуткой тесноте, вызывающих раздражение и беспокойство, его отвлек разговор, происходивший на повышенных тонах где-то по соседству. Звонкий женский голос легко проникал через переборки:

– Громов! Ты меня слышишь?

В ответ раздался глуховатый мужской тенор:

– Э-э-э, Маша... Ты о чем?

Степан вздохнул. За переборкой располагалась каюта Виктора Громова, капитана звездолета. Год назад Громов женился и добился, чтобы его супругу перевели на «Альтаир» на должность суперкарга. И все бы ничего, но его избранница, Мария Снегова, оказалась человеком вспыльчивым, как трифторид хлора, и не стесненным никакими предрассудками. Конечно же, это прекрасно дополняло интроверта Виктора, но излишняя эмоциональность Марии кое-кому действовала на нервы. Пегов подозревал, что именно из-за этого на «Альтаире» поменялся бортинженер.

Из-за переборки тем временем донесся новый крик:

– Романтики и внимания! Чтоб я чувствовала, что я женщина и что ты меня любишь!

Что ответил капитан, Степан не расслышал, но голос Марии звенел, как сирена метеоритной тревоги:

– Я в этой железной бочке заперта, как рыба в консервной банке! Что я тут вижу, кроме полетного задания и грузовых деклараций? Центровочную ведомость? Да я уже на переборки скоро буду бросаться от тоски!

Последним, что нечаянно подслушал штурман, была реплика Снеговой:

– Сделай что-нибудь! Ты же мужчина!

Очутившись в своей каюте, Пегов вспомнил, что сразу после свадьбы капитан и суперкарго были похожи на самых счастливых во вселенной людей. Они трогательно заботились друг о друге, понимали с полуслова и, действительно, напоминали две части одного целого. Но некоторое время спустя монолитный фасад их супружества начали прорезать трещинки, сначала едва заметные, а затем – все более глубокие и широкие.

Выпив таблетки, рекомендованные бортовым компьютером от кабинной лихорадки, Степан растянулся на койке и сразу же закрыл глаза. Он попытался представить себе, что находится не на «Альтаире», метко названном Марией «железной бочкой», а в родительском доме, расположенном в пригороде...

* * *

После приземления в космопорте Эдельвейса и разгрузки капитан собрал свою немногочисленную команду в главной рубке, тесной, как и любой другой отсек корабля, кроме, разумеется, грузовых трюмов. Окинув взглядом штурмана, суперкарго и бортиженера, Громов многозначительно объявил:

– У нас ЧП! Пожарное снаряжение сто лет не проверялось. Увидят космопортовские – мы здесь зазимуем! По инструкциям «Стар Транса», проверку нужно делать раз в год. А у нас? Что вы можете сказать в свое оправдание? – И капитан вперил строгий взгляд в бортиженера.

А тот развел руками:

– Я не знаю. Наверное, это до меня напортачили. Я тут недавно и со всей документацией еще не разобрался. Но обещаю, что данный вопрос внимательно изучу и приму меры.

Громов в ответ произнес самым нейтральным тоном:

– Я послал запрос местным пожарникам: они обещают уладить вопрос за пару дней и стоить это будет на пятнадцать процентов меньше, чем на Земле. Это почти покроет портовый сбор за лишние два дня. Прошу вас немедленно устранить эту досадную

оплошность вашего предшественника и подробно отразить в журнале. Чтобы все было по инструкциям и техрегламентам! Чтoб потом комар носа не подточил! Данные я переслал на ваш коммуникатор. Остальные получают увольнительную на двое суток...

Степан сначала обрадовался тому, что сможет вырваться из тесного звездолета хоть на пару дней, но потом загрустил. Знакомых на Эдельвейсе у него не водилось и чем себя занять, он даже не представлял.

Выйдя на бетонку, Пегов поднял голову и увидел небо. Голубое, бездонное, затягивающее, как водоворот. Из-за контраста с «Альтаиром» у штурмана даже голова закружилась, чего не случилось со Степаном никогда.

Тут он заметил капитана и суперкарго. Они, спустившись по трапу, уверенно шагали к ближайшим строениям.

– Ребята, вы куда?

Громов быстро глянул на него, потом на Машу, а та вдруг улыбнулась штурману:

– Виктор решил показать мне что-то необыкновенное.

Пегов представил себе номер в портовой гостинице, почти такой же маленький, как его каюта, прокуренный бар для служащих «Стар Транса» и отбросил все мысли о приличиях и правилах хорошего тона.

– Меня с собой возьмете?

Капитан снова глянул на жену. Было очевидно, что лишний компаньон не входил в его планы, но Мария, увидев замешательство мужа, почему-то пришла в прекрасное расположение духа и бодро заявила:

– О чем разговор? Конечно!

В космопорте Громов взял напрокат глайдер и задал маршрут. Машина быстро набрала высоту и понеслась прочь от столицы колонии. Равнина с прямоугольниками возделанных полей скоро сменилась предгорьями. А за ними уже виднелись хребты, поросшие сине-зелеными лесами. Местность выглядела столь живописно, что отпускники с «Альтаира» не могли оторваться от панорамных окон глайдера.

Вдали что-то блеснуло. Это было озеро, окруженное горами. На их вершинах клубились лохматые кучевые облака.

– Ух ты! – с чувством выдохнула Маша. – Обалдеть!

Капитан и штурман полностью с ней согласились. Озеро не просто красиво выглядело, оно потрясало своей картинностью, невозможной в обычной жизни. Так могло смотреться что-то лишь в дополненной реальности, когда над изображением чудесной местности еще потрудились бригада VR-художников, превративших пейзаж в нечто невероятное и фантазмагорическое.

– О-бал-деть! – медленно проговорил Громов, а Пегов лишь выдал из себя долгое протяжное «у-у-у-у!»

Подсвеченные солнцем, чьи лучи проходили через облачную завесу, сине-зеленые горы выглядели нереально объемными. Пятна разных цветов менялись в этом переменившем свете, как в калейдоскопе, а отражение в совершенно спокойной воде казалось окном в иной мир. Обрывистый правый берег из чередующихся полос разноцветных минералов, похожих на гигантские панно, выложенные мастерами-великанами из отполированных поделочных камней, довершал впечатление.

Через полчаса они пролетели над поселком на дальнем краю озера и сели на стоянке возле теснины, образованной двумя сходящимися скалами.

– И куда теперь? – спросила Маша.

– Увидишь! – ответил Громов.

– Умеешь ты заинтриговать девушку!

Штурман же молчал, очарованный пейзажем. Все свое детство и юность он провел в равнинной местности, поэтому приозерные горы совершенно пленили Пегова. Степан крутил головой, пытаясь запечатлеть в памяти здешние красоты, потом сделал несколько снимков служебным коммуникатором.

Подойдя к небольшому строению, Громов купил билеты. Космолетчики прошагали по дорожке с твердым покрытием, поднялись по ступенькам и очутились на склоне, поросшем сине-зелеными деревьями, похожими на земные хвойные и лиственные одновременно. Далее тропа вела в пещеру.

– А нам туда надо? – неуверенно спросил Степан.

– Ты сам решай, – ответил капитан, – но знай, что это место входит в тройку главных достопримечательностей Эдельвейса. Хочешь – оставайся здесь, но потом не жалуйся, что не увидел такой красоты.

Пегова чуть заметно передернуло, но он промолчал и двинулся в полумрак следом за Машей. А та просто лучилась от восторга. Ее лицо, ничем не примечательное, по мнению Степана, вдруг сделалось очень красивым. Штурман внезапно понял, за что капитан полюбил Снегову. Казалось, что от лица Марии исходит слабый свет, озаряющий влажные каменные стены пещеры.

Вскоре послышался монотонный рокочущий звук, усиливающийся с каждым шагом.

– Водопад? – спросил Степан, пытаясь перекричать этот влажный рокот.

– Он самый! – крикнул Громов.

За сотни лет вода, падающая с плато, расположенного чуть выше, разбила в слоистых породах высоченные щели самой

причудливой формы. Мастерски подсвеченные, они являлись прекрасными декорациями, на фоне которых происходило главное зрелище. Мощный бурлящий поток разделялся на десятки ручейков, прозрачных, как слеза, и вновь соединялся на своем пути через камень. В дальнем конце пещеры вода шумно падала среди трав и сине-зелено-красных мхов. Чуть ближе пенящиеся белые струи с ревом обнимали выступы сланцев.

Говорить здесь не получалось, водопад не перекричишь. Но Маша выразила свои чувства, прыгнув на шею Громову и крепко обняв мужа. Даже штурман на время забыл о своем болезненном беспокойстве, любуясь неповторимым зрелищем.

А потом каменное основание под ними дрогнуло, и раздался грохот, заглушивший даже шум водопада. Людей окатило крупными брызгами, и в пещере стало темно – моментально отключилась вся подсветка.

* * *

Степан уцепился обеими руками за металлические перила ограждения. На него снова нахлынула паника, да еще такая, какой он не испытывал раньше. В мыслях Пегов попрощался с белым светом. Ему стало понятно, что из этой пещеры им никогда не выбраться, что они замурованы здесь навсегда, погребены в толще камня.

Степан вспомнил, как когда-то давным-давно с приятелями из детского сада отправился исследовать коллектор за оградой. Сняв решетку и забравшись в водовод, на дне которого скопились влажные палые листья, ребята поползли вглубь хода. Путь освещали факелом, а держал его Димка Зубов, двигавшийся первым. И в какой-то момент факел погас.

Кто-то из ребят заорал, что нужно убежать, и все сразу попытались выбраться наружу. А Пегов зацепился петелькой на штанах за металлический штырь, торчавший из бетонной плиты, и не мог ползти ни вперед, ни назад. Оставшись один, он очень явственно представил себе, что никогда не сможет выбраться из коллектора. И тьма, окружавшая Степана, казалась острозубым многолапым чудовищем, готовым броситься в любой момент и растерзать.

Именно страх придал тогда мальчику сил: рванувшись, как бешеный, он порвал петельку и отцепился от арматурины. Потом Степан полз по коллектору, раздирая локти и набивая шишки на голове. А выбравшись на дневной свет, долго стоял под нежарким осенним солнцем, пытаясь успокоить нервную дрожь, сотрясавшую все его тело. Приятели смеялись над Пеговым, а он, придя в себя, обругал Зубова всеми плохими словами, какие только знал, и пообещал, что больше никогда не будет с ним дружить...

Острый приступ жалости к себе едва не заставил штурмана разрыдаться. И зачем он полез в эту пещеру? И какого лешего выбрал профессию космолетчика? Ведь была же у него в детстве другая страсть, которой вполне можно было посвятить всю жизнь...

От набирающей обороты панической атаки Степана отвлекло пятно света. Это Громов включил фонарик на своем коммуникаторе. Приблизившись к штурману, капитан прокричал в самое ухо:

– Идем обратно! Оттуда дует!

Маша была рядом с мужем, целая и невредимая. Они втроем прошли по туристической дорожке с дюжину шагов и уткнулись в каменное нагромождение. Возле него действительно ощущался ток воздуха, но отверстия оказались такими маленькими, что их даже не удалось найти.

Затем они исследовали путь вперед, но тоже быстро уперлись в преграду. Их заблокировало в галерее обвалами с двух сторон. Капитан попробовал связаться с кем-нибудь по коммуникатору, но толща камня не пропускала радиоволны. Оставалось лишь ждать, надеясь, что служащие в домике у входа не пострадали при обвале и вызвали спасателей.

Для Степана время тянулось невероятно медленно. Тьма обочивалась вокруг него невидимыми сжимающимися кольцами. Становилось трудно дышать. Пегову казалось, что кислород в пещере вот-вот закончится. Перед его внутренним взором возникли спасатели – они раскапывали завал и обнаруживали три бездыханных тела. Степан прекрасно понимал, что свежий воздух постоянно подходит сюда, но паника не прекращалась.

Потом воображение подкинуло новый кошмар: Пегову привиделось сквозь мрак, что камни в завале качаются и в ближайшее мгновение покатаются на них, погребая под своей многотонной массой. Штурман даже потрогал одну из глыб, но та сидела как влитая.

Во мраке послышался всхлип, за которым последовало негромкое бормотание Громова. Очевидно, капитан говорил Маше, что все будет в порядке и что их скоро вызволят из каменной ловушки. Но у штурмана от этого всхлипа по спине побежали мурашки.

Степан сделал дыхательные упражнения, пытаясь успокоиться. Потом, только лишь для того, чтобы чем-то себя занять, начал вспоминать навигационную карту окрестностей Эдельвейса. Затем перемножал в уме трехзначные числа. Это быстро надоело, и тогда Пегов мысленно вернулся к последнему сеансу VR-терапии.

Перед внутренним взором возникла умная лохматая морда Джека. Из глубин памяти выплыл яркий эпизод подростковых

времен, когда в жаркий день, во время прогулки, ретривер увидел небольшой пруд и залез в него охладиться. Степан тогда ругал собаку, требовал, чтобы пес немедленно вылез на траву. А Джек лежал в пруду, высунув из воды лишь голову, и улыбался широкой собачьей улыбкой. Дескать, не хочу я отсюда вылезать и знаю, что в воду ты сам тоже не полезешь. И что ты мне сделаешь? Тогда Пегов впервые увидел эту хитрую улыбку своего любимца и запомнил ее навсегда.

Услышав лай, Степан посчитал его слуховой галлюцинацией. Но собачий голос становился громче и приближался. К ним действительно пробралась собака!

Пегов вскочил на ноги, осветил перед собой фонариком и увидел небольшого светло-коричневого лабрадора-ретривера, к ошейнику которого был привязан длинный шнур. Обняв собаку, пытавшуюся облизать штурману все лицо, Степан нащупал на ошейнике коробочку, от которой этот шнур и отходил. Он тут же догадался, что лабрадор принес переговорное устройство. Штурман отцепил его от собаки и нажал кнопку. Прибор загудел. Степан прокричал в него:

– Я штурман Пегов с «Альтаира»! Со мной еще двое! Нас заваляло возле водопада! Как слышите?

Прибор захрипел. Чтобы разобрать хоть что-то, Степан прижал его к уху.

– ...цу галереи. Повторяю, отойдите к ближайшему концу галереи. Как слышно?

– Вас понял! Мы отходим в сторону билетного киоска.

Как их вызволяли, Степан запомнил плохо. Он стоял у каменного нагромождения и разговаривал с лабрадором, время от времени опускаясь на корточки и обнимая собаку. Жесткий язык четверолапого спасателя был той самой ниточкой, которая удерживала штурмана над пропастью панической атаки. А когда их всех наконец-то вывели под вечернее небо Эдельвейса, бездонное, сияющее тысячами звезд, Пегов потерял сознание.

* * *

Степан стоял возле трапа «Альтаира» и ждал. Время от времени он поглядывал в небо, и тогда лицо штурмана приобретало почти безмятежное выражение. Но когда Пегов переводил взгляд на звездолет, зрачки его расширились, а губы стягивались в узенькую полосочку.

По трапу спустился Громов. Подойдя к Степану, он спросил:

– Как ты?

Штурман сглотнул и посмотрел на него:

– Я не могу!

- Что ты не можешь?
- Не могу заставить себя подняться на борт. Этот обвал меня доконал!
- А что сказали эскулапы?
- Подтвердили диагноз бортового компьютера. Кабинная лихорадка. Но я надеялся, что смогу долететь до Земли, а тут такое дело...
- Что ты чувствуешь?
- Как только я пытаюсь ступить на трап, меня захлестывает паника. Пульс зашкаливает. Одышка. Аритмия. Виктор, я не могу! Это сильнее меня!
- Я тебя понял. Запрошу замену. Но ты уверен, что все так плохо? Если в «Стар Трансе» узнают о твоей фобии, полеты тебе больше не светят. Ни в одной компании. Ни на одной планете! Ты это понимаешь?
- Да. Я уйду из флота.
- Ты уверен? Ты сможешь жить без полетов?
- Да.
- И чем займешься?
- Есть у меня одна идея...
- Как друг советую: не поленись, пройди полное обследование и возьми медицинское заключение. А я тебе перешлю заверенные логи с бортового компьютера, сможешь получить выплату за профзаболевание.
- Спасибо, Виктор!

* * *

Степан вышел из вагона монорельса на конечной станции и зашагал по тропе. Вокруг поднимались живописные горы, поросшие сине-зелеными лесами. Над ними висело бездонное голубое небо Эдельвейса, на которое невозможно было насмотреться.

Отмахав больше часа без привала, Степан добрался до ровной площадки на вершине небольшой горы. Там стояли домики с двускатными крышами, а возле них – глайдеры.

Поднявшись по ступенькам в самое большое шале с вывеской «Спасательная станция Эдельвейс-18», Пегов открыл дверь и обратился к первому встреченному человеку:

– Здравствуйте! Я по объявлению. Где тут у вас питомник служебных собак?

Дмитрий Градинар
ПОЧТАЛЬОН УТРАЧЕННЫХ ПИСЕМ

Мы торопимся. Спешим не там и не туда, ошибаемся друг в друга. И покупаем – бессмысленно! – виноград в Рейкьявике, поделки из можжевельника в Кейптауне, охотничьи ножи – в Киренаике. Но есть места, где все иначе. Где ничего не происходит просто так. Где вообще ничего не происходит. Потому что этот город одинаково далек от фьордов Исландии и оазисов Африки. Из-за того, что нет дорог. Нет воздушных трасс и морского пути. И только Почтальон может добраться, дойти, достичь. Пусть имя его и внешность неказисты, но он единственный, кто посещает город. Приходит и уходит. Как всегда – неожиданно. И как всегда – его ждут...

Одни называли Почтальона Джоном, другие – Яном, третьи – Иваном, хотя на этот раз он пришел с севера, и в его потрепанной метрике указывалось другое имя.

– Иона! Иона пришел! – кричали те, кто оказался ближе остальных к центральному скверу с одинокой будкой пограничной стражи.

А дальше уже понеслось по цепочке:

– Иона! Иван! Ян! Джон!

И никому не было обидно, что у одного человека так много имен. Ведь он принес Весть, а это – главное.

– Рад видеть тебя, Почтальон, – без намека на радость в голосе сказал минутами раньше страж.

И выбил нервную дробь на коротком бруске опущенного шлагбаума, что перекрывал путь.

Это просто тропинка, ведущая из ниоткуда в никуда. Короткий огрызок пути, так и не ставший настоящей дорогой, как никогда не станет бесконечной прямой маленький отрезок. Тропинка и шлагбаум над ней. Каждый раз, увидев его перед собой, Почтальон дрожал всем телом. И было от чего! Ведь солнце приходило в город нечасто. Крайне нечасто, почти как сам Почтальон. Все остальное время тучи провисали, казалось, над самой головой. Вечная хмурая осень со своими правилами – нудным дождем, запахом сожженных листьев, которых здесь всегда в избытке. По ночам – изморозь. Лед просто не успевал превратиться в росу к приходу Почтальона.

– Ты можешь что-то сказать? – повторил вечную фразу страж. Иона выдержал паузу. Страж поморщился и глухо уточнил:

– Сказать мне...

– Нет. Тебе – пока нет.

Ритуал был соблюден. Все происходило, как и много-много раз.

– Хорошо, – но голос стража выдавал, что, скорее, – все плохо. – Ты знаешь...

– Знаю.

– Тогда пусть это будет вторая... На этой неделе ты приходишь второй раз.

– Пусть.

Иона облокотился о шлагбаум, посмотрел на свинцовое небо и начал:

– Бездомный и безродный бедуин брел по брусчатому бульвару Барселоны, беседея с Богом. Банальная беседа бедного бродяги с Богом...

Когда Иона закончил, страж кивнул.

– Тебе не впервой. Прошу!

И поднял окрашенную в черный и белый деревяшку.

– Иона! Джон! Ян! – понеслось вскоре.

Кто-то подал Почтальону плащ – укрыть обнаженное тело, кто-то спешно дергал рукоять кофейного аппарата, и уже запахло гренками из окон ближайшего дома.

– Богатым – быть богаче, а беднякам – больше бедствовать... – повторил за Почтальоном страж, качая головой в такт словам.

Он знал, что за груз принес с собой Иона, но был не в силах помешать. Его власть – пустить или не пустить в город нового жителя. Хоть редко, но находились и такие, кто ошибался. Но Иона другой. Он приходил и уходил. А это – от высшей, настоящей Власти.

– Больше бедствовать, – еще раз произнес страж, а после повернулся к шлагбауму, увидев по ту сторону нового жителя.

Просто девочка со смешными косичками. Еще ничего не понимая, она озиралась по сторонам, пытаясь разглядеть – что там, на краю сквера?

– Проходи, милая. Видишь, другой дороги для тебя не нашлось...

А еще через несколько минут, смывая лучами печаль и непонимание с лица новой жительницы, в прорехи туч заглянуло солнце. Как всегда, когда приходит Почтальон.

– Иона! Джон. Ян...

Лето обошло Лимбург стороной. Иона с тревогой смотрел на небо. Неужели снова луна окажется кроваво-красной? Он отчетливо помнил, как все происходило в первый раз. Пикник за городом. Тогда еще Джулия была рядом. Как неожиданно полил дождь – будто из ниоткуда, потому что всего минуту назад небо

было ясным. И вечерняя забава превратилась на какое-то время в обжимания на задних сиденьях автомобилей.

Только он и Джулия были бездеятельны, молча глядя, как стеклоочиститель щедрыми горстями снимает воду с лобового стекла. Потому что сзади расположились родители Джулии – седая фрау Хильда и ее респектабельный супруг, владелец крупной обувной фабрики где-то под Триром, в Рейнланд-Пфальцских землях. Их взгляды, их напряженное дыхание говорили то, что они не смели высказать Ионе в лицо. Но он знал...

«Плохая компания! Плохие забавы! Плохая пара».

Неожиданно стало темно. Энди, старый друг, еще пытался что-то сделать в свете фар с набором для барбекю, но потом плюнул на это занятие, предоставив дождю безраздельно хозяйничать на столе с приборами. И убежал к Лайзе. Обжиматься на заднем сиденье.

А потом будто что-то позвало Иону. Под слабый протест Джулии, на которую тут же зашикала мать, он выбрался из салона, поднимая лицо навстречу дождю. И там, за опрокинутой бездной туч, увидел, как наливается красным луна.

Она шептала – и тревожно и успокаивающе одновременно. Она звала: не к себе – к тем, другим, кто нуждался в его помощи. Невидимые ладони, сплетенные из дождевых струй, взяли его под руки, повели к краю поляны. Сзади дважды хлопнули дверцами – фрау Хильда пересела на водительское место. Потом заурчал мотор... «Все верно! Ведь это ее машина», – какой-то крохотной частью сознания отметил Иона. Остальная часть была занята странным разговором. Нет, не так. Выслушиванием тайного монолога.

Звук отъезжающего авто. Энди, трясущий за плечи и почему-то бьющий его по щекам. Вот снова хлопок двери, и рядом оказывается Джулия. Она плачет. Она что-то говорит. Совсем как только что невидимая остальным луна. Потом Джулия исчезает. Навсегда.

Лайза показывает неприличный жест удаляющемуся «Мерседесу». Снова Энди, опять луна. И тучи роняют последние капли. Будто говоря ему: «Помни!»

Так он стал Почтальоном.

Он запомнил. То, что должно было взволновать больше всего – потеря любимой и постепенно исчезающих в сутолоке дней друзей, – почему-то не взволновало. И всякий раз, когда луна наливалась красным, он знал: пора! Ему – пора. Пройти в затерянный город, где его ждут, и принести то, что утрачено, то, что никто, кроме него, не сможет доставить. Весть для жителей города. Объяснения – почему они там, а не среди Других.

Ювелир в ближайшей лавке не переставал удивляться: откуда у Ионы все это? Золотой дукат с оленем. Цепочка с бриллиантами.

Просто серебряный крестик, но, как оказалось впоследствии, сделанный еще в пятнадцатом веке. Вещи, достойные аукциона «Сотбис». Все, что может уместиться на ладони.

А Иона отмалчивался, зная лишь, что счета за квартиру должны быть оплачены вовремя, пиво – стоять на полках в холодильнике, пожертвования на ежегодный городской фестиваль танцев, небольшие, но – внесены. И тогда никому не придет в голову следить за его жизнью.

- Ты можешь что-то сказать... мне?
- Тебе нет. Пока – нет...

Еще пожертвования в приход. Ионе было смешно – что решил бы пастор, узнай он, какими делами занимается один из его прихожан?

- Пусть это будет третья. После полуночи явились сразу трое. Хорошо. Пусть третья...

– Все видят: во всеобщей Вере вспугают волдыри. Ветер взлохматил волны, и на вертеле времени вращаются вымыслы о всеравенстве и всеблагоденствии...

- В Вере – вымысел, – шепчет вдгон страж.

А уже несется:

- Иона! Джон. Ян...

Горячий кофе и вкусные гренки. И мольба в глазах. Но он не сможет... Он не в состоянии помочь всем. Сегодня – Гюнтеру, что застрял в городе на пять десятков лет. Его Дрезден давно отстроен заново. Семья – в Другом месте. А он не знает, отчего такая несправедливость.

– Понимаешь? Ведь все, кто в бою... Ну, ты понимаешь, – начинает он жарко дышать прямо над ухом.

Эту историю и этот вопрос Иона слышал не раз. Он слышал не одну такую историю. Брезгливости к манере разговора Гюнтера не было, только сострадание. Ведь ни страж, ни Гюнтер – человек с горящими глазами, ни сам Почтальон – никто не знает, что бывает с теми, кто наконец-то получил долгожданное известие. С теми, кто уходит загадочной тропой, для кого страж цепляет на чахлую грудь две большие серебряные звезды с истертыми барельефами и после приподнимает шлагбаум, выпуская из города.

– Я знаю, что было в начале! – продолжает Гюнтер. – Это стихи! Проклятый Поль Верлен! Зачем он их написал?

Тянется скрипичная песня плачущей осени,
Такая же слабая и израненная, как я.
От боли и мук...

– А потом томми с канадцами пошли в атаку! Бог мой! Мы думали просидеть на батарее Маркуф года три, а получилось – всего один день! «День Д», как они его назвали, проклятое шестое июня... Но почему – меня? Ведь если в бою...

– Не надо, Гюнтер. Я знаю. Не проклинай Верлена, это могли оказаться какие угодно стихи. Диктору Би-Би-Си было абсолютно все равно, что выдать в эфир. Это был всего лишь сигнал к началу высадки десанта.

– Нет! Ты не знаешь! – Шепот Гюнтера стал скользким, как змея. – Им сшили шелковые шарфы! А на шарфах напечатали подробную карту – каждое гнездо, каждый капонир! У них имелись рации – с карманный фонарик и компасы – в виде пуговиц на куртках! Но ведь я же... И почему мой друг Григ не здесь? Мы сидели вместе, под одним перекрытием, когда пришла волна «Галифаксов»!

– Гюнтер. Приготовься услышать то, что тебе наверняка не понравится. Григ не здесь. И не там, куда отправишься ты.

– Он?..

– Свихнулся от страха. Так бывает. Придумал для себя обряд, будто спасется, если принесет в жертву кого-то другого.

– Кого-то другого? Спасется? – тупо повторяет Гюнтер. – И после этого...

– Выстрелил тебе в спину.

– Иона! Еще кофе, хочешь? – прерывает их беседу звонкий голос весельчака Петера.

Когда-то Петер был трубочистом. Имел привычку вечно попадать не туда. Вот и сейчас – не к месту и не вовремя появился.

Гюнтер делает жест рукой: потом, потом!

– Иона, скажи мне, неужели все так просто? Я устал ждать, я ненавижу этот город. Никто – понимаешь? – абсолютно никто не смог мне помочь. И тут являешься ты, приносишь Весть. Я знаю, ты не обманешь, и страж поднимет чертову деревяшку, но...

– Потому что случившееся с тобой никто не видел. А теперь – я знаю, а значит – знаешь и ты. Иди, Гюнтер. Надеюсь, тебе понравится на новом месте.

– Так как насчет кофе?

Снова весельчак Петер. Сегодня и для него у Ионы имелась Весть.

Узкий дымоход, муж-ревнивец, решивший, что между его супругой и беднягой-трубочистом существует тайная связь. Это так просто: задвинуть нижнюю заслонку камина, а после взобраться по заранее приготовленной лестнице на крышу, толкнуть художавого паренька и обрушить край каминной трубы. Все решили – несчастный случай.

Девочка со смешными косичками... Где она? Ей пришла Весть. Не стоило признаваться своему другу, что понесла от него новую жизнь. Ты ведь не хотела кататься на лодке, к тому же – ночью? И даже читала про это... Да, в пруду было так много тины, но это не тина, это его руки держали тебя так долго, так долго...

Страж задумчиво попыхивал трубкой.

– Впервые за этот год кто-то отказывается покинуть город!
Что с ней?

– Она не поверила...

– Бывает. Ну, первая, что ли?

Антрацитовым абажуром – с Антаресом, Алькором и Альтаи-ром – алела над апрельскими аллеями Аврора...

– И аукались ангелы... – как всегда вслед за Почтальоном и как всегда тихо повторил страж.

Андрей Зорин
ВРАГ ГОСУДАРСТВА

Столица есть столица: занавески на окнах – даже в камере, стены окрашены в спокойные светлые тона – вся обстановка дышала уютом и спокойствием. Артем огляделся. Все-таки в Москве даже тюрьма уютней, чем некоторые дома в родном Новосибирске. Он сел на непривычно мягкий стул в центре камеры и стал ждать следователя. Все мытарства последних недель приучили его к тому, что он может только сидеть и смотреть в пол. То, что это именно камера, а не кабинет очередного полицейского чина, не знающего, что с ним делать, сообщил ему, плотоядно улыбаясь, конвоир – двухметровый детина, постоянно жующий жвачку и не вынимающий наушники из ушей ни на секунду. Как он при этом мог работать в таком серьезном месте, для Артема оставалось загадкой.

– Все, допрыгался, смутьян. К самому Пал Палычу попал! – Он надул пузырь из жвачки и захлопнул дверь.

Артем лишь пожал плечами: по пути из Новосибирска его столько раз мотали к всевозможным Пал Палычам, Сан Санычам и даже Зиначкам, что он уже и перестал считать.

Дверь на удивление тихо открылась, и в комнату вошел высокий худой мужчина. Формы на нем не было, но обычный деловой костюм смотрелся почему-то весьма чужеродно. Не глядя на Артема, он сел за стол и достал планшет.

– Так, – уткнувшись в экран, пробормотал он. – Сутягин А. В., две тысячи триста... – он закашлялся, – ...года рождения. Новосибирск. Родился... Учился... – Он оторвал взгляд от планшета. – Вот что, Артем... Это все, что есть в твоём личном деле? Не очень интересно. Одни сухие буквы. А мы здесь все-таки с людьми работаем. Давай-ка ты, братец, сам все расскажешь. Как тебя угораздило сюда попасть?

– А вы, простите, кто? – Артем хорошо знал свои права, благо времени на изучение было предостаточно. Планшет с выходом в Сеть у него во время ареста не отобрали.

– Я, – мужчина встал из за стола, – старший трибун московской инквизиции по делам о смуте и развале, полковник Васнецов Павел Павлович. Я буду вести твоё дело, и я же вынесу по нему приговор.

Если бы Артем хоть немножко верил в мистику, он мог бы поклясться, что когда трибун называл свою должность, свет в камере померк и за окном потемнело.

– Старший трибун. – Артем робко улыбнулся. – За что мне такая честь? Я же всего-навсего школьник. Моим делом положено заниматься районной полиции. Я уже говорил и жалобы писал. – Он достал из кармана планшет. – Вот, смотрите. Я же ничего не натворил такого.

Трибун не стал разглядывать планшет Артема, а вместо этого сел и снова посмотрел в свой.

– Так, школьник, четырнадцатый «А» класс. Тебе еще два года учиться? Ты в каком возрасте в школу пошел?

– Как и все, в десять.

– И здесь написано, что ты уже умел читать. – Трибун посмотрел на Артема. – Это правда? Ты в десять уже умел читать?

– Ну да. А чего такого-то? Меня бабушка научила.

– Бабушка, значит... – Трибун сделал какую-то пометку в своем планшете. – Ох уж этот Новосибирск. Не из Академгородка родом?

– Из него! – Артем обрадовался. – Вы тоже оттуда? Земляки?!

– Нет, но часто там бываю... К сожалению, – сухо произнес Васнецов. – Ладно, вернемся к нашим баранам.

– К кому? – не понял Артем.

– К баранам. Выражение такое старинное. Значит, не будем отвлекаться. Рассказывай, за что ты сюда попал.

Артем вздохнул:

– Да это просто глупость какая-то. Ошибка. Меня обвиняют в растрате бюджетных средств и подлоге. А поскольку это не входит в список разрешенных подросткам преступлений, меня отправили к вам.

– Так все, значит, просто, по-твоему? – Трибун задумчиво барабанил пальцами по столу. – Давай-ка, дружок, подробности.

– Да какие подробности?! – вскинулся Артем. – У вас же там все, наверняка, написано.

– Того, что у меня там написано, хватит, чтобы выслать тебя на Веселые Острова. А оттуда, как тебе известно, не возвращаются. Мне все равно, что про тебя написали эти деревенские следователи. Это – московская инквизиция, и здесь только мы сами принимаем решения. – Трибун откинулся на спинку стула. – Слушаю внимательно.

При мысли об Островах Артем поежился. Потом собрался с духом и заговорил:

– Началось все еще в младшей школе. Вы уже видели в деле, что я поступил на учебу, умея читать. И вот, пока мои одноклассники изучали в первые три года основы чтения, я начал посещать классы старших учеников. Позже, когда нас уже перевели в среднюю школу, я стал изучать не только выбранные предметы, но и

смежные. Например, вы же в курсе, что если выбрать изучение маркетинга, то основы математики не пригодятся?

Трибун отрицательно покачал головой.

Артем продолжил:

– А если уже начал учить счет, то нельзя осваивать языки. Один предмет надо выучить, и на этом всё. Говорят, мозги ребенка не приспособлены к большим нагрузкам. Но я же смог! Шесть разных предметов, включая химию и таблицу Менделеева! – Артем с вызовом посмотрел на следователя. – Ну, а потом, когда до окончания школы осталось два года, я подделал документы и сдал экзамены в колледж сразу на несколько курсов. Тут меня и поймали. Обвинили во всех тяжких. А почему? – Он с надеждой посмотрел на трибуна. – О какой растрате идет речь, если у нас все образование бесплатное? Ведь так? Я же ничего не украл.

– Ох уж эти деревенские... – медовым голосом заговорил следователь. – Им лишь бы дело завести. И это всё? Просто учился в разных классах? Всего-навсего поступил в колледж раньше срока?

– Ну да. – Артем почувствовал, что в интонации следователя что-то не так, и продолжил поникшим голосом: – А разве у вас написано по-другому? Еще я, правда, пытался рассказать друзьям, что мы слишком много времени учим ненужное. Создал группу самообразования в социальной сети. Но это ведь ни при чем?

– Что значит – «ненужное»?

– Вот смотрите, – глаза Артема загорелись. Было видно, что ему по душе этот вопрос. – У нас в школах и колледжах совершенно не учат думать. Все, что делают дети, это решают тесты с готовыми ответами. Я специально искал информацию. Еще двести лет назад дети учились всего десять-одиннадцать лет и при этом решали задачи, с которыми у нас сейчас не смогут справиться выпускники университетов.

– Бедные дети, жившие в Темные Века. Храни, Возняк, их души, – пробормотал трибун.

– Да почему – «бедные»? Вы только посмотрите. – Артем огляделся в поисках примера. – Вот, видите? – Он указал на трубу водопровода, идущую вдоль стены. – Сколько нужно народа, чтобы проложить эту трубу? Человек пять, не меньше. А в старые времена это делал один – можете себе представить?! – один человек! Мы деградируем! Посмотрите, что за специальности в институтах: бизнес-тренер, зоопсихолог, консультант по покупкам. И любой из этих специальностей обучают не менее пяти лет! – Он поперхнулся от переизбытка эмоций.

Трибун налил воды из-под крана и протянул стакан Артему:

– Выпей. Ты излишне восприимчив.

Артем большими глотками осушил стакан и продолжил попытку донести свою истину:

– Но вы же умный человек. Вы согласны со мной? Если изменить систему образования, то мы через пару десятков лет опять полетим в космос! Надо просто снова научиться решать задачи и задавать вопросы!

– Кто тебя арестовывал? – Трибун, не слушая его, начал листать страницы планшета. – Зря я деревенских ругал – качественно ересь выявили... Надо будет отметить, – бормотал он себе под нос, не замечая оторопевшего Артема.

– Но... – Артем запнулся. – Но почему?

– Почему?! – жестко спросил трибун и встал из-за стола. – Да потому что!!! Ты же сообразительный мальчик. Наверняка, изучал историю, да?

Артем кивнул.

– Раньше царил хаос, – продолжал Васнецов. – Все эти разговоры о космосе, о новых открытиях... К чему это вело? – Он ходил вокруг Артема. – Только к недовольству, к войнам и насилию. Вечная конкуренция технологий, борьба за рынки, противостояние государств. И если бы не реформа системы образования, которая отучила большинство думать, мы могли бы потерять Землю! Планета просто сгорела бы в огне войны! – Трибун прошелся из угла в угол. – Зачем куда-то стремиться? Все открыто. Есть телевидение, Сеть, куча разрешенных наркотиков. Живите, работайте – не надо уподобляться животным из прошлого. У подростков есть все, что им нужно: спорт, порнография, странная музыка... Даже специальная категория преступлений, за которые не наказывают. Нет же: всегда находятся те, кому чего-то не хватает. – Трибун остановился и положил руку на плечо Артему. – У нас крайне стабильное общество. Все основано на любви, взаимоуважении и главное – на точных расчетах. Вот ты привел в пример эту трубу... Чтобы ее протянуть, сначала должен прийти специалист из департамента водоснабжения и разметить точки входа-выхода; после него специалисты по сверлению стен должны сделать отверстия; затем придут разметчики креплений, стыковщики труб и прочие. Каждый из этих людей виртуозно делает свою работу. Каждый – на своем месте. Все работают и зарабатывают. В свободное время они могут общаться в сетях, играть, совершать разрешенные законом преступления. Все довольны. Благодаря этому у нас более двух сотен лет не было войн, почти нет серьезной преступности. – Трибун сверху вниз посмотрел на оторопевшего Артема. – А теперь представь, что будет, если вместо идеально выверенного социума будет анархия. Каждый сможет делать работу другого. Изучать не то, что ему

говорят, а что он сам захочет. К чему это приведет? Такие, как ты, представляют самую страшную угрозу для общества.

– Острова? – дрожащим голосом спросил Артем. – Вы вышлете меня на Острова?

– Ну что ты, конечно, нет, – улыбнулся трибун. – Острова для убийц, насильников и прочих отбросов, не способных жить среди людей. А ты гораздо страшнее убийцы. Ты – враг государства!

Артем вздрогнул.

– И что со мной будет? – Он робко посмотрел на трибуна. – Вы меня убьете?

– Глупый мальчишка. – Васнецов вновь сел за стол и стал заполнять какие-то формы на планшете. – Смертной казни нет уже лет сто. Смертная казнь негуманна и может расстроить граждан. Инквизиция лишь следит за порядком и временно изолирует особо опасных элементов. Ты будешь изолирован на стандартный срок. Двадцать пять! – Трибун оторвал взгляд от планшета и вновь улыбнулся.

– Двадцать пять лет? За пару вопросов?

– Да Джобс с тобой, каких лет? – Трибун подошел к двери камеры. – У нас и мест таких нет, где можно столько времени человека держать. Это дорого и никому не нужно. Двадцать пять минут. Прощай.

Трибун вышел.

Артем откинулся на спинку стула и нервно рассмеялся. Двадцать пять минут. Смех душил его, слезы текли по щекам. И чего все так боятся московскую инквизицию? Попугали, попугали – и...

Дверь открылась, в камеру вошел конвоир.

– Поднимайся, пошли.

Артем послушно встал, заложил привычным жестом руки за спину и направился к выходу. Мир вокруг лучился радостью и красотой. Даже конвоир, казалось, был добрее предыдущего.

Полицейский легонько толкнул Артема в бок и прошептал на ухо:

– Слышь, бунтарь, тебе же планшет больше не понадобится? Может, отдашь мне? А то кнопарь все равно заберет. У него и так есть, а мой сломался.

– Кнопарь? – удивленно переспросил Артем. – Не, не отдам. У меня на нем куча нужного, а мне еще обратно ехать.

Полицейский рассмеялся:

– Ну ты даешь. Обрато он ехать собрался. Юморист.

– Ну да, обрато. Мне же двадцать пять минут только дали.

Конвоир странно посмотрел на него, но ничего не сказал.

Они подошли к узкой двери в конце коридора. Рядом на стене находилась большая красная кнопка. Полицейский открыл дверь.

За ней было помещение, больше похожее на шкаф, не превышающее полуметра в глубину. Артем вошел туда. Дверь с шипением закрылась. В тишине стали слышны голоса снаружи.

– Как ты не боишься на эту кнопку нажимать? – Это был голос конвоира. – Я бы после такого ночами спать не смог.

– Дело привычки. Поначалу боялся, а теперь... – Голос был незнакомый. – Да и вынимаю их не я, слава Джобсу.

Артем заколотил в дверь:

– Эй, что происходит? Откройте!

На двери засветился экран. Там возникло круглое веснушчатое лицо.

«Кнопарь», – понял Артем.

– По приговору московской инквизиции вы признаетесь врагом государства и общества и в соответствии с приговором будете изолированы на двадцать пять минут, – пробубнил кнопарь. – В целях полной изоляции от государства и населения планеты Земля из места вашего пребывания будет откачан воздух на весь срок пребывания.

– Нет, остановитесь, подождите, прошу вас!!! – Артем молотил в дверь. – Я не виноват!!! Я всего лишь хотел нормально учиться...

Тихое шипение уходящего воздуха было ему ответом.

Александр Калинин, Анна Князева
ТАЙНА ДРАКОНОВ

Над уютной бухточкой, на берегу которой мы заночевали, четыре луны плыли по небу стаяй белых драконов. Так низко, будто протяни руку и достанешь до них.

Вокруг шумели местные цикады, а со стороны леса доносился странный горьковатый запах цветов.

Идиллия.

Не зря Анну потянуло на творчество. Она как раз закончила под светом фонаря вдохновенно писать очередное стихотворение. Я присел рядышком и прочитал:

А можно мне тут маленький баркас?
Я поплыву на поиски Жар-птицы!
Возьму ее перо, чтоб свет не гас,
И буду освещать им ваши лица.

А можно мне хоть лодочку одну?
Я буду слушать пение сирены!
И расскажу вам, как плывет ко дну
Русалка с волосами цвета пены.

Я соберу на дальних берегах
Ракушки – в них таятся сны Нептуна.
Богатство не ищите в жемчугах,
Богаче в море свет тропинки лунной*.

– Ни дня без стихотворения?

– Ни дня, – улыбнулась Анна.

Я понимал ее хорошее настроение – возможно, мы подобрались к разгадке внезапной пропажи сотен разных драконов: почтовых, грузовых, гоночных и даже одного королевского.

С него и началось это приключение, ведь Анна – драконюх. После исчезновения монаршего любимца Фаворита здоровье Ростислава Второго ухудшилось. Даже по земным меркам почтенные сто восемнадцать лет короля – это глубокая старость. А на Акве и вообще – невероятное долгожительство. И тогда Анна обратилась ко мне за помощью.

Фаворит, кстати, нашелся быстро.

* Автор всех стихотворений – Анна Князева.

* * *

Так говорили превеликие мудрецы:
Нет у нас права небесные строить дворцы.
Чтобы выжить, от крыльев отказались навек.
Но вновь смотрит в небо с тоской в глазах человек.

Люди и небо. Не друг для друга они.
Крылья людские не взлетят больше с земли.
Но вдруг по-иному воспарят к небесам
Потомки крылатых навстречу мечтам?

– Почему огромным драконам под силу парить пушинками, а людям нет?

Анна так просто не отстанет. Я для нее – маг, знающий все и творящий чудеса взмахом палочки. Хотя это она истинная волшебница, создающая росчерком пера дивные стихотворения.

– Анна, если бы все звери летали, кто ходил бы тогда по земле?

Девушка задумалась, но такие вопросы надолго ее не озадачивали.

– Рыбы! И по земле ходили бы, и по воде, а потом тоже летать научились бы. Эволюция! – вспомнила она услышанное от меня слово.

– Эволюция эволюцией, но массивному телу нужны громадные крылья для подъема. Потому драконы в полете и впрямь весят, как пушинки. Только какие газы, делающие их легче воздуха, они вырабатывают у себя внутри, для науки – загадка.

Хотя какая, к черту, наука. В этом мире обыкновенное знание называют магией, инженеров – волшебниками, а инопланетян – драконами. Правда, каким образом драконы и люди попали сюда – это уже следующая загадка. Как и еще одна: кто тот инкогнито, который нанял меня и выделил корабль для полета на Акву – малоизвестную планету в дальней части Галактики, куда с Земли нужно добираться полтора года? Уж о связи и вовсе молчу. С Землей связаться не могу с самого прибытия на Акву.

Анне мои пояснения не понравились, она отвернулась и продолжала изучать кнопки катапульт-капсулы. А я надеялся на то, что успею наговорить в браслет-коммуникатор, который служил мне и бортовым журналом, информацию о действиях при нападении дракона.

* * *

На ловца и зверь бежит. Стоило только взять направление, откуда доносились биосигналы Фаворита, как он внезапно сам

пошел на сближение. Поэтому мы остановились на ночлег в небольшой бухточке и стали ждать.

На рассвете дракон показался на горизонте. Анна радостно замахала ему рукой. Только вот когда он начал на нас пикировать, у меня включились рефлексы космонавта. Я успел затолкать непонимающую Анну в звездолет и задраить люк, прежде чем дракон стал на него бросаться, царапая когтями корпус.

Мне еще не доводилось ощущать себя шпротинкой в банке, которую пытаются открыть. И кто додумался ставить на звездолет плазменные пушки? Сейчас бы снаряды. А от плазмы дракон будто подзаряжался. И продолжал набиваться в гости, стучась все настойчивей. Я смотрел в иллюминатор и думал: «Когда он до нас доберется?» И был настолько поглощен наблюдением за драконом, что не уследил за Анной, которая с интересом рассматривала незнакомые ей корабельные приборы.

– Борис, а что это за красная кнопочка?

Кто на свете всех быстрее? Конечно, Анна! Я не успел испугаться, как она уже нажала на кнопку. Хотя, зная ее характер, я не сомневался в том, что она все равно на нее нажала бы, даже после моего окрика.

Кабина врезалась дракону прямо в брюхо. Рептилия лопнула, как мыльный пузырь, то ли от удара, то ли от испуга. А может, просто от щекотки. Стенки катапульт-капсулы защитили нас от огненного вихря, в который превратился ящер после взрыва.

А вот звездолет был поврежден основательно. И ближе к поимке таинственных похитителей драконов мы так и не стали.

* * *

Переслушал запись. Понятия не имею, поможет ли кому-нибудь совет таранить дракона кабиной звездолета.

– Какие будут соображения? – поинтересовался я у компаньонки, собирая свои нехитрые пожитки по останкам звездолета. Кому, как не ей – лучшему драконюху на Акве, знать, где продолжить розыски пропавших драконов. Фаворита-то мы обнаружили лишь благодаря тому, что я успел его обследовать перед исчезновением и записать драконьи биохарактеристики. Да вот только не уберегли мы любимца короля.

Анна задумалась, поправляя лук и колчан со стрелами за спиной.

– Если Фаворит напал, значит, был болен. Возможно, безумен. Но я не слышала, чтобы даже драконьи лекари знали о таких агрессивных.

– И тем не менее мы-то повстречали, – сказал я невесело. – А что это за доктора такие?

– Они живут на Драконьем острове и никогда не покидают его. И разводят там драконов.

Я вывел с браслета голограмму Аквы и нашел этот остров.

– Далековато, почти за полярным кругом. Без звездолета не скоро мы до него доберемся.

– Почему же? – возразила Анна. – Через пару дней будем там.

* * *

Сначала я думал, что она меня разыгрывает: где остался дворец, а куда нас на север занесло. Никакой зверь не услышит ее зов за сотни километров. Но не прошло и дня, как прилетел Огонек – домашний дракон Анны. Телепатически, что ли, ее услышал?

Правда, садиться на дракона после того, как его собрат чуть нас не сожрал, мне было страшно, в отличие от Анны.

Девушка лихо запрыгнула по лапе дракона ему на шею. Потом как ни в чем не бывало потрепала его за гробень, что-то прошептала на ухо, и дракон грациозно присел, чтобы я мог залезть.

– Умница, Огонек, – похвалила Анна ящера.

Все-таки здорово она ладила с ними. Что для меня было тоже сродни волшебству. Когда я увидел на Акве драконов, то сильно поразился. Даже не тем, что эти огромные ящеры, как слоны в Индии, таскали бревна, возили людей и лихо участвовали в игре в местное поло, умудряясь ничего не спалить и не поломать. Нет, меня поразили их глаза! Их надо видеть. Хитрые, шаловливые. Они определенно могли принадлежать только разумным существам. И все же на Акве драконы считались обыкновенными домашними животными, покорно тянувшими на себе хозяйство. Главное, никогда их не ругать. Иначе дракон не будет слушаться.

Огонек стравил пламя и начал подниматься, как дирижабль. Повиснув над деревьями, он наконец взмахнул крыльями – и мы полетели!

Несмотря на высоту, было совсем не холодно.

– Ощущаю себя летящим на печке! – прокричал я Анне сквозь свист ветра. – Ну чем я не Емеля тридцать первого века?!

– Пустомеля ты! – поправила Анна.

Но я не обиделся. Я сидел позади, крепко обхватив ее талию, и вдыхал запах волос девушки. Даже ее лук не мешал. А Огонек еще и скорости поддал, к моему большому удовольствию.

* * *

Мы сделали круг над островом, но драконов не заметили. Неужели таинственные похитители добрались и сюда?

Огонек начал медленно спускаться к трактиру, одиноко стоявшему на берегу моря.

Спешились. Тут было снежно, и мы зябко кутались в шубы. Анна, ужаленная вдохновением, схватилась за перо, но пальцы не слушались ее.

– Диктуй, – сказал я, включая браслет на запись.

Девушка усмехнулась, подула на пальцы и продекламировала:

Тишина... Слышу только, как падают звезды...
Слышу поступь по снежной долине.
Укрывая от зимних морозов,
Спящий лес мягко кутает иней.

И дыханье Зимы-королевы
Все уверенней с каждым мгновеньем.
Слышу: где-то в груди, чуть слева,
В ожиданье трепещет волненье.

Так, под стихотворение, мы и зашли в трактир. Только один стол был занят шумной компанией. До нас донеслись обрывки разговора: «Что-то их спугнуло... Конец света близок... Но вот на одном же драконе прилетели...»

Мы подошли к стойке. Я заказал по кружке пива себе и Анне и поинтересовался у трактирщика:

– Не посоветуете хорошего лекаря для нашего дракона?

– Нет их. Пропали вслед за драконами. Одни погонщики остались, – кивнул он на компанию парней.

– А куда они все делись?

– Кто его знает. Говорят, драконы покинули остров из-за убийства их собрата, – ответил трактирщик, испытующе глядя на нас.

Мы не подали и виду, что это нас касается, но, вероятно, слова трактирщика послужили спусковым крючком, потому что от галдящей компании отделился белобрысый юноша с двумя саблями за поясом. Он схватил меня за плечо и повернул к себе:

– Это ты – убийца драконов?

Ого, на Акве слухи тоже расходятся, как круги по воде. Только вот свидетелей нашей стычки с Фаворитом не было.

– Нет, это я! – воинственно заявила Анна.

Конечно, глядя на эту маленькую девушку, возникало желание спрятать ее в карман, подальше от всех жизненных невзгод. Но это если вы не знали, какой у нее характер. Невзирая на хрупкость, эта рыжая барышня была драконом в юбке, способным разорвать и проглотить любого обидчика. Поэтому те обходили ее сто десятой дорогой.

Зачинщик этого не знал, а потому мгновенно получил кружкой по голове. Белобрысый обмяк и осел на пол. Анна тут же забрала

его сабли, ткнула одну саблю мне, а сама обернулась к дружкам заводилы.

Мне еще не приходилось убивать. Как, впрочем, и держать саблю. Тем не менее я полоснул одного атакующего, правда, даже не надеясь, что попаду. Но нападавший все-таки пошатнулся и упал. Только вместо предсмертных хрипов раздался храп. То же самое происходило по всему трактиру: один задира обхватил руками опорный столб и сползал по нему, другой, пошатавшись, зарылся носом в пол, а Анна с третьим, как заправские борцы, упали в обнимку.

Будто какой-то гипнотизер приказал всем спать. Лишь на меня не подействовало. Может, учеба в школе космонавтов прошла не зря.

Разбудив, как учили, Анну от гипнотического сна, я сказал ей, что делать. Она кивнула, взяла в руки лук и положила стрелу на тетиву. Я разбудил трактирщика и спросил:

- Откуда тебе известно о нас?
- Дракон вам в помощь, – буркнул тот.
- Ладно, не хочешь по-хорошему, будем по-плохому. Анна! Девушка мгновенно натянула лук и произнесла:

Зря стрелу не пустит тетива
И с перчатки не слетает кречет.
Пусть произнесенные слова
Правде жизни не противоречат.

А потом довольно прошептала мне:

– Давно придумала строфу, но не подворачивался момент воспользоваться ею.

Трактирщик продолжал хлопать глазами, и я подсказал ему:

– Она имеет в виду, что пристрелит тебя, если солжешь.

Мужчина закатил глаза и объяснил:

- Вы не поняли. На все вопросы вам ответит ваш дракон.
- Драконы не разговаривают, – заметила Анна.
- Уж сейчас он точно заговорит, – усмехнулся трактирщик.

Анна сняла стрелу с тетивы. Мы вышли из трактира, и она неуверенно обратилась к дракону:

– Э, Огонек, привет! Как дела?

Дракон насмешливо склонил голову, а потом пророкотал, глядя на меня:

– Ну ты и шороху наделал, землянин. Зря мы с тобой связались. Думали, ты как наемник не будешь задавать лишних вопросов. Но не тут-то было. В общем, мы догадались, что новый договор ты вряд ли станешь подписывать. И тогда мнения разделились.

От такого сообщения у меня закружилась голова.

– Можно поподробнее?

– Можно. Сто лет назад мы заключили договор с группой колонистов-землян о совместном проживании на Акве в условиях, похожих на ваше Средневековье. С той лишь разницей, что мы, драконы, в отличие от ваших сказочных, будем спокойными и неговорящими. А еще по условиям договора обеим сторонам запрещалось раскрывать его содержание. Таким образом, уже следующее поколение колонистов не знало о нашей разумности.

Я потер висок.

– М-м... а зачем вам было выдавать себя за домашних животных?

– Потому что вы, люди, умеете любить, – объяснил Огонек. – Не просто спариваться или выкармливать потомство. Причем переносите симпатии и на домашних животных. Наш вид живет долго, и это был бесценный опыт, который трудно сыскать во Вселенной. И еще – это была не наша идея. Ее предложил нам один землянин. Кстати, Ростислав Второй был его сыном. Мы старались как могли продлить жизнь короля, но вчера он все же умер. Ростислав Второй был последним из первых колонистов и последним представителем одной из сторон договора.

– Не думаю, что ваш договор вполне законный, – заметил я. – Разве можно решать за несколько поколений, как им жить?

– По-моему, все родители так делают. И притом мы ничего не запрещали потомкам наших партнеров. Они вольны были жить как им угодно.

– Ага, только выбора у них особо не было. Без знаний о том, как устроен мир, далеко не уедешь.

– Именно потому и возникло основание для заключения нового договора. Необходимо было, чтобы наш партнер прекрасно понимал, что подписывает, иначе нас могли бы обвинить в мошенничестве. И потому мы пригласили тебя, Борис. Нам посоветовали тебя как... гм... довольно уступчивого человека. Но ты нас совсем огорчил. Вместо того чтобы снова связаться с тем, кто тебя пригласил, и выяснить все условия найма, ты погрузился в изучение местных загадок. И мы решили не заключать новый договор и покинуть Акву.

– Честно говоря, я думал, что этот инкогнито-наниматель сам со мной вскоре свяжется. И да, я немного увлекся. Кстати, то, что у меня сомнительное прошлое, не значит что я – беспринципный.

– Я бы сказал, что ты чересчур увлекся. Бедного Фаворита так замучил обследованиями, что он предложил сохранить статус-кво без всяких новых договоров, а тебя просто съесть. Тебе очень повезло, что Анна нажала на катапультирование в нужный момент и невероятно точно попала в антигравитационный пояс

Фаворита, без которого нам, драконам, на планетах с высокой для нас гравитацией не прожить. Наша родная планета совсем маленькая, и мы можем в ее разреженной атмосфере спокойно летать. А при нормальной для людей гравитации нас расплющивает, и мы взрываемся, ведь внутри у нас клокочет водород. – Огонек помолчал и добавил: – Теперь мне предстоит держать ответ перед советом драконов за гибель Фаворита.

– Ну и дела... – пробормотал я.

О внезапном гипнотическом сне акварианцев в трактире на острове спрашивать теперь не стоило – и так все стало понятно. Интересно, насколько сильны экстрасенсорные способности у драконов?

– Немного мысли умеем читать, – сказал Огонек. – Но не настолько хорошо, как хотелось бы. И это, кстати, очень здорово – чувствовать, когда тебя любят и холят.

Честное слово, мне показалось, что дракон усмехнулся. Разве рептилии умеют улыбаться? Хотя он же инопланетный ящер, мало ли что они еще умеют.

– А теперь мне тоже пора.

Дракон расправил крылья, но Анна резко шагнула к нему.

– Подожди!

Огонек опять насмешливо поглядел на нас.

– Подожди, – повторила Анна. – Разве без драконов мир не станет совсем другим?

Дракон издал смешок:

– Прежде всего, мир будет таким, каким вы захотите его увидеть. Ведь люди верят в то, во что хотят верить. Но я не прощаюсь с вами, потому что надеюсь когда-нибудь вновь побывать здесь.

Огонек оторвался от земли и исчез в выси.

А вечером по небу плыли только три луны. Четвертая исчезла вместе с драконами – это был их корабль.

* * *

Прощаться всегда тяжело.

Я так и не решился признаться Анне. Зачем? Если моя любовь взаимна, то нужно ли обязывать ее ждать? Ведь всякое может случиться за те годы, пока меня не будет. Путь к Земле не близок. Мне и так повезло, что в окрестностях этой планетной системы проходил земной звездолет. И все же, вернувшись домой, я на что-то надеялся.

Но счастливые финалы бывают лишь в сказках.

От прилетевшего с Аквы сотрудника представительства Земли на этой планете я узнал, что Анна вышла замуж. И меня впервые потянуло на сочинение стихов...

В память заколачиваю дверцу.
Семь замков и плюс еще засов.
Изгоняю дьявола из сердца,
Чтобы спать спокойно и без снов.

Дьявол сердце жжет похлеще перца,
Жар его ладоней не унять.
Изгоняю дьявола из сердца,
Душу чтоб свою не потерять.

Никуда не спрятаться, не деться –
Под землей найдет и под водой.
Изгоняю дьявола из сердца,
Чтобы снова стать самим собой.

В радио клокочут килогерцы,
Вырываясь тысячами слов.
Изгоняю дьявола из сердца,
Дьявола по имени Любовь...

* * *

Мы сидели в комнате – я, Анна и ее муж – тот самый бело-брысый парень из трактира на Драконьем острове. Здорово она все-таки пришибла его тогда кружкой. Тут дверь распахнулась и вбежала такая же белобрысая шестилетняя Ольга.

– Мама, папа, драконы вернулись!

Анна всплеснула руками и выбежала на улицу. Мы все последовали за ней.

Драконы вернулись вместе с четвертой луной. Причем, как я узнал позже, каждая рептилия по старой памяти прилетела к своим бывшим хозяевам.

Перед домом Анны важно опустился Огонек:

– Не заскучали тут без нас?

– Скорее, никак не привыкнем к паровым машинам, – ответила Анна. – А еще земляне обещают приобщить нас к электричеству. Говорят, что эта зверюга лучше драконов, но я им, конечно, не верю.

– И правильно, – в голосе Огонька засквозили счастливые нотки, ужасно похожие на мурлыканье довольного кота. – Мы, драконы, к вам тоже не с пустыми лапами. Если, конечно, вы нас приютите на Акве.

Анна задумалась.

– Полагаю, людям будет непривычно общаться с вами на равных. Но проживем – увидим.

Ольга вдосталь напрыгалась на лапе ящера, который боялся даже пошевелиться, чтобы ненароком не навредить девочке, и утянула родителей – она хотела показать им сделанного ею бумажного воздушного дракона. И мы с Огоньком остались одни.

– Ты надеялся вернуться – и вернулся, – сказал я.

– Совет драконов отправил меня сюда в ссылку, – сообщил Огонек. – Из-за гибели Фаворита. Они считают, что я мог ее предотвратить, но не сделал этого.

– Вот как... А остальных драконов за что вернули на Акву?

– Они скучали по прежним хозяевам. И совет решил связаться с Землей и проситься сюда.

– Понятно...

По галактическим законам колониями сапиенсов на разных планетах должны были опекаться их соплеменники. Ведь, например, кто может лучше понять человека, как не другие люди? Поэтому большинство сапиенсов, а это тысячи различных видов в Галактике, проголосовало за то, чтобы передать Акву на поруки Земле. И вот – драконы попросились жить рядом с акварианцами, и Земля согласилась на это.

– Кстати, поздравляю со вступлением в Галактический Союз, – сказал я.

– Да мы как-то особо и не рвались. Жили себе тихонько... вот только прилетели когда-то на Акву... Знаешь, дух странствий и все такое... – Огонек помолчал. – Как Анна?

– Все хорошо, как видишь: дом, дочка, муж.

– Не завидуешь?

– Зачем же? Мне казалось, что Анна довольно равнодушна ко мне, а сам я не знаю даже, что мне больше нравилось: она сама или ее стихотворения. Правда, она их уже не пишет.

– До тебя она тоже их не писала.

– Не знал. – Я помолчал, обдумывая сказанное Огоньком. – Хорошо вам, драконам, вы умеете читать мысли. Но, может, так, как получилось, даже лучше?

– Не уверен, – ответил Огонек. – Хочешь, прочитаю последнюю ее стихотворение? Она его сочинила, когда ты уже улетел на Землю, но даже не записала. Как встретил ее сегодня, сразу увидел эти строчки в ее мыслях.

– Хочу, но это будет неправильно. Люди не привыкли делиться с другими всеми своими мыслями.

– Тебе виднее, – сказал дракон.

* * *

Не знаю, точно ли это то стихотворение, которое хотел мне прочитать Огонек, но оно стоит последним в сборнике стихотворений Анны. Ее муж настоял на издании этого сборника.

К электричеству акварианцы все же привыкли, как и к разумным драконам. Ну, почти. Просят только мысли не читать. И драконы делают вид, что не читают.

Веду войну сама с собой,
Саму себя веду я в бой.
Вот я уже почти у цели,
И крепости почти что целы.

Но только в плен я не сдаюсь
И отчего-то очень злюсь.
Опять на штурм, опять осада,
И мне держаться надо, надо.

Который год иду на бой,
Веду войну сама с собой.
Случилось так, что я разбита:
Мгновенно рухнула защита.

Закончилась война моя,
Но победитель в ней не я.
А победитель не смеется,
Победу праздновать не рвется.

Ведь он опять спешит на бой
Вести войну с самим собой.

Игорь Масленков ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

– А не хотите ли, сударики, послушать, какая со мною приключилась оказия в канун нынешнего Рождества?

Выпитое за ужином порядком разморило коллежского регистратора. Банкет в кабаке по случаю выдачи жалованья находился уже в той стадии, когда за весельем, удастью и геройством непременно следуют усталость и тяжесть в голове. Но секретарь нижней расправы уездного городка Обояни всячески сопротивлялся предательскому действию хмельного зелья, силился сохранить чистоту разума, пусть язык и заплетался немного, а перед глазами стоял легкий туман. Захотелось расшевелить, взбодрить друзей, да и самому встрепенуться, отогнать прочь разочарование и утомление.

– Поведай, поведай, – поддержал его изрядно захмелевший Савелий, мелкий чин уездного суда.

– Отчего не послушать, любезный друг Фотий? – подал голос и приятель коллежского регистратора лекарь Петр, слышавший в компании негласным предводителем.

И на то имелись веские причины. Немного сыщется в провинции людей с московским образованием. Петр служил больше из удовольствия, не чувствовал охоты к чинам, над серебром не чах, пробывал милостью чадолюбивых родителей, владельцев доброго имения и сотни душ. Жизнь свою лекарь не усложнял, в приятных мелочах себе не отказывал, иногда любил выпить, раскурить трубку, покутить с товарищами, перекинуться в картишки, блеснуть знаниями трудов Гельвеция, Монтескье и Кондильяка. За такие склонности иные завистники за глаза называли его эпикурейцем, вольнодумцем и якобинцем, что, впрочем, не лишало его благосклонности начальства. Многие не переставали удивляться тому, как юноша, наделенный множеством талантов, красивый, статный, успешный в службе, да и не босяк вовсе, сбежал из столицы, бросил доходное место. В городке на сей счет ходили самые разнообразнейшие сплетни. Одни клялись, что все дело в несчастливой любви, другие поговаривали, будто бы вопрос тут политический: дескать, доктор находился под следствием как шпион самого Робеспьера, и лишь невероятное везение да крупная взятка спасли его от неминуемой каторги. К этим наговорам Петр относился философски, пенял на извечную греховность людской природы, слухи не опровергал, но и не укреплял в уверенности охочих до придумок. В утверждениях наивных провинциалов он не видел

для себя большого вреда. Скорее, наоборот. Нелепые рассказы только привлекали посетителей – в особенности молодых вдовствующих купчих и помещичьих дочерей на выданье. Однако Петр жениться не спешил и воспринимал повышенное внимание экзальтированных дам и девиц к своей особе как глупую, бессмысленную, но увлекательную игру.

– Мы ведь знаем, ты у нас чудный рассказчик, – продолжал лекарь. – Не зря болтают, будто ты стишки да пьесы вечерами сочиняешь. Не мыслишь ли о славе Хемницера и Княжнина?

– Ах, Петр! Будет тебе злословить. Язык мой груб, а слог лишен сатирической соли. Но, коль вы настаиваете... Что ж, извольте. Однако прошу не винить меня в излишней впечатлительности.

– Умеешь ты устроить интригу, братец, – не выдержал Андрей, тучный обладатель удивительного аппетита, отпрыск прапорщика, отставленного от службы за раны и увечья, полученные во времена пугачевского бунта.

– Да просто ума не приложу, с чего начать, как подготовить и сохранить вашу снисходительность, – объяснил Фотий. – История моя в первую очередь замечательна своей простотой и в то же время необыкновенна. По правде сказать, до сего дня она не идет у меня из головы. А все начиналось бесхитростно, без всякого намека на значительное происшествие или резкую перемену обстоятельств... Погодите, что там за шум? – Фотий замер на мгновение, по лицу его скользнула тень испуга. – Кажется, кто-то стучался в окно!

– Да полно, кормилец! – возразил Петр. – Тебе, верно, почудилось.

– Нет, я определенно слышал какой-то необычный стук. Так перестукиваются злодеи в казематах.

– Надо полагать, история твоя не лишена мистического свойства, коль ты так чувствителен и везде готов видеть скрытые символы, – заметил Петр. – Друг мой, склонность к суевериям допустима у людей низкого звания, не отягощенных знаниями множества наук. А ведь ты человек благородный и просвещенный, хотя и особого характера, и, по природному изъявлению, имеешь обыкновение все трактовать в худую сторону, обо всем сомневаться и выводить опасения. Уверяю тебя, никто не стучал. Любой из нас охотно подтвердит. Верно, друзья?

– Разумеется. Известное дело, слышалось, – согласно закивали собутыльники.

– Дай-то бог, – сказал коллежский регистратор, тяжело вздохнул и перекрестился. – Коль так, то слушайте. Возвращался как-то я поздним вечером со службы или иного места, сейчас уж толком и не припомню...

– Из какого иного? – перебил сослуживца мирно дремавший до сего часа Илья. – Со службы, да поздним вечером! Никогда за тобою такого не водилось. Поди, у купчихи капиталистой гостил. Сватался, небось?

– Вот ты злодей, Илюшка! – выразил неудовольствие Фотий. – Так и норовишь мелкую пакость учинить.

– Да чего уж там. Не серчай. Женитьба – дело хорошее, а порою и необходимое, паче всего при твоём положении...

– Нет, судари, не в купчихе и не в женитьбе коренится причина. – Фотий сделал вид, будто пропустил мимо ушей колкость Ильи. Коллежский регистратор стыдился своей бедности. Пусть род его и восходил к временам Иоанна Грозного, но с годами измельчал и разорился. Крохотное именице с пятью крепостными да ничтожное жалованье едва позволяли сводить концы с концами. В службе он не преуспел, который год числился четырнадцатым классом и потому любое указание на тягостное состояние почтал унижительным. Илью он принимал только за приятеля, и ежели бы не застолье и опорожненный штоф водки, непременно потребовал бы удовлетворения за оскорбленную честь. – Верьте, говорю вам, не помню. А хоть бы и от купчихи? Нет тут никакого значения. Потому оставим.

Полагаю, ведомо вам, что от расправы до дома мещанки Еремеевой, где я снимаю угол, путь неблизкий. И надо же такому стать, ночь на дворе, звезды блещут, снег под ногами скрипит, мороз так и пробирает до костей. Вот, думаю, экий подлец этот Карп Федотыч! Продал, мошенник, худое сукнишко! А ведь как, шельма, нахваливал, соловьем заливался, сочился елеем! Оно и понятно. Ему-то что? Одна забота с рук сбуть, деньгу зашибить, а до того, что честный человек околеет, дела нет. Такой и мать родную за гривенник продаст. Да и портной Парамошка, даром что голь перекатная, а плут первостатейный. Вышла не шинель, а смех один, только и годится срам прикрыть, а от стужи нет никакого убережения.

Иду я, братцы, зуб на зуб не попадает, дрожу, поминаю лиходеев последними словами. И вдруг что-то самым неожиданным образом переменилось вокруг, мысль моя обрела совершенно иное направление. Что же это ты, Фотий, говорю сам себе, изводишь себя черными помышлениями? Для того ли ты родился, чтобы шипеть на ближнего аки змий? Посмотри окрест! Разве не прекрасен мир? Над головою разверзлась бездна, звезд полна. Тонкий серп луны взирает на зимний пейзаж. Видел ли кто из нас зрелище прекраснее и таинственнее? Нет, судари, доложу я вам, это не доношения жалобщиков переписывать. На моих глазах возникало нечто великое, словно сам Господь подавал знак. По-

забыл я о морозе и стал любоваться изысканной и неповторимой красотой ночи. Старые дома превратились в сказочные избышки. Снег на крышах серебрился в лучах далеких светил. Дым валил из труб и растворялся в небесах. Вокруг стояла неопишуемая тишина, коей не наблюдалось со дня сотворения мира. Даже собаки умолкли, не найдя в себе сил облаять и осквернить картину, достойную великой кисти или бойкого пера.

От избытка впечатлений случилось в моей душе смятение чувств. Сделалось мне обидно до слез за собственную незначительность. Я остался один на один с Вечностью. Кто я супротив нее? Титан духа, алчущий истины? Нет, жалкий червь, копошащийся в зловонных отбросах суетной повседневности, помышляющий о низком и недостойном! Канцелярия, бумаги, начальственные установления, житейские печали, постоянная нужда и унижения... Это ли мой удел? Силы я растрачиваю в пустых заботах. И так пройдет жизнь. Спустя год после смерти имени моего никто не вспомнит! Да был ли Фотий или никогда и не родился на свет? Ах, коллежский регистратор, говорите? Нет, не припомню. Вот и весь сказ.

Дивный вид вдохновил меня на философические рассуждения. Невольно я задумался о цели нашего явления в сию юдоль печали. Какое назначение возложил на нас Создатель? И почему мы вспоминаем о подобных предметах исключительно в час тягостных испытаний или резких перемен, когда горе или страх препятствуют привычному и слаженному движению? В иное время, когда мы пленены празднотлюбием и неохотностью, нет влиятельных причин испытывать ум отвлеченными размышлениями, кои могут в два счета привести к огорчению или, упаси бог, к душевному расстройству – ведь каждый мечтает прожить покойно до самой кончины и в том видит глубинный смысл и высшее предназначение.

Жизнь человеческая при первом рассмотрении уподобляется искре в первозданной тьме... Суждено ей вспыхнуть на миг и сгнать в пустоте. Угоден ли Вседержителю такой поворот или сие лишь оправдание нашей лености и скудомыслия? Не перечим ли мы воле Господа, пуская на ветер драгоценный дар? И подумалось мне: коль Бог есть Творец и создал нас по своему образу и подобию, то и мы должны действовать в согласии с замыслом, творить сообразно силе талантов и естественных наклонностей. Пусть одни пишут законы, полезно содействуя истинной гражданской деятельности, другие познают суть тайн человеческого бытия, третьи улаживают слух публики очаровательными мелодиями, четвертые радуют книжными сочинениями и наставляют юношество, пятые открывают новые земли... Но нет же, проводим мы

лучшие годы в удовлетворении телесных надобностей, поисках греховных утех да изощренных наслаждений!

– Погоди-ка, братец, – прервал рассказчика Петр. – Что-то ты меня запутал. В чем же новизна твоего взгляда, какие оригинальные доводы в пользу гражданской свободы ты отыскал? И разве нет ныне достойных государственных мужей, искусных музыкантов, вдохновенных пиитов, значительных писателей, деятельных ученых и разных Колумбусов? Да и как соотносится с твоими размышлениями обещанная история?

– Ах, Петр, говорил ведь, не знаю, как начать, как подойти к делу со всей обстоятельностью, объяснить и растолковать скрытую ценность моего видения. Ты прав, пожалуй. Но много ли их? Меж тем большинство пребывает во тьме невежества, дальше грязной избы своей ничего не видит. Недоступно им созерцание красоты мира и постижение высшего порядка. Вот и хочется мне известить вам: коль народ посредством стараний лучших сынов своих прозреет по собственной воле, возбудит в сердце полезные идеи, тогда общественное устройство решительно преобразится. Не будет места ни алчности, ни тупости, ни подлости. Настанет золотой век гармонии, торжества разума и следования божьим заповедям. Оглянитесь! Что вы видите? Темень кабацкую да пьяные рожи! Все вокруг пропахло вином, жиром да квашеной капустой. Впали люди в спячку, их души закрыты для света. Глупы они как скот и злы аки волки. По сердцу им лишь окаянство да разбой. Неведомо глупцам, что своими руками мостят дорогу к верной гибели. И бедствие сие угрожает принять самые ужасные по своим размерам последствия. Взять, к примеру, простого русского пахаря. Идет он от рождения к смерти без видимой цели. А ведь по натуре своей наш мужик богатырь, горы способен своротить. Ты ему только путь укажи, а уж он с любой напастью справится, всякое горе пересилит, супостатов разных мастей изведет под корень. Да вот беда, нет достойного поводыря, а кто таковым себя назначает, тот сам слеп и убог.

– Стало быть, ты призываешь к защите просвещения и уважению нравственности?

– Пусть так. Ты у нас искушен в науках, а потому легко подберешь нужные слова.

– Да ты, сударь, вольтерьянец, – с едва скрываемой насмешкой сказал Илья. – Смотри, чтоб твои крамольные речи до начальства не дошли.

– А кто донесет-то? Уж не ты ли? – холодно спросил Фотий и замер.

Раздались неприятные звуки, словно птица билась в окно. Теперь уж никто не смел отрицать непреложного факта. Без ви-

димой причины отворилась входная дверь, февральский холод ворвался в кабак, коснулся каждого посетителя, и от этого прикосновения сделалось жутко. Даже Петру, человеку рационалистическому, почудилось в этом прикосновении дыхание могилы.

– Дурное знамение, – невольно вырвалось у Фотия.

Прислужник бросился закрывать дверь. Происшествие тут же кончилось, но в души упали семена сомнения и страха.

– Ветер, должно быть, – попытался убедить себя и товарищей лекарь, но в словах его не чувствовалось силы и уверенности.

– Позвольте кончить рассказ, – решительно произнес Фотий, норовя превозмочь внутреннюю тревогу. – Вижу, я вас порядком утомил. Немного терпения, господа. Диспозиция обозначена. Последний удар! – Эти слова Фотий в волнении выкрикнул, чем невольно обратил на себя внимание местных завсегдатаев. – Поверьте, так и случилось. Сей удар пришелся в самое сердце. Рана ноет и кровоточит. Временами кажется мне, что нет более Фотия, он умер, а вместо него родилась иная, никому неизвестная персона. Меж тем мороз вновь напомнил о себе. Я изрядно продрог и ускорил шаг. По всем расчетам следовало давно достичь дома мещанки Еремеевой, да вопреки ожиданиям, взгляду моему предстало совершенно незнакомое место. Грешным делом я подумал, что, предавшись размышлениям о тайнах мира и сущности человеков, отвлекся и свернул в иной переулок. Но здешний пейзаж никак не походил на городские окраины. Неведомо как очутился я посреди заснеженного поля без признаков жилья или иного разумного устройства. Только вообразите мое смятение и волнительное состояние! Да мыслимое ли дело! Вот ведь дурень, заблудился в трех соснах! Обернулся назад, а там тьма кромешная! Точно, думаю, черт меня водит, без нечистой силы дело тут не решилось. Ваш покорный слуга едва не впал в грех уныния. И было от чего. Ведь так и замерзнуть недолго, да к великой радости увидал я в паре сотен саженой одинокий дом без какого-либо забора и употребительных в хозяйстве построек. Вот, думаю, слава богу, там верное мое спасение. Отогреюсь, расспрошу хозяев о чудесных превращениях.

Фотий вновь прервал рассказ. На сей раз виновником стал малец, прислуживавший посетителям. Горемыка споткнулся на ровном месте, растянулся на полу, выронил поднос и разбил посуду с кушаньями.

– Вот олух царя небесного! – громко выругался хозяин заведения. – Щи разлил и соль рассыпал! Чай, ослеп, пень березовый! – Он схватил мальчишку за шкирку, поставил на ноги и отпустил бедолаге звонкий подзатыльник. – Поди прочь, дуботряс. Да Марфу кликни. Пусть приберется.

– Кажется, он где-то рядом, не хочет, чтобы кто-то узнал о его появлении, – отрешенно, глядя куда-то в сторону, прошептал Фотий.

– О ком ты, братец? – участливо спросил Андрей.

– Там... Черный человек! Я хотел только развеселить вас необыкновенной историей, но зашел непозволительно далеко. На всеобщую беду, своими рассказами вызвал силу, действие коей предугадать решительно невозможно. Вот и мальчишка соль рассыпал. Говорю вам, сие суть тайные знаки, остережение. Мы слишком глупы и дерзки, неведомо нам, чем обернется произнесенное слово или нечаянное деяние. По моему произволу вы стали невольными свидетелями, почти соучастниками. Готовы ли выбрать свою судьбу?

– Да о чем ты, Фотий? Всякому явлению найдется естественное объяснение. Мальчишка, говоришь? Вспомни себя в детские годы. Разве мог ты усидеть на месте? И зачем кому-то на нас боязнь напускать? Ничего мы дурного не сделали. И кто он, твой Черный человек? Не вздумал ли ты страшать нас всяческой чертовщиной?

Петр высказался за всех. Остальные как воды в рот набрали, озадаченные неожиданным поворотом.

– Нет, братцы, за каждым числится тяжкий грех, – ответил Фотий. – Не гневил бы мы Бога. Но поздно, слишком поздно. Не боитесь, говорите? Тогда слушайте. Пеняйте на себя, коль дело выйдет супротив вас. Итак, я увидел одинокий дом посреди поля. Подхожу ближе и диву даюсь. Дом-то аккурат мещанки Еремеевой! Как таковое могло приключиться? Каким дивным образом он переместился из города в неведомые географические области? Тут-то и екнуло сердце. Точно, рассуждаю про себя, чудеса сии есть наваждение, подлая игра злокозненных сил. Уж хотел я отпереть дверь и схорониться от страхов и холода в уютной комнатушке, как моим подозрениям пришло неожиданное подтверждение. В нескольких шагах узрел я юношу необыкновенной наружности. Откуда он взялся? Сие одному Создателю ведомо. Как из-под земли возник или обратился в плотскую субстанцию из невидимых воздушных потоков. В чем же, спросите, его необычность? Белокурый отрок носил длинные, почти до пят, черные одежды на манер кафтана или шинели и был коротко острижен вопреки высочайшему повелению. Парика не носил вовсе, чем бросал вызов нынешнему общественному устройству. Глаза его горели голубым огнем, а пуговицы чистого золота тускло поблескивали в лунных лучах. Ликом своим неведомый посланник напоминал статуи лучших древнегреческих ваятелей.

Кто же он? Черт? Вельзевул, родитель всякой язвы, пожаловавший к нам из адовых глубин, или сам Люцифер, повелитель грешников? Признаться, о нечистой силе вспомнил я в первойшую очередь, однако никаких признаков диавольских так и не выявил. Ни шерсти, ни рогов, ни хвоста, ни свиного рыла. Но и с ангелом юноша был не схож, ведь никто не видал бескрылых ангелов. Водно я уверовал определенно: человека сего невозможно причислить ни к одному из земных племен, как по внешности, так и по платью.

«Фотий! Ступай за мной!» – сказал эфеб голосом сильным и властным.

От слов тех сердце мое сжалось, превратилось в ледышку и остановилось. Я не чувствовал ни рук, ни ног. Хотел закричать, да язык не повиновался. Сил не достало и рта раскрыть. Обуял меня страх великий, и в один миг я лишился способности к здравому рассуждению. Мир вокруг перестал существовать, и разум мой помутился. Значения слов до конца я так и не уразумел, однако чувствовал в них угрозу самому существованию. Не отдавая никакого отчета в действиях, преодолевая оторопь и внезапный паралич, я бросился к двери. На беду, пальцы отказывались подчиняться, и ключ не желал входить в замочную скважину.

Уж не помню, как удалось мне отпереть дверь и войти в дом. Пришел в себя только под утро. Лежу на кровати в верхнем платье и сапогах. Сердце яростно колотится. Ни жив, ни мертв, а сам думаю о Черном человеке и смерти ожидаюсь. За всю ночь глаз не сомкнул. С рассветом послышалась возня. Хозяйка принялась за стряпню. Одолея робость да взялся собираться на службу. Вышел на улицу. Нет ни ночного гостя, ни поля, снегом занесенного. Все на своих местах, как положено, без потусторонних изменений. С тех пор пребываю под впечатлением и гадаю, к чему бы такое необыкновенное происшествие...

Фотий смолк и стал вглядываться в лица товарищей в надежде увидеть ясные признаки расположения и сочувствия.

– Да, братец, занятная вышла история, – первым нарушил затянувшееся молчание Петр. – Признаться, я не на шутку удивлен. Удивлен и озадачен. Как тут не поверить во всевозможные рассказы, коими романтические барышни любят страшить друг дружку на ночь глядя.

– А мне сдается, ты был чертовски пьян. На пьяную-то голову и полный желудок и не такое пригрезится, – вынес вердикт Андрей.

– Истину глаголешь, пьян, – промычал Савелий, икнул, уронил голову на грудь и всхрапнул.

– Коль не соврал, то и впрямь занятно, – задумчиво произнес Илья. – Да с чего же ты сбежал, Фотий? Вдруг тебе явился

ангел-хранитель, а ты поспешно ретировался и потерял всякую возможность улучшения судьбы. Вдруг сей Черный человек послан оказать тебе вспоможение. Попросил бы новый чин или прибавку к жалованью. Теперь остается только волосы драть с досады. Я бы не терялся.

– Ты, Илья, мелочный, рационалистический тип, склонный из всякого случая извлекать выгоду, – сказал Петр. – Диву даюсь, как в тебе живут всевозможные беспредметные фантазии. Кто же просто так устроит продвижение по службе? Нет, братцы, не поверю я в ангела-хранителя. В черта поверю, в ангела нет. Слишком добрая сказка для нынешних жестокосердных времен.

– А вдруг Илья прав! – возбужденно воскликнул Фотий. Ему безумно захотелось верить, что так и есть, что в мире, полном злобы и грязи, непременно найдется место для доброй сказки, ангела-хранителя и светлых наивных мечтаний. – Но каковы, Илья, твои аргументы и улики?

– Здесь большого ума не надобно, – ответил тот. – Сам рассуди. Никаких признаков дьявольских ты не отыскал. Пусть черт или иной представитель адовой породы сокрыл от тебя мерзкий свой облик, но ведь никакого зла не причинил, витиеватыми речами твой разум не смущал, душу не соблазнял, не преследовал, а дал поступить в согласии с собственной волей.

– Кто знает, кто знает, – попытался сам себя убедить Фотий. – В одно уверовал я непреклонно: негаданная ночная встреча чревата последствиями самого необратимого свойства.

– Оставим препирательства до утра, сейчас пора и честь знать, – заявил Петр. – Водка выпита, закуска съедена. Время меж тем позднее, а наговорил ты, братец, порядком. Хочешь не хочешь, теперь по пьяному-то делу всяческая бесовщина непременно станет мерещиться. Надобно по домам расходиться, дабы не способствовать неблагоприятному исходу, – подвел он черту диспуту.

– И то верно, – согласился Фотий. – Да и хозяин здешний мне не нравится. Прячет улыбку в густой бороде, насмехается. Наверняка что-то знает, шельмец. Про кабатчиков сказывают, будто они с нечистой силой знают...

– Эй, человек! – крикнул Петр, намеренно не обратив внимания на слова разгоряченного собственным рассказом Фотия.

На зов явился бородатый мужик со смазанными гусиным жиром волосами и пробором посередине, принял расчет и приказал мальчишке на побегушках подать господам чиновникам одежды да сыскать извозчика.

Фотий встал из-за стола, надел шинель, глянул в треснутое тусклое зеркало, поправил парик, напялил треуголку и коротко

простился с друзьями. Савелий изрядно выпил за ужином, и собутыльники не рискнули предоставить его в распоряжение слепой судьбы и решили отвезти домой, дабы не вышло какой беды. Фотий меж тем пошел в иную сторону, на городскую окраину.

По пути домой коллежский регистратор не мог успокоиться, все думал о Черном человеке и мелких происшествиях в кабаке. Вдруг и впрямь белокурый юноша послан высшими силами во благо ему, несчастному Фотию? А он, глупый мечтатель, поступил так малодушно. Теперь нет никакой возможности исправить досадную ошибку. Или прав Петр, явился ему вовсе не добрый ангел, а злой дух, вестник всяческих несчастий? И все же он получил хороший урок и жизнь свою непременно начнет заново.

Мысли Фотия переключились на самое скорое будущее. Он мечтал о весне, о солнце, зеленой траве, щебете птиц и абрикосовом цвете, мечтал о тех временах, когда земля, напитавшись влагой и теплом, произведет на свет первые плоды, а он напишет давно вынашиваемый трактат о природе добра и зла, о долге и предательстве. Не подумал он только о том, что судьба его решена и красочным задумкам не суждено воплотиться, ведь у дома мещанки Еремеевой его уже который час дождался Черный человек.

* * *

Илья по приезде домой сел писать донос и утром снес клязгу тому, кому ведать о том надлежит. Однако день прошел вопреки замышлениям. Фотий не явился на службу, начальство доносу хода не дало, но приказало учинить сыск. Впрочем, мероприятия должных результатов не принесли. Исправник велел арестовать мещанку Еремееву по подозрению в тайном душегубстве. Не найдя за ней никакой вины, бедную женщину подвергли телесной экзекуции, дабы впредь не брала на постой кого попало.

Наперекор всем стараниям городских властей, Фотий так и не объявился. Никто по коллежскому регистратору слез лить не стал. К Пасхе о нем и вовсе позабыли. А вскорости в Обояни приключился ряд дел, на первый взгляд никак не связанных с судьбою мелкого чина уездного городка. Петр, повинувшись благородному патриотическому порыву, неожиданно для многих записался в полк и отбыл в Северную Италию, где снискал славу смельчака и преданного сына Отечества. Андрей, по натуре излишне осторожный, почти трусливый, сослался на недостаток внутренних сил организма и вышел в отставку. Хотел было постричься в монахи, да испугался, поселился в деревне и предался меланхолии сельской жизни. Савелий бросил службу и жутко запил. На почве пьянства с ним случилась нервная болезнь. Бедняга лишился рассудка и

был препровожден в городскую богадельню. В редкие минуты просветления он сожалел о бездумно прожитых годах и во всем винил собственную глупость. Илья погорел на растрате и угодил в Сибирь, смирился с участью неудачника и причину крушения своих предприятий видел в неодолимой силе злого рока.

Никто из приятелей не желал без особой надобности вспоминать историю, случившуюся во время дружеской попойки. Каждый получил сообразно внутренней вере и боялся накликать новую беду. Но всякий раз накануне Рождества Петр, донимаемый необъяснимым душевным волнением, вопрошал небеса о таинственной участи Фотия, а сумасшедший Савелий пугал надзирателей рассказами о Черном человеке.

2017

Станислав Никишкин МАКСИМАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ

Металлический телефонный аппарат висел на обшарпанной бетонной стене, от пола до середины выкрашенной синей краской. В очереди к нему, держа за руку мальчика лет четырех-пяти, стояла молодая женщина с собранными в хвостик темными волосами, одетая в джинсы и красную выцветшую кофту с капюшоном. По глазам ее было заметно, что она волнуется, но женщина из всех сил старалась это скрыть. Чем ближе она подходила к аппарату, раз за разом делая маленький шаг, тем сильнее билось ее сердце. То и дело женщина бросала взгляд на охранника – полного мужчину в зрелой форме, который застыл рядом с телефоном.

– У тебя одна минута, – произнес он и ткнул пальцем в секундомер, лежавший у него на ладони. – Время пошло!

Женщина быстро сняла трубку, неуклюже прижала ее плечом к уху и, не отпуская мальчика и повернувшись спиной к охраннику, начала вращать диск аппарата. Набрала номер, взяла телефонную трубку, поглядывая по сторонам, и прошептала короткую фразу. И сразу же нажала на рычаг, прервав связь.

– Следующий! – выкрикнул охранник, щелкнув секундомером.

Женщина взяла ребенка на руки и быстро пошла по коридору вдоль цепочки стоявших в очереди людей. Через несколько секунд она приблизилась к стальной двери грязно-серого цвета с табличкой «813». Открыла ее и вошла в помещение, уставленное двухъярусными кроватями. На них сидели и лежали люди. Женщина опустилась на свою кровать, выдохнула и крепко прижала к себе мальчика. Он поднял на нее большие голубые глаза.

– Мама, а папа нас спасет?

– Спасет. – Дрожащей рукой женщина погладила сына по голове. – Он же у нас сильный и смелый.

– Ну когда же он придет?

– Скоро, сынок. Потерпи еще немножко. Совсем чуть-чуть.

Время, казалось, замерло. Льющийся из динамиков голос вещал об основных принципах общества Республики, зомбируя пребывавших в центре временного содержания. Эта монотонная речь повторялась ежечасно, и хотя вызывала головную боль и раздражение, но впивалась незримыми щупальцами глубоко в сознание.

Дневной свет пробивался в помещение из отверстия под потолком, закрытого пыльной ржавой решеткой. Оттуда и влетел в комнату небольшой, не длиннее спичечного коробка, желтый

цилиндр. Не замечаемый никем, он медленно и беззвучно плыл под потолком, сканируя помещение, пока не обнаружил свою цель: цепочки ДНК, сведения о которых были заложены в его базу.

Женщина сидела на кровати, прислонившись спиной к стене и глядя перед собой. Мальчик спал у нее на руках. Желтый цилиндр опустился и завис возле ее лица. Она схватила его и зажала в руке, оглядываясь по сторонам: не заметил ли кто? Но все тут пребывали в апатии или же были погружены в собственные размышления.

Цилиндр начал мелко вибрировать, и женщина, разжав кулак, увидела, что он медленно увеличивается. Она аккуратно положила его на постель и невольно отодвинулась, разбудив этим движением сына. Тем временем цилиндр уже стал втрое больше и не только не собирался останавливаться на этом, но и ускорял темп. Ребенок удивленно смотрел на происходящее, не понимая, снится ему это или нет. А желтый цилиндр все продолжал вибрировать и расти. Собственно, его очертания уже перестали быть похожими на цилиндр – на кровати стояло подобие человечка. Человечек шагнул на пол – и вскоре превратился в трехметрового желтого андроида.

Такого гиганта было сложно не заметить. Кто-то вскочил с кровати, кто-то молча разглядывал его, кто-то зажмурился от страха и закрылся руками, а одна пожилая женщина разразилась неистовым криком. Она бросилась к двери, распахнула ее и побежала по коридору, продолжая кричать. Ее вопль гулким эхом отзывался в бетонных лабиринтах центра.

Робот быстрым шагом направился к противоположной от двери стене с решеткой и стал наносить по ней мощные удары руками. От этих ударов по стене пошли трещины, ветвящиеся, словно молнии в черном грозовом небе. Молодая женщина встала с кровати, взяла ребенка на руки и напряженно наблюдала за действиями андроида.

Тут в комнату вбежали три охранника и, оторопев, замерли на месте. Огромный робот обернулся, за доли секунды оценил обстановку и в два прыжка оказался возле женщины с ребенком. Быстро, но аккуратно подхватил их на руки и бросился к стене. Сильно оттолкнулся ногами от пола, развернулся на лету и спиной вломился в нее. Стена не выдержала такого удара и кусками вывалилась на улицу. Робот выпрыгнул в пролом и желтым болидом полетел вниз со второго этажа, держа на руках женщину и мальчика, спасение которых было его задачей с максимальным приоритетом. Почти в тот же момент из здания выскочили охранники и открыли огонь. Андроид повернулся к ним спиной, прикрыв женщину и ребенка, и помчался к ограде центра временного содержания. Не сбавляя хода, он врзался в нее и порвал метал-

лическую сетку. Сзади продолжали раздаваться выстрелы, пули свистели рядом, рикошетили от спины робота, а тот продолжал бежать, разгоняясь все больше и больше.

Вскоре вдаль показался город. Он возвышался над желтой равниной, упираясь крышами своих белоснежных домов в безоблачное небо, и представлялся самой безмятежностью, воплощенной в камне и металле.

Но вдруг огненный столб вонзился в небо, пытаясь одолеть его синеву, разорвать на части, на лоскуты, вместе с грохотом и порывом ветра разрушая идиллию. Издалека стал доноситься грохот орудий и стрекот автоматных очередей. Страх ледяным прикосновением сковал женщину, сбил дыхание, заставил ее сильнее прижать к себе ребенка. Она была не в силах ни на что повлиять, и ей оставалось только беспомощно смотреть на происходящее. Робот мчался в гущу боя. В небе появились тяжелые вертолеты. Плавно покачивая подвесным оружием и вонзая свои острые длинные винты в воздух, они летели к центру города. Туда же направлялся и робот. Он бежал мимо жилых домов, магазинов, аптек и салонов красоты, а по параллельной улице, мелькая в просветах между зданиями, двигались танки, броневые автомобили с пулеметами на крыше и грузовики с военными полицейскими Республики.

Робот бежал и бежал, не отвлекаясь и не сбиваясь с пути, ныряя в проулки, пересекая широкие улицы и площади. Угол дома в нескольких десятках метров от него разлетелся каменными брызгами – туда попал снаряд. Андроид резко сменил курс, запетлял по переулкам и дворам, ломая заборы и выбивая двери. Наконец он остановился и выпустил женщину и мальчика из своих крепких объятий. Женщина принялась непонимающе озираться по сторонам. Ее переполнял страх.

Внезапно дверь дома напротив распахнулась, заставив женщину вздрогнуть и прижать ребенка к себе. На улицу вышел мужчина в выгоревшей на солнце военной форме песчаного цвета и тяжелых армейских сапогах. Еле сдерживаемая улыбка тронула его обветренное усталое лицо с покрытыми щетиной щеками и подбородком и сетью мелких морщин, расходившихся лучами из уголков серо-голубых глаз.

– Папа!

Мальчик вырвался из рук матери и бросился к отцу. Тот, присев на одно колено, крепко обнял сына. Потом взял его на руки, выпрямился и взглянул на жену:

– Идем!

Они быстрым шагом вошли в дом и спустились в подвал. Мужчина передал сына жене и отпер сливавшуюся со стеной тяжелую

дверь в дальнем углу. Достал из кармана фонарь и осветил уходящий вдаль узкий проход.

– Сюда!

Пропустив вперед жену и сына, он тоже шагнул в проход, запер дверь, вновь взял на руки мальчика и сказал жене:

– Уходим.

– А что будет с ним? – спросила женщина.

– С роботом? – Мужчина уже сделал первые шаги по проходу.

– Вероятнее всего, он погибнет, сдерживая удар за ударом, чтобы дать нам время уйти. Нас уже ждут на той стороне. Мы покинем Республику и больше сюда не вернемся.

– Он погибнет, спасая нас... – тихо сказала женщина.

– Да.

Женщина шла вслед за мужем к свободе, к новой жизни вдали от страха и решеток. По ее щеке медленно ползла слеза, оставляя чуть заметный влажный след.

Анна Курлаева
ДУША

Аккуратно проводя зажженной свечкой по растрепавшемуся краю шва, Ксюша подумала:

«С одной стороны, конечно, печально, что вся одежда нынче из синтетики, а с другой – удобно. Натуральную ткань пришлось бы подшивать, а тут подпалила немного – и готово».

Задумавшись о плюсах и минусах изделий из синтетики, она не успела вовремя убрать палец от шва и опалила его пламенем свечи. Ойкнув от боли, она уже хотела машинально сунуть палец в рот, но замерла, увидев такое, от чего глаза у нее полезли на лоб. Вместо красного ожога, который должен был бы появиться на коже, палец просто слегка оплавился – как свечка. Или как все те же синтетические нитки на юбке, которую Ксюша продолжала сжимать в руке.

В шоке, не веря своим глазам, она снова поднесла огонек свечи к пальцу. Сжав зубы от боли, Ксюша тем не менее упрямо держала огонь, наблюдая, как палец продолжает плавиться. Если бы не было так больно, она бы решила, что спит. Было такое ощущение, что она оказалась в фантастическом фильме. И только несколько секунд спустя Ксюша опомнилась и задула свечку, пока окончательно не испортила палец.

Он так и остался оплавленным на конце, слегка почерневшим, а кончик ногтя слился с плотью. Ксюша осторожно потрогала его: он затвердел и издавал запах паленой синтетики.

«Это что же получается: я тоже синтетическая?» – подумала Ксюша с тем отстраненным спокойствием, которое является предвестником истерики.

Бросив на кровать недоделанную юбку, она встала перед большим зеркалом в двери одежного шкафа и принялась придирчиво рассматривать себя.

Ничего примечательного. Самая обычная девочка-подросток, каких тысячи. Невысокая, слегка полноватая, каштановые волосы до плеч и карие глаза. В меру симпатичная. Разве такими бывают роботы? Ведь если кто-то решил создать искусственного человека, он сделал бы его совершенством во всех отношениях. Ведь так?

Ксюша подавила желание поджечь себе еще что-нибудь – просто чтобы убедиться – и решила, что лучше расспросить маму.

«Может, я просто сошла с ума? – подумала она, поглядывая на оплавленный палец. – Хотя хрен редьки не слаще», – и немного истерично хихикнула.

Все оставшееся до возвращения мамы с работы время она провела, то нарезая круги по комнате с чувством, что вот-вот взорвется от комка эмоций, которым и название-то подобрать не могла бы, то в полной прострации сидя за столом и таращась на палец.

Когда щелкнул дверной замок, возвещая о приходе мамы, Ксюша метнулась навстречу и принялась помогать ей разгружать сумки – чтобы собраться с мыслями и духом. А потом начала как можно более беспечным тоном, хотя так и не смогла полностью подавить дрожь в голосе:

– Мам, я тут юбку поджигала...

– Угу, – рассеянно сказала мама, что-то ища в сумке.

Наверное, не стоило начинать разговор так сразу, подумала Ксюша: с работы мама всегда приходила уставшая и плохо воспринимала ее слова. Но начав, она уже не могла остановиться:

– Ну, и нечаянно подожгла палец. В общем... вот. – Она выставила оплавившийся палец.

Мама резко выпрямилась – вся усталая рассеянность тут же слетела с нее.

– Ксюша... – сдавленно начала она, медленно переведя испуганный взгляд на лицо дочери, и замолчала.

– Мам, скажи, как это может быть? Я... робот? – еще более дрожащим голосом спросила Ксюша, чувствуя, что вот-вот расплачется.

Мама сглотнула и помотала головой:

– Ты человек, милая. Просто... синтетический.

Ксюша в шоке распахнула глаза, забыв про слезы.

– Как это?

Мама обреченно вздохнула, а потом повела подбородком в сторону Ксюшиной комнаты:

– Пойдем поговорим.

Ксюша кивнула, послушно вошла в комнату и села на кровать, на которой по-прежнему лежала злополучная юбка. Нервно покосившись на юбку, мама устроилась в кресле за столом. Прикусив губу, она несколько мгновений смотрела в сад за окном, а потом заговорила. Ксюша сидела напряженно, как струна, сцепив руки на коленях и боясь пошевелиться.

– Понимаешь, милая, у нас с Игорем не могло быть детей... Мы даже собирались усыновить сироту из детского дома... Но потом Игорь принял участие в одной сверхсекретной разработке своего института.

Ксюша замерла еще больше, если только такое возможно. Она, конечно же, знала, что папа работает ведущим инженером

в НИИ биотехнологии, но и представить себе не могла, что эта работа связана непосредственно с ней.

– В общем, они открыли способ создавать искусственного человека, – тем временем продолжала мама. – Нет, это не робот. Такой человек растет и развивается, как самый обычный, из плоти и крови.

«Вот оно!» – подумала Ксюша. А она-то ломала голову, как же могла расти, если и вправду робот.

– Главное, что отличает таких людей: любые повреждения у них очень быстро заживают, и они никогда не болеют.

«А ведь действительно», – подумала Ксюша.

Она не помнила, чтобы когда-либо подхватывала хотя бы обычную простуду. Все ее одноклассники периодически болели, и только она отличалась феноменальным здоровьем. Порой она даже завидовала подругам – ведь, заболев, они могли отдохнуть от школы. Почему ее раньше никогда это не озадачивало? Почему свое неестественное здоровье она воспринимала как должное?

От маминых откровений кружилась голова, и все плыло перед глазами. Ощущение, будто она оказалась в фантастическом фильме, усилилось.

– Ксюша! – встревоженно позвала ее мама, отрывая от размышлений. – Милая, это совершенно ничего не значит. Ты наша дочь, и мы тебя очень любим. Мы не хотели тебе рассказывать, чтобы не пугать и не травмировать, но даже не подозревали, что твое тело так реагирует на огонь... Ксюша, ты как?

Ксюша вымученно улыбнулась, пытаясь успокоить маму, но, кажется, добилась противоположного.

– Не знаю... Перевариваю пока... Нормально, наверное.

Мама кивнула, пересела на кровать и крепко обняла Ксюшу. Мама всегда прекрасно ее понимала и чувствовала, когда надо поговорить, а когда – просто обнять и погладить по голове. Ксюша сдавленно всхлипнула, обняла маму в ответ, уткнулась лицом ей в плечо и заревела, выплескивая в слезах все накопившиеся эмоции.

Выплакавшись, Ксюша вздохнула, чувствуя, как отступает дикое напряжение. Не в последнюю очередь благодаря нежным маминым рукам, поглаживавшим ее по спине. Ну и пусть она появилась на свет странным путем. Пусть она... синтетическая? Зато родители любят ее по-настоящему. А ведь не все ее одноклассники могли этим похвастаться. У Светки постоянно пил отец, и бывало, она боялась возвращаться домой. А Славика родители просто не замечали, откупаясь дорогими подарками. Так что грешно с ее стороны жаловаться на судьбу.

И тут Ксюше пришел в голову вопрос.

– Мам, а много таких... таких, как я? – поинтересовалась она, отстранившись.

Заметив, что ее настроение значительно улучшилось, мама облегченно улыбнулась и отрицательно покачала головой:

– Ты одна такая. Или почти одна. Это секретная разработка, и вне института о ней никто не знает. Да и в самом институте знают немногие.

– Почему? – удивилась Ксюша. – Ведь это же невероятное открытие!

– Об этом лучше с папой поговори.

Ксюша кивнула и улыбнулась. Обязательно.

– Ты уроки-то сделала? – спросила мама, вставая.

– Ну, ма-а-ам! – возмутилась Ксюша.

В этом году они договорились, что уроки – исключительно ее ответственность. Она уже достаточно большая.

– Что? Я просто спросила. – Мама сделала большие глаза.

– Ладно-ладно, не сердись – я верю, что ты у меня взрослая и ответственная.

Она направилась к двери. Ксюша вновь лучезарно улыбнулась и окликнула ее:

– Мам! – И когда мама обернулась, очень серьезно произнесла: – Я люблю тебя.

– И я тебя, доча.

Кажется, в маминых глазах блеснули слезы. Но Ксюша знала, это не потому что мама расстроена, а потому что тронута.

Оставшись одна, Ксюша счастливо вздохнула. Недавняя буря эмоций улеглась, и теперь она испытывала умиротворение.

А вечером папа рассказал ей, что невероятное открытие не стали распространять из страха, что его используют во зло.

– Только представь, – сказал он, – какое искушение создавать солдат, которые не болеют, быстро регенерируют и в целом выносливее других людей. К тому же их можно создавать сразу взрослыми, а не начинать с младенчества, как было с тобой.

Ксюша представила, и ее передернуло от ужаса и отвращения.

– Я понимаю, – серьезно произнесла она.

Казалось бы, можно было поставить точку в этой истории, забыть о ней и продолжать жить дальше. Но на следующее утро по дороге в школу Ксюшу охватило странное чувство. Глядя на проходивших мимо, спешивших по своим делам людей, она вдруг подумала:

«А что, если папа и мама ошибаются? Если институт выпускал и других таких людей – втайне?»

Не могло ли быть так, что ее родители тоже синтетические, только не знают об этом? И именно поэтому у них не было детей.

Мысль была логичная, но тревожная и неудобная. Ксюша сама не понимала почему. Ведь, по идее, мысль о том, что она не одна такая, должна утешать. Но нет.

Ксюша украдкой разглядывала окружающих, пока ей не начало казаться, будто все вокруг синтетические. Она потрясла головой и твердо сказала себе:

«Хватит! Так я скоро с ума сойду».

Уроки и общение с подругами заставили ее временно забыть об этом. И все же до конца мысли не исчезли – лишь затаились.

– Пойдем сегодня в кино? – спросила лучшая подруга Юля, когда прозвенел звонок с последнего урока. – Будет «Матрица».

В любое другое время Ксюша согласилась бы, но сейчас в ее жизни и так внезапно стало слишком много фантастики. Так что она отрицательно покачала головой:

– Извини, неохота.

– А если я скажу, что с нами пойдет Федька? – хитро прищурилась Юля.

Ксюша чуть не передумала. Федя Большаков – озорной мальчик с очаровательной улыбкой и красивейшими темными глазами – перешел в их школу только в этом году, и она немедленно влюбилась в него по уши. Мысль о походе в кино в его обществе была соблазнительной. Очень-очень соблазнительной. И все же Ксюша со вздохом отказалась:

– Не в этот раз.

– Да что с тобой такое? – уже встревоженно спросила Юля. – Весь день сама не своя. Ты не заболела?

Ксюша нервно фыркнула и чуть не ответила: «Я не могу заболеть», – но вовремя прикусила язык.

– Все в порядке, – сказала она. – Просто устала немного. К тому же сегодня я обещала помочь маме.

Юля отстала, хотя, кажется, не особенно ей поверила.

На улице пригревало яркое апрельское солнце, весело блестела свежая зелень и щебетали птицы. Ксюша улыбнулась, любясь безоблачным голубым небом. Разве можно в такую погоду забивать голову какими-то проблемами?

А потом ее взгляд упал на небольшую церковь, куда они с родителями ходили время от времени. Их семья не была по-настоящему воцерковленной, как выражался батюшка, но вера жила в сердце Ксюши, и бывать в церкви ей нравилось. Однако сейчас она вдруг поняла, что так беспокоило ее в предположении о множестве синтетических людей вокруг. Ее поразила мысль: а есть ли у таких, как она, душа? Может, нет для нее никакого посмертия, и она полностью исчезнет, когда умрет тело? Или... ее тело вовсе не умрет? Да нет – даже синтетика не вечна. Может,

она проживет дольше других – может, даже гораздо дольше, – но когда-нибудь все-таки умрет. И что тогда?

Ксюша почувствовала, как ее пробирает озноб, и солнце уже не казалось таким уж теплым. Может ли она вообще считать себя Божьим созданием? Ведь, по сути, ее создали люди. Ей стало жутко.

Постояв в нерешительности, Ксюша тряхнула головой и направилась к церкви. На ее удачу, отец Андрей как раз в это время вышел из храма во двор.

– Батюшка, можно с вами поговорить? – робко спросила Ксюша, подбежав к нему.

Она неловко чувствовала себя, обращаясь за советом к почти незнакомому человеку, но к кому еще обратиться с таким вопросом, как не к священнику?

Отец Андрей внимательно посмотрел на Ксюшу и, будто что-то прочитав на ее лице, серьезно кивнул:

– Пойдем.

Он провел Ксюшу в священнический домик, предложил садиться и сам сел напротив. Ксюша смущенно осмотрелась. Комната была небольшая, с минимумом мебели, теплая и уютная. На окне висела белая в цветочек тюлевая занавеска.

– Я внимательно тебя слушаю, – доброжелательно улыбнулся отец Андрей, и в уголках его голубых глаз появились морщинки. – Кстати, напомни, как тебя зовут.

– Ксения, – автоматически назвала Ксюша полное имя, как на исповеди.

– Что ж, раба Божья Ксения, что у тебя случилось?

Он, наверное, пытался подбодрить ее, но от такого обращения Ксюша чуть не разрыдалась.

– В том-то и дело, батюшка, – почти шепотом произнесла она дрожащим голосом. – Я не уверена, что я раба Божья.

Отец Андрей недоуменно нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

И Ксюша выложила все, что узнала про себя (продемонстрировав, как доказательство, оплавленный палец), и сомнения насчет своей души.

– Признаюсь, мне сложно поверить, – произнес отец Андрей, когда она замолчала, – но по глазам вижу, что это не глупая шутка. Да и палец этот...

Он немного поразмышлял, и Ксюша ждала приговора, почти не дыша. Ей было так страшно, как, наверное, еще ни разу в жизни.

– Что касается твоего вопроса... Я всего лишь человек и не могу отвечать за Бога, но думаю, что без Его воли столь паразитальное создание не смогло бы появиться на свет.

– Правда? – Ксюша робко улыбнулась, приободрившись.
Отец Андрей кивнул.

– И даже если не было у тебя души в самом начале, Господь наверняка вложил ее в тебя в момент крещения. Тебя ведь крестили, правильно?

Ксюша усиленно закивала. Словно разжались стальные тиски, сдавливавшие ее сердце, и она смогла снова дышать полной грудью. Все-таки она человек, а не непонятное существо.

– Спасибо, батюшка! – искренне воскликнула она.

– Обращайся, – снова улыбнулся он своей теплой улыбкой.

Домой Ксюша прилетела как на крыльях. И солнце ей казалось ярче, и зелень нежнее, и небо голубее. Ее охватила такая эйфория, что она с трудом заставила себя заняться домашним заданием.

Вечером, за ужином, который их семья всегда проводила вместе, обсуждая прошедший день, она решила прояснить у родителей последний вопрос.

– А когда меня крестили?

– Дней через пять после того, как принесли из института, – ответила мама и посмотрела на папу, ища подтверждения.

– Да, где-то так, – согласился он. – А что?

Но Ксюша не ответила, продолжая расспрашивать:

– А я... как бы это сказать?.. сильно разная была до и после крещения?

Родители озадаченно переглянулись.

– Знаешь, я не задумывалась об этом, – удивленным тоном медленно произнесла мама, – но сейчас, когда ты спросила... Да, разница была. До того ты двигалась, пицала и сосала молоко из бутылочки, как все младенцы, но все равно больше походила на механическую куклу – необычайно искусно сделанную, но куклу. Я забыла об этом, но тогда меня это немного пугало. А когда тебя крестили, ты стала... живой, наверное, – по-другому не скажешь.

– У меня появилась душа, – с невероятным облегчением тихо произнесла Ксюша, чувствуя, как испаряются последние сомнения.

Родители снова переглянулись, на этот раз с таким видом, словно на них снизошло внезапное озарение.

– Вполне может быть, – произнес папа.

– А я так в этом абсолютно уверена, – заявила Ксюша, широко улыбнувшись. – И знаете что? Вы у меня самые лучшие!

Родители нежно улыбнулись ей в ответ:

– Ты у нас тоже.

Марьяна Олейник
ЗЕЛЕНАЯ КОШКА

Было нас три подруги – Ленка, Маринка и я, Ксанка. Жили вместе на съемной квартире. И все у нас было вроде бы хорошо, кроме одного – с мужиками не везло. Нет, ухажеры, конечно, водились, но такого, чтоб «за ним хоть на край света», ни одна из нас еще не повстречала.

Наконец у Маринки появился парень. Симпатичный, вежливый, имя только странное – Лионид. Через «и». Что-то родителям приключилось, видно, когда дите называли. Ну, в каждой избушке свои погремушки.

Познакомились они в ночном клубе «13-е измерение» – мы туда иногда все вместе ходили. Ничего такой клубешник, не пять звезд, но оттянуться можно.

Несколько раз Маринка с Лионидом в клубе встретились, а потом он ее к себе в гости пригласил.

Вернулась она на следующий день. Мы, ясное дело, полезли с расспросами. А Марина городит что-то несусветное. Даже где он живет, толком сказать не может. Лионид ее туда вел и обратно проводил, она дороги-то и не запомнила. Твердит только, что где-то рядом с нашим клубом.

Ленка, среди нас самая сообразительная, спрашивает:

– Ты что, пьяная была?!

Маринка головой мотает, мол, в клубе один коктейль выпила, и тот безалкогольный.

– А какая у него квартира? – пристаю я.

– Просторная, светлая, мебели мало, окна панорамные, – говорит Марина. – И ночь у нас была волшебная, а потом мы на балконе с видом на море рассвет встречали. Еще вопросы будут?

У меня был только один вопрос: что они с этим Лионидом курили?! От нашего города до ближайшего моря полтысячи километров!

– А утром он мне кофе в постель принес, – припечатала Маринка. – Вам часто кофе в постель приносят?

– Я сама себе в постель иногда бутерброд приношу, – говорю. – Когда есть уже хочется, а вставать – еще нет. Это тоже кайф, только потом долго крошки вытряхивать приходится.

– А еще у него кошка есть, – добила нас подруга. – Красивая такая, пушистая, зеленая...

Мы с Ленкой переглянулись.

– Это точно кошка была, ты уверена? – спросила Ленка, самая среди нас язвительная. – Не человечки?

– Вы меня совсем за дуру держите? – обиделась Марина. – Что я, по-вашему, кошку от человечка не отличу? Я тоже удивилась: какой, говорю, у животного цвет необычный! А Лионид мне: ты совершенно права, дорогая, изумрудный крайне редко встречается. Сиреневый куда более распространенный...

Мы с Ленкой озадачились, конечно, но подумали, что первым делом Маришке нужно отоспаться, а там видно будет. Ленка убежала на работу, а я уложила Марину на диван и укрыла пледом.

– Ксанка, знаешь, Лионид сказал, что меня любит. И я его, кажется, тоже, – сквозь сон пробормотала она. – Он мне еще о какой-то двери толковал, только я не совсем поняла. Что скоро она закроется, и мне надо сделать выбор...

Всю следующую неделю Маринка была какая-то задумчивая, но ни о какой зеленой кошке больше не заговаривала. А в воскресенье она пропала. Ушла в клуб на свидание – и с концами. Мы всех обзвонили, хотели Лиониду позвонить, да только ни телефона его, ни фамилии не знали. Решили сходить в «13-е измерение», авось там что-нибудь о нем разведем.

Пришли, а клуба-то нашего уже нет! И вывеска новая висит: «Тренажерный зал “Пятая точка”».

Я в слезы, Ленка меня успокаивает:

– Ксюш, не плачь, найдется она, вернется!

– Что-то мне подсказывает, – говорю, – что не вернется.

Мы, конечно, в полицию заявили, да все без толку.

Но я почему-то думаю, что Маринка там, где она сейчас, счастлива.

Анастасия Милевская ОНА МОЛЧИТ

Похороны

«Моя мама была очень тихой и смиренной женщиной. Похоронив отца десять лет назад, она вела затворнический образ жизни. Мы редко созванивались, о чем я несказанно жалею. Думаю, что мама сейчас смотрит на нас с небес и улыбается. Я очень по ней скучаю. Спасибо».

На похоронах моей мамы было всего четыре человека, не считая священника. У нее не было друзей, да и с соседями она не общалась. Каждый сказал так мало, что складывалось ощущение, будто мы все собрались хоронить абсолютно незнакомого нам человека. Даже я, ее семья, читал по бумажке то, что понадергал из Интернета.

Многим может показаться, что я никудышный сын: я понятия не имел, в чем ее хоронить; не знал, какие цветы она любила; не знал, где она хочет быть похоронена; не знал, хотела ли она вообще быть похороненной. Я так много всего не знал, что от стыда не мог смотреть в глаза ни человеку, у которого заказывал цветы, ни священнику, ни грузчикам, ни даже водителю катафалка. Я сгорал от стыда. С другой стороны, я никогда не был с ней близок. Я всегда был с отцом, мы были лучшими друзьями. Я могу рассказать вам что угодно о нем. И ничего о матери. Кроме одного: большую часть времени она молчала. У нее не было никаких заболеваний или проблем с речью, она просто была молчаливой и закрытой женщиной. Почему? Отец никогда не рассказывал, а я никогда не спрашивал. Может быть, потому что с папой было легко: он всегда шутил, рассказывал удивительные истории. Его юмор и харизма поражали и не давали отвлечься от повествования даже на секунду. Все детство я провел у него на коленях, с ним на речке, в машине, в палатке, в лесу, в деревне. Везде с ним. Мама с нами не ездила. Без объяснений, просто оставалась дома.

Поминки прошли так же тихо и уныло, как и похороны. По большей части мы вспоминали отца, но как только речь заходила о маме, вдруг наступала тишина. Все хотели поскорее уйти, но всё равно сидели. Неприлично как-то. А время тянулось так медленно, что казалось, это действие не закончится никогда.

Не знаю, любила ли мама долгие застолья. Папа любил. Его теплоты хватало на всех. Гости слушали одни и те же истории снова и снова, то ли ради новых подробностей, то ли из-за его обиходящего с ног обаяния. Мама всегда сидела во главе стола около окна, и казалось, будто она где-то в другом месте. Она почти незаметно приносила еду и напитки и уносила использованную посуду. Никто не предлагал ей помощи. Не потому, что не любили, просто не замечали. В детстве мне казалось, что у нас скатерть-самобранка, с возрастом я лишь отмечал, что на столе что-то поменялось. Но мама уже сидела на своем месте и улыбалась краешками губ. Не помню, чтобы она смеялась.

Все разошлись, и я принялся убирать посуду. В квартире было так тихо, будто это не место, где когда-то жили три любящих друг друга человека, а пустая коробка. Тишина давила и даже пугала, но я понимал, что это временное явление. После смерти матери квартира переходила ко мне, как к единственному наследнику. На тот момент я жил в однокомнатной крошечной квартире на окраине города, а родители в трехкомнатной, почти в центре. И хотя мне было тяжело, я все равно решил переехать. Домыв посуду, я лег спать на папину кровать.

Дверь в мамину комнату была закрыта, и я не решился туда войти.

Мамина комната

Несмотря на то, что квартира была большой, я быстро выкинул старые и ненужные вещи. Вот только в комнату мамы никак не мог зайти. Точнее, не отдавая себе в этом отчета, все время как бы сторонился ее. Словно, если я туда зайду, меня накажут. Она располагалась напротив отцовской, и каждый раз, когда я шел в бывшую комнату отца или в туалет, я натыкался взглядом на ее дверь. Прошло немало времени, прежде чем я решился заглянуть туда.

С тяжелым сердцем, как на заклятие, я пошел к той самой двери и осторожно приоткрыл ее. Комната показалась мне слишком темной и душной, я ничего не смог толком разглядеть. То ли из-за того, что плотные шторы были задернуты, то ли потому, что я смотрел в щелку толщиной с рекламный буклет. Будто вор или нашкодивший мальчишка. Но я сделал главное: переборол страх перед дверью. Поэтому, быстро закрыв ее, я со спокойной душой пошел спать.

На следующий день я снова направился к двери маминной комнаты и, чуть толкнув ее, наконец вошел.

Там действительно было душно и пыльно. Но, что очень странно, не пусто. Разбирая вещи в комнате отца, я все время ощущал

пустоту, которую он после себя оставил. Будто все предметы вокруг были его сосудами, и когда его не стало, его не стало нигде. Нигде не осталось даже маленькой частички той доброты, жизнерадостности, любви к жизни, которые наполняли отца.

В маминской комнате все было иначе. Здесь все будто застыло, словно мама не умерла, а разлетелась по этой комнате. Словно она была в каждой книге, в каждой ручке, в каждом цветке. Только войдя туда, я впервые понял, что не знал маму. Я не мог поверить, что здесь жила моя мама: я ожидал увидеть монашескую келью с голыми стенами, а попал в мир незнакомого мне человека.

Около небольшой застеленной кровати возвышался огромный, от пола до потолка, шкаф, наполненный книгами. Старыми и новыми. Разных авторов. Шкаф был светло-бежевый, с очень красивой росписью. Напротив него стоял туалетный столик такого же цвета. На нем было много разных кремов, косметики, кисточек, карандашей и прочих женских мелочей. Зеркало украшали наклейки с цветами и птицами. На полу лежал красивый ковер с коротким ворсом с изображением каких-то цветов, очень маленьких, покрывающих всю его поверхность. Светлые обои тоже пестрели цветами, и под каждым цветком была надпись на латыни. Еще один шкаф, тоже в тон книжному, располагался ближе к окну. Его заполняли разные платья, блузки, юбки и прочая одежда. Вся она была скромной, но очень красивой. И только темный дубовый стол у противоположной от кровати стены выпадал из общего стиля. На нем лежали разноцветные шариковые ручки и чистые листы белой бумаги.

Больше всего меня поразил коллаж над кроватью. Там были фотографии – маминых родителей, мамы в молодости, свадебные, нашей семьи в разных сочетаниях и меня отдельно. Их было так много, и они были такие разные, что разбегались глаза.

Я не знал, что думать. Я никогда не видел маму с книгой; папа шутил, что мама читает только кулинарные рецепты. Но здесь была целая библиотека! Мама всегда носила одно и то же платье. Тогда зачем она хранила такое количество одежды? Я никогда не видел маму накрашенной и был уверен, что она не пользуется косметикой, но туалетный столик убеждал меня в обратном. Что я знал о женщине, которая меня родила и вырастила? Она врала всем? Не думаю. Но зачем она все это скрывала?

Внутри я почувствовал неприятную прохладу и раздражение. Но, невзирая на это, сразу уйти из маминской комнаты не смог.

Мама?

В последующие дни я подолгу находился в ее комнате, будто привыкая. Я все еще не решался до чего-либо дотрагиваться,

поэтому просто сидел на полу посередине комнаты. Днем там было особенно красиво и уютно. Росписи на кровати, шкафах и туалетном столике были сделаны вручную. Когда я учился в начальной школе, мама часто рисовала за меня. Папа говорил, что кисточкой водить – не мужское дело, и мы с ним шли в гараж. За эти рисунки меня всегда хвалили. Приходя домой, я хвастался хорошими оценками, и папа покупал мне что-нибудь. Игрушку или конфеты. Мама же просто говорила: «Молодец». В детстве я пропускал ее слова мимо ушей. Ведь что такое для ребенка «молодец» против игрушки?

И теперь, когда я в очередной раз рассматривал эту удивительной красоты роспись, мне стало стыдно. Не так, как на похоронах – как-то иначе. От этих воспоминаний я почувствовал тянущую боль. Несильную, но очень неприятную.

Чтобы прогнать это чувство, я повернул голову к окну. На подоконнике стояли фигурки собак разных пород. У нас никогда не было собаки, у папы на них была аллергия. У нас вообще не было домашних животных. Не знаю почему, но я не испытывал этой детской потребности в домашнем любимце. В книжном шкафу я видел огромную книгу про померанского шпица. Корешок был сильно потертый – очевидно, мама часто читала ее. Маленькая собачка хорошо вписалась бы в эту комнату. Почему после смерти отца мама не попросила меня купить ей щенка? А когда она вообще меня о чем-то просила? Я надолго задумался, пытаюсь выудить из памяти хотя бы один такой случай. И не смог. Либо это было что-то совсем незначительное, либо такого не было вообще.

Новый приступ тупой боли заставил меня встать на ноги. Кто она на самом деле? Почему для меня она была лишь тенью той женщины, которую я вижу сейчас? С коллажа на меня смотрела мама, которую я никогда не знал. Она широко улыбалась в объектив.

– Расскажи мне про себя. Чем ты увлекалась? Что любила? Почему никогда не показывала свою комнату?! Почему не гуляла с нами?! Почему молчала за столом?! – Мой голос срывался на крик, слезы бессилия текли по щекам. – Скажи хоть что-нибудь наконец!

Я плакал, а она смотрела на меня, улыбалась и молчала.

Разговор

После той истерики я несколько дней не заходил в мамину комнату. Мне было страшно: казалось, что своими словами я обидел маму. У меня было такое ощущение, что все там отвернется от меня, закроется.

На работе я все чаще ловил себя на мысли, что мне хочется узнать о маме побольше. Но я прекрасно понимал, что спросить уже не у кого. Ее родители умерли еще до моего рождения, отца не стало десять лет назад. Да и смог бы он что-нибудь рассказать о ней? Что мой папа знал про нее? Он сам хоть раз бывал у нее в комнате? Видел эти книги? Если да, то зачем так жестоко шутил? Вопросов становилось все больше, а ответов не было.

В воскресенье я решил загладить свою вину: открыл окно в маминой комнате, протер пыль, сменил постельное белье, пропылесосил. Я получал огромное удовольствие от понимания, что делаю то, чего никогда прежде не делал – забочусь о своей маме.

Я посмотрел на фотографии, и у меня будто что-то щелкнуло внутри. И я заговорил:

– Ты сама расписала мебель? Очень красиво! Знаешь, я никогда этого тебе не говорил, но я помню те детские рисунки. Лучше всего у тебя получались птицы, а вот с лицами людей была беда, конечно. Зря ты не сказала, что хочешь собаку, я мог бы тебе ее купить. Ты ведь хотела померанского шпица? Тебе бы понравился белый щенок? У меня есть знакомый, который их разводит. Сколько же у тебя разных книг! Марк Твен, Жюль Верн, Мигель Сервантес... Вижу, ты любила книги о приключениях. Ты когда-нибудь путешествовала? Наверное, нет. А куда бы ты хотела поехать? Знаешь, в Японии есть очень красивый парк Хитачи. Он огромный, и там растет очень много цветов! Судя по всему, они тебе нравятся.

Сначала было сложно, но потом я не мог остановиться. Я спрашивал и рассказывал. Мне не хотелось уходить. Казалось, мы и правда разговариваем, я был уверен, что она меня слышит.

Мы проговорили до самой ночи, а потом я уснул на ее кровати. От нее пахло не свежим постельным бельем и не пожилой женщиной. От нее пахло мамой.

Всё ближе

С того дня я стал все свободное время проводить в маминой комнате. Сначала я читал ее книги. Почти на каждой странице были заметки. Мы словно читали вместе, обсуждая автора, сюжет, язык. Ее комментарии были забавными, глубокомысленными, иногда резкими. Я даже завел себе отдельный блокнот, куда стал записывать самые понравившиеся высказывания.

«Какое счастье, что я не стала читать «Войну и мир», но жаль, что Бог не уберег меня от этой тяготы!» – на последней странице романа Габриэля Гарсии Маркеса «Сто лет одиночества».

«Уважаемый Гумберт, как врач хочу вам сказать, что увлекаться молоденькими девочками вредно для здоровья такого пожилого

мальчика!» – на отдельном листочке в книге Владимира Набокова «Лолита».

«Уважаемый, вам не кажется, что засунуть свою деревянную ногу в лодку и отправиться лечить своих тараканов в одиночестве было бы самым верным решением в вашей жизни?» – на 180-й странице романа Германа Мелвилла «Моби Дик».

Но вопросы все копились. Почему она предпочитала книги отцу или мне? Почему, явно обладая чувством юмора, она всегда так отстраненно слушала папины рассказы?

На самой нижней полке я нашел целую стопку ее картин. Лица людей у нее все так же плохо получались. Но пейзажи были чудесные. Все работы были очень красочные, живые, в них было столько жизни и любви, что мне снова стало стыдно. Я вспомнил те рисунки, за которые меня хвалили в школе. Меня ставили в пример другим детям, отправляли работы на конкурсы. Но они были не мои, а я ей даже «спасибо» не сказал.

– Знаешь, а давай повесим эти картины в зале, ты не против? Я завтра куплю рамки и повешу! Они не должны тут пылиться, поверь мне!

В тот вечер я долго примерял, куда повесить какую картину, как их скомпоновать. Перекладывая их с места на место, я старался не думать, что теперь это мой единственный способ сделать ее чуточку счастливее и стать с ней хоть немного ближе.

Дневники

Картин оказалось столько, что я смог развесить их по всей квартире. Многие из них выглядели как окна в летний сад, а некоторые начали играть новыми красками на закате. Почему-то мне показалось, что в квартире стало как-то теплее и уютнее. Я не выкинул ни одной картины, у меня бы рука не поднялась.

Каждый вечер я обязательно заглядывал в мамину комнату, иногда даже ложился там спать. Впервые за всю свою жизнь я почувствовал мамину теплоту, которая обволакивала меня и придавала сил. На самом деле она была всегда, но я раньше не замечал ее. На вопрос, какая сейчас температура в квартире, большинство ответит: «Ну, комнатная». Или: «Не знаю, но мне комфортно». Так и с человеческой теплотой, особенно родительской. Мама любила, оберегала, согревала меня всю жизнь, но я не обращал на это внимания, потому что рядом был отец, который обжигал своей любовью, он перетягивал на себя одеяло, а мама не противилась этому. Не потому что ей было все равно, а потому что она понимала, что не может дать растущему мужчине то, что может дать отец. Я спрашивал себя снова и снова: а как бы я поступил на ее месте? И каждый раз приходил к выводу,

что она, несмотря на свою безмерную любовь ко мне, ставила на первое место мое будущее, а не свои эгоистичные желания держать своего ребенка около себя как можно дольше. Мне не стало стыдно за то, что я так много времени проводил с отцом – наоборот, я почувствовал неизмеримую благодарность к маме.

Полностью разобравшись с книжный шкафом, я принялся за темный дубовый стол. В нем был всего один ящик, Я ожидал увидеть там краски или кисточки, но обнаружил тетради. Их было много, штук девять или десять. Некоторые были новые, другие почти разваливались в руках. Моя мама была медсестрой, и никогда не преподавала, и не занималась репетиторством. Тогда зачем ей они?

Что-то не давало мне начать читать, будто я прикоснулся к чему-то очень личному и хрупкому, и любое неверное движение может разбить это на тысячи осколков.

– Ты не против? – спросил я у фотографии мамы, указывая на тетради.

Мне показалось, что она была не против, и я решил начать с самой старой по виду тетради. Страницы ее были исписаны красивым и аккуратным почерком, несмотря на то, что это писал медик. Прочитав несколько страниц, я осел на пол. Это был дневник.

Заканчивая читать одну тетрадь, я сразу брался за другую. Я боялся отвлечься – казалось, мне дали это на один раз и больше не покажут. Жизнь моей мамы вставала у меня перед глазами. Я плакал, смеялся, съезживался от боли, одобрительно хихикал, злился, умилялся, восхищался. В моих ладонях будто вновь оживала эта удивительная женщина – она была умная, веселая, иногда очень печальная, а иногда даже агрессивная, но все это вместе делало ее совершенно необыкновенной. В какой-то момент я даже захотел зайти в папину комнату и сказать: «Ты, старый болван, знал, что у нее аллергия на розы? Зачем ты ей их дарил все время? Неужели не видел?!» – но потом вспомнил, что и сам этого не знал, да и сказать уже некому.

Когда дневники кончились, а с ними и мои внутренние силы, я оперся руками о кровать и посмотрел на ставшую любимой фотографию.

– Я сделаю так, как ты хотела, я все сделаю, только вернись, пожалуйста. Хотя бы на час, на полчаса. У нас с тобой совсем не было времени. Я люблю тебя, и всегда любил. Я хочу, чтобы ты это знала. Позволь мне сделать тебя счастливой. Дай мне хоть немного времени.

Тогда, стоя на коленях, как перед иконой, я почувствовал, что меня укачивают ее руки, услышал ее ровное дыхание, почувствовал запах духов...

Впервые за долгое время я провалился в глубокий и спокойный сон.

Похороны

Через несколько недель после прочтения маминых дневников я настоял на перезахоронении. Оказалось, что у нее было место рядом с бабушкой и дедушкой на старом кладбище. У оградки росло большое дерево, которое своими ветвями защищало могилы от солнца, дождя и снега.

На этот раз на похоронах был только я. И на этот раз мне было что сказать.

– Ты научила меня, наверное, самому важному в жизни. Папа научил ловить рыбу, ставить палатку и разводить костер. Для маленького мальчика это были очень нужные знания. Но сейчас мне не девять лет, и для меня намного важнее твои уроки. Ты научила меня, что любить можно без слов, согреть своим теплом можно без объятий. Когда по-настоящему любишь кого-то, то думаешь, в первую очередь, о его счастье, а не о своем. И такая любовь не приносит боли. Боль приносит эгоизм, а любовь приносит тепло и силы. Ты научила меня любить, мама. Пускай только сейчас, но я это понял. Я молодец, да?

Скамейку и столик я поставил позже, а еще позже посадил мышинный гиацинт. У своего знакомого я купил двух померанских шпицев, с которыми приезжаю на кладбище. Мамин памятник я тоже поменял. Теперь это белое надгробие с взлетающей птицей.

«Самой удивительной женщине, которая когда-либо жила.

Теперь ты можешь лететь».

Сергей Гостов
САМОСТЬ

Ну просто ангельские глазки! Яркие, двойные, так хищно смотрят. А оскаленный бампер будто рычит: «Не подходи, хуже будет!» Словно только и ждет команды хозяина, чтобы загрызть, разорвать. Хотя хуже было и некуда – руль я вывернуть уже не успевал.

В миллиметре от этого света мои волосы зашевелились. Я слишком поздно его заметил. Единственное, что я смог сделать в кисельном омуте времени – закрыть глаза. А то эти голубые фары так сильно слепят!

Опущенные веки не помогли убавить яркость. Может, уже всё? Прошло секунд пять, а вокруг так тихо... Фуууух. Три, два, один...

Открыл глаза. Не понял. Закрыл. Помотал головой. Открыл. Не понял. Во дела...

Дверь. Передо мной находилась дверь.

Это была необычная дверь. Я не смог объять взглядом ее высоту или даже ширину. Повсюду из нее торчали нитки, клочки бумаги, какие-то механизмы... Вон и отмычка поломанная, и дырочки, из которых сочился алый свет. Миллион разных мелочей вплелись в эту огромную дверь. Казалось, что она везде.

Кстати, а что такое это «везде»?

Только сейчас я понял, что рядом кто-то разговаривает. Осторожно повернул голову влево и вправо... Закрыл глаза, потряс головой... Открыл, вновь огляделся...

Что тут происходит?

– Ну долго он еще будет в себя приходить? У меня дела, вообще-то, есть. А вдруг кто из других жильцов очнется, что делать прикажешь? Разорваться? А у меня от этого дела аллергия, ты же знаешь! А если...

Вихреподобная неведомая сущность слева от меня грозно, судя по всему, трясла рукой с зажатым в ней блокнотом. Рука была человеческой, ни к чему не крепилась и, казалось, медленно растворялась и одновременно проявлялась.

– Ты как обычно, П, лишь бы языком почесать или что там у тебя вместо? Дай пареньку отдышаться, он тут первый раз за сегодня.

Субстанция справа больше напоминала одутловатое пятно в глазу, когда поймаешь солнечного зайчика. Вроде бы вспыхнуло что-то красивое, а видишь только темноту. Разглядеть получше не

удавалось, взгляд будто все время соскальзывал с его оболочки. Только полувидимый мазок на периферийке и держался.

– Это ты, Б, совсем не жалеешь нашего времени! А вдруг он пустой, а вдруг побежит щас куда, а...

Он замолчал. Я тоже перестал хлопать глазами и уставился на надпись, сделанную предательски знакомым почерком.

Не понял.

В плечо меня что-то толкнуло. Я заметил ручку в ладони этого П. Он перестал так сильно кружиться и теперь ходил на дрожащий воздух над асфальтом в жаркий день. Только с рукой, высывающейся из пустоты.

Не до конца понимая, что делаю, я взял ручку и начал вчитываться. Передо мной висел на двери лист бумаги в клеточку, приклеенный к кафелю синей изолентой. На нем почерком Ангелины из 9-го «В» было написано «Всё, что ни делается». Сквозь этот кафель пробивался тот же алый свет, что и из соседних дырочек в двери.

– А что там? – спросил я.

– Вскрытие покажет, пиши, давай, – ответил мне справа густой оттиск на сетчатке.

Я попытался бросить на него взгляд, но он мгновенно переместился в левую часть глаза. Вот зараза!

Спокойно, будто делал это каждый день, я поднес ручку к листку и дописал: «всё к лучшему». Любимая фраза Гели. Надо же, пригодилась. И почему только я это запомнил?

С потусторонним всасывающим звуком записка улетела куда-то вглубь двери. Меня мгновенно ослепил свет из образовавшегося отверстия. Медленно и величественно подъехали поближе остальные дырки и образовали проход, куда с трудом, но все же смог бы влезть человек.

– Ты только посмотри на него! Ай-нанэ, парняга в ударе, дай пять!

За моей спиной раздался хлопок. Тут же навалилась паника, ноги инстинктивно побежали, меня охватил животный ужас.

Потом приступ так же резко закончился, и я понял, что стою на месте. Даже при повороте головы дверь продолжала находиться перед лицом. Вот почему я не мог нормально рассмотреть этих двоих – я был словно прибит к ней взглядом.

Медленно склонил голову набок. Яркая дыра не шевелилась, а дверь начало корезить – стали видны внутренности, замки, шестеренки. Это было похоже на череп, который медленно вращается, а ты через его глазницы смотришь на неподвижный серый мозг, целый, но почему-то в разрезе.

Мне больновато прилетело по затылку.

– А ну перестань, не ломай мне тут! Только-только восприятие для людей настроили. А ну верни, как было!

Я выпрямил голову. Металлические корни опоясали все искорёженные места, и дверь приобрела свой прежний вид, только дыра в центре осталась.

– Мой тебе совет. – Появилось ощущение, будто о мою ногу потерлась кошка. Я посмотрел вниз, но никого не заметил. – Прыгай туда, ради этого здесь всё.

Я попытался увидеть хоть что-то справа, но слева меня зате-ребила эта рука, уже с голубым маникюром и знакомым запахом ежевики. Так пахло мамино прикосновение.

– Не слушай его! Б всегда фигню городит, кто из нас еще торопыга, ха! А, и на руку не обращай внимания, я даже не знаю, что ты там видишь. – Рука неуклюже почесала саму себя. – Так, у тебя есть право на три вопроса и выбор. Подсказок нет, помощь зала опциональная, по желанию зала. Время ограничено – поехали.

Оглядевшись и схлопотав головокружение от пришитой к глазам двери, я задумался. Да я же вообще ничего не понимаю, о чем же тогда спрашивать?

– Кто вы? – Я не успел себя одернуть, и первый вопрос вылетел.

Глупый ход.

– Ну вот, опять: рот есть форточка для мысли. Ничего оригинального. Как же вы все меня...

– Я тебе отвечу, – перебил П кляксообразный Б. – Мы стражи этих... ворот. Нынче они выглядят так. Занимаемся дешифровкой этой махины, а также пропускаем людей на ту сторону. Если, конечно, ворота не против.

Вовремя прикусив язык, я сэкономил вопрос. Надо формулировать лучше.

– Почему передо мной появилась эта дыра?

Слева уважительно хмыкнули, рука пошевелила пальчиками и красивым жестом раскрыла ладонь. Над ней появился список. Я перечитал его раз пятнадцать, тут же забывая, что там написано.

– Ха-ха, можешь не пытаться, тут не запомнишь. В общем, смотри: если коротко, ты за эту жизнь что-то постиг. Не что-то великое, хотя бывает и такое, но что-то Твое, что-то Правильное для тебя. Как-то это запомнил и ввел здесь, предложение вот дописал. – Неведомая сущность в виде маленького урагана и женской руки (или мужской, снова стало непонятно) внезапно зачмокала, будто подыскивая слова.

Чмокать без головы – это постараться надо.

– Так, не тормози, – вмешался Б. – У каждого человека за жизнь набирается список задач, которые надо выполнить. Что-то он с

самого детства чувствует, что-то делает будто случайно. А чаще всего – проходит мимо Своего. Слово, действие, нужный человек, место – всё проносится где-то там, мимо него. Так и погибает человек, ничего не поняв и не сделав правильного. А ты что-то смог в своей жизни, наши поздравления. Плюс твое открытие замка совпало с десятком открытий прошлых посетителей, так что ты получил проход Туда. Ну и заработал возможность уйти отсюда по своей воле.

Новости, конечно. Вот так покатался на машине. Теперь вдруг надо что-то выбирать. А из чего? А для чего? И вопрос всего один остался.

– Да, отвечу сразу: это место что-то вроде Лимба, Чикай Бардо – или во что ты там веришь – это всё оно. «На бесконечности сон и явь пересекаются», слышал же? Все, кто умер или уже в процессе, оказываются здесь.

Еще новости. Хотя... Я умер, это вроде и так понятно. Непонятно только вот что... Последняя попытка на грамотный формулеж, и...

– Какие выборы у меня сейчас есть, в этом месте? Что я вообще могу сделать?

Насколько я мог судить о смазанных образах по краям зрения, мои собеседники переглянулись.

– Метко завернул, не увильнешь. – Пятно справа как будто неловко заерзало.

– Ты можешь остаться здесь, влиться в любого из нас, жить вне и внутри, – сказали сущности хором.

– Ты можешь переписать свою судьбу, переродиться в того, кем всегда хотел быть, – прошептал мне П слева. – Любой век, любая судьба, всё, как сам захочешь, как сам запишешь, всё твое – бери.

– Ты можешь пойти дальше, – прогромыхали слова Б справа. – Прыгни в проем, отдайся неизвестному, это наше продолжение, это цель, это суть, это смысл.

Внутренности резанула аморфная грусть. Повисла тишина. Только алый свет из дыры впереди, если это можно как-то выразить, по-своему звучал. Полувибрациями, почувствами, полужизнью.

Не хочу полу, хочу полностью.

Это не было озарением, воспоминанием или каким-то появившимся опытом. Я просто почувствовал, что есть еще выбор.

– А я ведь могу вернуться к моменту смерти и избежать ее, да?

Существа снова переглянулись, и я засмеялся. Я вдруг всё понял.

Дверь уже не прибита к моим глазам, она вообще исчезла – я вижу, что здесь никого и ничего больше нет. Я все это время разговаривал сам с собой.

Я всеобъем, я суть себя, я – это мир.

Слева – яркая пульсирующая масса зовет к себе, чтобы переродиться в новое, неизвестное.

Справа – поглощающее свет нечто, страшное, но величественное, нужна смелость, чтоб пройти насквозь.

Впереди – я даже всматриваться не стал, стопроцентно еще какая-нибудь фигня.

Улыбнувшись, я захотел. И с диким восторгом сделал крутое заднее сальто, как в детстве с края бассейна. И оказался прямо перед ангельскими глазками этой BMW. Резко вывернув руль и погасив занос, я выдохнул. Оказывается, я все это время не дышал.

Все это время? О чем это я? Ведь прошло не больше секунды, как я увидел, что мы вот-вот врежемся друг в друга. Еле увернулся. Вот он урод! Такую машину мог бы помять.

Смотрю в заднее зеркало и вижу уменьшающиеся огоньки. Хрен с тобой, урод, живи.

Как утверждают, перед глазами должна была пронестись вся жизнь. Усиленно пытаюсь выцарапать из памяти хоть что-то. Хоть моментик. Хоть кадр! Пусто. Ладно, значит не так уж и близок я был к кончине. С легким, но еще колотящимся сердцем я нажимаю на педаль. Едем дальше, чо.

Александр Голиков МОЗГ РИНГА

– Вот оно! – Профессор Лапушкин, толстощекий, розовый и лысый, размахивал лапами белого халата, как птица крыльями. – Вот они, невероятные фантазии Александра Романовича Беляева, одного из лучших фантастов двадцатого века. Вот вам и «Голова профессора Доуэля», и «Хойти-Тойти», в общем и целом, вот вам живой человеческий мозг без тела!

Лапушкин театрально откинул белую простыню. За ней располагались вроде бы обычный плоский монитор компьютера и клавиатура. Чуть в стороне от монитора находилось нечто, закрытое темной тканью. Судя по очертанию, это было что-то куполообразное. Оно стояло на кубической подставке, бывшей, видимо, каким-то замеряющим прибором, если судить по его шкалам и нервно загорающимся лампочкам. От замеряющего прибора отходили разноцветные провода, перехваченные пластмассовой скрепкой. Провода соединяли и куб, и монитор, и клавиатуру. Еще дальше, фоном, стоял колоссальный ящик, состоящий из нескольких секций, тоже ощерившихся шкалами амперметров и вольтметров. Слева, на столе, рядом, точно муж и жена, располагались круглая печь на триста градусов и маленький переносной холодильник, в котором обычно носили бутылки с пивом. Аспирант Головастик, тощий и чернявый, понимающе кивнул и облизнулся.

– У тебя вечно одно пиво на уме! – Петр Сергеевич отвесил Головастику подзатыльник. – Ах, Даня, Даня... Насколько он был лучше тебя!

Профессор Лапушкин приблизился к куполу за черной тканью. Как только он наклонил голову, словно хотел подглядывать в за-мочную скважину, в ткани появилось отверстие, и оттуда с легким щелчком выехал фотообъектив или некий прибор, внешне очень на фотообъектив похожий.

– Смотри! – трагически возвестил Лапушкин.

Аспирант Головастик почесал за ухом и наклонился к линзе.

– Мать моя! – отшатнулся он. – Да там мозги! Прямо как в фильмах ужасов! Сероватые такие... Беловатые... Ужас!

Лапушкин подошел к монитору и включил его. Затем при помощи клавиатуры открыл какую-то папку и принялся быстро печатать.

– Он считает тебя, Даня, персонажем из фильма ужасов! – возвестил профессор, тут же напечатав эту фразу.

Головастик с удивлением уставился на экран. Там, точно по волшебству, невидимой рукой печатался ответ.

«Вот как? – говорил неведомый респондент. – В таком случае, он тоже из фильма ужасов. Я видел только его глаз сквозь линзу. Огромный человеческий глаз. Это будет страшнее мозга!»

– К сожалению, он может видеть окружающий мир только через это узенькое окошечко! – сокрушенно сказал Лапушкин Головастику. – Нет, я горд, я сатанински горд! Профессор Вагнер, гениальная фантазия Беляева, не смог сделать со своим Рингом то, что я сделал с Даней! А, Ринг? Ты самое уникальное существо на планете Земля! Быть может, такого больше никогда не случится, а если случится, то ты навек обеспечил себе первенство. Так, Ринг?

«Не называйте меня Рингом, сколько можно просить? – появился текст на экране. – Меня зовут Даниил. Или звали... Во всяком случае, имя Ринг мне не нравится... Даже если я и потерял право называться Даниилом».

– Данил... – пробормотал Головастик. – Да это же ваш бывший аспирант! Тот, что погиб в автокатастрофе! Говорят, руль так вошел в тело, что раскроил его напополам. Я не видел... Вернее, я в сети фотки видел. Разбитой машины фотки. И крови лужи... Черная такая кровь, вовсе даже и не красная.

– Это он и есть! – возбужденно зажегистукировал Лапушкин. – Пойми, его тело мертво, а мозг все еще жив! Он соединен с компьютером, может видеть и слышать! Представляешь? Живой мозг с мозгом электронным!

– Да ну?

– Нуда! – передразнил своего помощника профессор. – Наука, батенька, творит такие чудеса, которые Христу и не снились! Вот как! Лазарь! Лазарь, ты меня слышишь? Восстань!

Профессор все свои фразы набивал на компьютере, даже те, которые были обращены к Головастику, плюс его ответы. Аспирант только хмурился.

– Эй, вы говорили, что он нас слышит. – Головастик выпятил нижнюю губу. – А чего вы тогда всё печатаете: и что вы говорите, и что я говорю?

– Для истории! – объяснил Лапушкин. – Ну и, конечно, я немного преувеличил. Мой Ринг может общаться только через текст компьютера. Вот так. В некотором смысле, он нас слышит. В переносном, понимаешь, смысле. Так, Ринг?

Пальцы профессора летали над клавиатурой со скоростью профессиональной машинистки.

«Не называйте меня Рингом!!! Вы как будто не слышите меня! Кто из нас двоих глух?»

– Обижается! – восхитился Лапушкин. – Представляешь, Головастик? Обижается! Мозг без тела! Без сердца и нервов, а обижается! Каково, а? Нет, это больше, чем Нобелевская премия, это невиданный прорыв, грезы, которые вдруг стали явью!

После того как на мониторе появилось «явью», с новой строки пошел ответ.

«Может быть, все это всего лишь сон, – говорил погибший аспирант Даниил. – Всего лишь сон после жизни. Тьма... Небытие... Тьма, где нет ни одного зрительного и слухового образа. Где нет чувств и ощущений... И только это дурацкое окошко в мир... Мир, которому я больше не принадлежу...»

– Какая патетика! – завертелся Лапушкин. – Нет, это почти поэзия! Даня, ты при жизни не был поэтом! Ну, Артем, что же ты молчишь?

– А? – ожил Головастик. – А я должен что-то говорить, Петр Сергеевич? Я чего-то... Ну, мозг. Ну, говорящий. Так в фильмах еще и не такое показывают!

– Идиёт! – постучал себя по лбу Лапушкин. – То в фильмах. Там комбинированные съемки и компьютерные спецэффекты. А здесь всё по-настоящему. Натурально.

– Натурально! – Головастик пожевал губами. – Ну, и чего? Я еще и не такое видал! Чего так уж удивляться-то? Если вы довольны, Петр Сергеевич, то и я доволен. Ну, хорошо, если вам за эту штуку денег дадут. Много денег. Машину себя купите. А если так... Если так, тогда зачем оно нужно?

– Больван! – Профессор Лапушкин покраснел. – Больван! Что ты несешь? Ты же ничего не понимаешь!

– А чего тут понимать-то? – даже обиделся Головастик. – Вон, в «Семейке Аддамс» рука есть живая. Бегаёт. На пальцах бегаёт, представляете? Вот приколы!

– Дурак! Больван! Идиёт! – коверкал бранные слова профессор Лапушкин. – Ты... Да ты ничего не понимаешь! Швабру в руки, и давай мыть пол!

– Швабру в руки... – ворчал вполголоса Головастик, доставая требуемый предмет из угла. – Швабру в руки... Или за пивом гоняет... Так уж лучше за пивом, за сигаретами этому гению ходить, чем его умствования выслушивать. Как завернет... И чего неймет-ся? Сидит в этом паршивом институте, за гроши работает! Надо бы в Штаты податься, а он из себя патриота корчит! – Головастик старательно тер пол и продолжал ворчать, как старая бабка.

– Ты чего там бормочешь, идиёт? – Профессор, сев за стол, что-то быстро писал в тетради с красной обложкой.

– «Ать-два» говорю, – огрызнулся Головастик. – Чтобы лучше работалось...

– Ать? – Профессор продолжал строчить. – Так... Температура, влажность, электроемкость среды... Как там она рассчитывается? Нью лямбда аш в квадрате или ню квадрат? Совсем старый стал, забываю! – Он полез в ящик стола, достал оттуда справочник и обернулся к ассистенту. – Так, Головастик! Теперь ты будешь ухаживать за Рингом. Не волнуйся, ничего эдакого я тебя делать не заставлю. Просто будешь проверять показания приборов. Я тут тебе инструкцию набросал, для твоих мозгов. Все так просто, что проще и некуда. Почитаешь. Ты меня понял?

– Не буду я за говорящими мозгами ухаживать! – восстал Головастик. – Да и приборы дорогие. Чего-то сломается, а мне отвечать? Не-е, так дело не пойдет! Совсем аспирантов заездили, Петр Сергеевич! Я вам тут в рабы не нанимался!

– Да ты что несешь? – округлил глаза Лапушкин. – Тебе оказывается высокое доверие, ты приобщаешься к истории! Да ты... ты соприкасаешься с величайшим в мире открытием! И он еще ломается, как девочка! Никаких возражений! Никаких, ты понял меня?

– Ладно! – Головастик вздохнул так тяжело, как будто у него разрывалось сердце.

На самом деле уход за говорящим мозгом был сущей ерундой. Нужно было снимать показания термометра, на котором профессор красным маркером сделал риску нормы. И смотреть еще на две шкалы, где та же твердая рука Лапушкина начертала метки. Если показатели отходили от нормы на три деления, причем неважно, в какую сторону, Головастик должен был нажимать специальную кнопку. Тогда куб под мозгом гудел, и стрелки возвращались к нужным рискам.

Что ни говори, а человек существо любопытное. Однажды Головастик подглядел, какую папку открывает профессор и, когда старика не было в лаборатории, включил компьютер и взялся за общение с «Даней», «Рингом», «Лазарем»: профессор называл свое чудо всеми этими именами под настроение.

«Привет!» – тяжело найдя буквы, выписал Головастик.

«Ты, должно быть, новый аспирант?» – Строка ответа появилась почти молниеносно, без орфографических ошибок.

«Как ты дагадался?»

«Кроме тебя и старика, никто больше на меня не пялился, – ответил мозг. – У меня так мало визуальной информации, что я очень тщательно запоминаю всё, что видел. Я вижу отличия твоего глаза от глаза старика. Некоторое время назад он показал меня тебе. Значит, решил, что ты будешь помогать ему. Ну, а то, что ты рано или поздно задумаешь что-нибудь спросить у

меня, это почти азбучно. Любопытство – одна из самых сильных человеческих страстей».

«Ты больно умный!»

«А ты придурковат и пишешь с ошибками! – отбрил Головастика мозг. – Какого черта старик взял тебя к себе? Ты вообще кто?»

«А ты кто?»

«Меня зовут Даниил Ганицкий, – представился мозг. – Наверное, нужно сказать, звали. Я был ассистентом профессора Лапушкина».

«Теперь я ассистент!» – не без гордости написал Головастик.

«По логике вещей, ты следующий на мое место!» – иронично отозвался мозг.

«Не понял!»

«Я был ассистентом у старика, теперь я – мозг без тела, – отпечатал тот, кто назвался Даниилом. – Теперь ты ассистент старика, значит...»

«Не понял!»

«Ладно, проехали! Зачем ты меня побеспокоил?»

«Я хачу спросить, – старательно вывел Головастик, – как это – быть мозгом без тела».

«Фигово! – выдал мозг. – Это если коротко».

«А если длинно?»

«Если длинно... – Мозг задержался с ответом. – Тебе когда-нибудь снятся кошмары?»

«Бывает, – признался Головастик. – Всякая чушь. Ну, там, зубной врач, например. Я от него бегу, как от чумы».

«Если бы я мог смеяться, ты бы меня насмешил. Тебе никогда не снился сон, в котором тебя хоронят заживо?»

«Нет».

«Тяжелый случай. Как бы тебе объяснить... Хотя ты все равно не поймешь».

«Ты чево, самый умный, да?»

«Самый умный, – отрезал мозг. – Вот возьму и отключу питание. Погибну. А старик тебе голову намылит. Еще и в тюрьму упечет».

– Не надо! – возопил мигом вспотевший Головастик. А потом вспомнил, что это нужно написать.

«Тогда не стоит меня провоцировать», – подвел черту мозг.

«Как это? – набрал Головастик. – Ну, то есть, что ты чувствуешь? Ничего?»

«Попытаюсь передать тебе мои ощущения. – Строки стали появляться вдвое быстрее обычного. – Вот представь себя связанным. Ты не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Не можешь. Темно. Душно. Со всех сторон на тебя давят какие-то

стены. Ты в ловушке. И рот у тебя заткнут, и уши. И глаза, ко всему прочему, завязаны».

«Мрак! И ты так себя чувствуешь?»

«Если попроще, то да. Только у меня, на беду, нет ни рук, ни ног, ни глаз, ни ушей. Первое время старик со мной общался чем-то вроде азбуки Морзе, только при помощи надавливаний. Но ответить ему я не мог. Он лишь по активности волн понимал, что я как-то реагирую. Потом он придумал соединить меня с этой броней. Так что я вроде как должен быть ему благодарен. У меня есть маленький глаз, я могу говорить, общаться. Низкий поклон старику!»

«Ты живой! – вывел Головастик, облизывая верхнюю губу. – Ну, ты это... Шутишь».

«Я не знаю, живой я или нет. Я не знаю, имею ли я право называться Даниилом, ведь я только часть его. Если я расставляю восклицательные знаки, то это ничего не значит. Компьютер тоже может вставлять смайлики. Тебе моя речь кажется ироничной? Что делать, когда утрачиваются все органы чувств, и в печатной речи постараться передать те тени и нюансы отношения к реальному миру, которые в тебе остались. Ты слышал, что у слепых необычайно обостряется слух и осязание? А у меня только и есть, что печатное слово. Только это. В нем весь я».

«Тебе что-нибудь нужно? – проявил участие Головастик. – Может быть, фильм?»

«Фильм? Фильм... Почему бы и нет? Ведь у меня есть глаз. Действительно, почему бы и нет? Только старик запретит. Он боится, что на меня упадет какая-нибудь пылинка, и я кончусь. Ты ему ничего не говори».

«Не скажу».

С этого момента у Головастика и мозга появилась своя маленькая тайна. Артем был человек незатейливый, потому тащил примитивные американские комедии и боевики. Один раз даже порнофильм притаранил.

«Не надо, – отказался мозг. – Не трави душу».

Просмотр осуществлялся с помощью старенького четырнадцатидюймового монитора, довольно громоздкого и неуклюжего, и еще одного компьютера. Когда профессор Лапушкин поинтересовался, к чему эта рухлядь, Головастик с той простотой, которая хуже воровства, ответил, что ведь необходимо иметь дополнительный компьютер на какой-нибудь кризис. Лапушкин был поражен этим простым доводом и дал свое соизволение.

«Скажи, чем тебя привлекают эти дурацкие фильмы? – спросил мозг у Головастика. – Ты не подумай, я тебе очень благодарен,

это мне нравится, но столь убогие и предсказуемые творения слишком просты для меня».

«Ну, они смешные, – написал Головастик. Общение с мозгом благотворно влияло на его грамотность. – Там бум-бам – и все мертвые. Круто! А комедии... Нет, ну смешно, когда кто-нибудь пернет!»

«Ты будешь удивлен, но меня это не смешит!»

«А тебя ничего не должно смешить. Ты же мозг! Я тебе принесу какой-нибудь сильно умный документальный фильм. Вот радости-то будет!»

«Радости? – вяло отозвался мозг. – Да, конечно, радость! Неси. Что-нибудь про динозавров, кометы или древние цивилизации».

Головастик расстарался для своего нового приятеля. Он раздобыл фильм, где большие ученые с помощью сложнейших физико-химических формул рассуждали о строении Вселенной и доказывали, что существует не одна Вселенная, а много.

«Фу-у! – отписался мозг после киносеанса. – Это даже для меня слишком круто. Муть какая-то. Слушай, а ты, оказывается, вовсе не такой дурак! Вот ведь как меня поддел: теперь-то я знаю, какво тебе смотреть всякие многомудрые творения. Знаешь, самые большие мудрецы – это дураки».

«Почему?» – напечатал Головастик.

«Потому что они всегда всё обо всем знают, – пояснил мозг. – У них нет неотвеченных вопросов. Чем больше человек узнаёт, тем больше перед ним открывается. Тем, в конце концов, большим дурнем он себя чувствует. Вот я столько всего изучил, открыл это и это, экспериментировал над этим и над этим, а теперь я еще дальше от цели, чем когда впервые открыл книгу. Так что ты мудрец, Головастик! Прошу тебя, не читай книг, не становись умнее. Счастливым себя в наше время может ощущать только полный дурак. Ты, как я понял, уже не очень-то дурак, раз ухитрился донести до меня эти мысли».

«Ни фиги не понял! Ну, до меня доперло, что ты ни фиги в фильме не понял. Вот. А это... Чего ты хочешь сказать, что учиться нечему вовсе ненадо?»

«Посмотри, до чего довело меня учение проклятое. Видишь, я кусок мяса, просто кусок мяса, без рук и ног, без головы даже. Я хуже марионетки, у нее, по крайней мере, есть руки и ноги. А всему виной учение, будь оно трижды неладно! Не учись, Головастик! Учение – это лишние нервы. Тупо работать спокойнее. А учение, боже мой, да еще у нас в стране, с этим диким, совковым еще пренебрежением к школьнику, студенту. Школяр, равно как и студент – это твари бесправные, на которых ездят все, кому не лень. Это духи бесплотные, и на каждого находится по сотне дедов,

чтобы ими командовать. Ты знаешь, как у нас подают предметы. Каждый преподаватель душу норовит вынуть, ему до фонаря, что таких болванов у студента еще множество, имя им легион. Мне, дескать, наплевать, а то и мой предмет в данном учебном заведении считается второ-, а то и третьестепенным. Учите, учите и еще раз учите. Не учите, так хоть шпаргалки пишите. Но чтобы знали мой предмет. Скажи, пожалуйста, зачем фармацевту курс лекций по архитектуре, а химику – основы социологии? Зачем? А ведь так повсеместно. Конечно, я не беру какие-нибудь халявные вузы, где надо, так и быть, дойти до института перед новым годом, чтобы получить за всё зачеты. А чего, деньги проплачены, живи, радуйся, с девчонками гуляй. Нет, я говорю о тех университетах, где за оценку надо поработать. И вот давят эти горе-преподаватели, давят, давят, давят. Их не интересует, что у тебя вообще и как. Померла бабушка? Так это не причина пропускать мои семинары, молодой человек. Ты знаешь знаменитую байку о том, как абитуриент опоздал на пять минут на вступительный экзамен по русскому языку? Мадам из приемной комиссии сказала, что ничем не может помочь, что экзамен – дело серьезное, что все билеты, как говорится, проданы, остатки спрятаны в сейф под замок. Приходите на следующий год. Парень в ауте: «Как – на следующий год? Меня же в армию заберут!» А она ему: «Приходите после армии».

«Бюракраты!» – ответил одним словом Головастик.

«Во, точно, бюрократы! – выписал слово правильно мозг. – Вот отсюда нервные перенапряжения, срывы, депрессии, вегетососудистые расстройства. Ну, конечно, по телевизору разные дяденьки в костюмах много говорят о том, сколько у нас в стране делается для студентов. Вот им и психологи, и ярмарки вакансий, нянчатся просто, как с малыши детками. Всё туфта. Университет прикреплен к обычной районной поликлинике. Этим плевать. «На что жалуешься, девочка? Живот болит? Смотри, какая ты толстая, как беременная. Нельзя так себя запускать. А живот у тебя болит от горла. Ты простудилась, иди домой, ножки в горячей воде поддержи. А, что говоришь? Ты беременна? Да как ты смеешь, мерзавка, с доктором спорить! Я сказала, что у тебя простуда, пошла вон, дрянь такая!» От нервных расстройств начинаются сердечные сбои и прочие неприятности. Не учись, Головастик! В нашей бестолковой стране дураков лучше быть классом-гегемоном. Простой работяга имеет втрое больше, чем доктор наук. Нет, конечно, мне доводилось разгружать машины, труд адский, в глазах темно становится, падаешь на траву, еле дышишь. Но все-таки...»

«Чего-то ты какой-то смурной. Это от кинишки, так? Вот правильно я комедии до этого таскал. Бени Хилы разные, мистеры

Бины, все кривляются. А тут вон как развезло. Как будто мы с тобой дерябнули».

«Дерябнули? Черт, подзабываю лексикон. В смысле, пропустили по рюмочке? Может быть. Для меня общение с тобой – это единственная отдушина. Старика я ненавижу. Жалкий, злобный, подлый старичишка!»

«За что ты ненавидишь профессора Лапушкина?»

«За то, во что меня этот старый негодяй превратил!!! Мне не нравится быть мозгом без тела! Я не хочу!»

«Чего-то ты разволновался! – испугался Головастик. – Я пойду, пожалуй. Ты это, успокойся. Поспи там, еще чего. А то мне старик голову намылит».

«Да, ты счастливый человек, Головастик! – написал мозг при следующей встрече. – Только утерев нечто, можно понять, как ты был счастлив, этим обладая. Ты вот, поди, ковыряешь в носу и не думаешь, какое это счастье – обладать руками. Если бы у меня были руки! Я бы долго-долго смотрел на них, любовался линиями на ладонях, причудливыми узорами на пальцах. Сколько вещей можно перетрогать этими чудесными пальцами! А какое счастье иметь ноги! Идти туда, куда ты захочешь, бегать, прыгать, приседать. Приседать... Люди просто неблагодарные свиньи, коли, имея столько преимуществ, чем-то недовольны. Как же это здорово – видеть разные места, общаться друг с другом. Я бы расцеловал последнего убийцу в мире, будь у меня губы. Но, конечно, не старика. Тебе меня не понять, Головастик. Ты даже в кошмарном сне не можешь себе представить, что значит сидеть в этом темном гробу. Для меня весь нормальный мир – другая Вселенная. И смотрю я на нее из преисподней. Для меня ваш мир – рай. Тебе не понять, как это: не иметь возможность встать утром с кровати, почистить зубы, выйти куда-нибудь. Причесать волосы... У меня были хорошие волосы, девчонкам нравились. Как мне хочется ощутить под своими пальцами волосы! Но у меня нет ни пальцев, ни волос. Пойти на работу, разговаривать с коллегами, сплетничать, интриговать... Боже, какая, оказывается, у людей богатая жизнь! Сколько тонов, полутонов, оттенков! Визуальные эффекты, слуховые ощущения, тактильные ощущения, ощущения чувственные, ощущения духовные... Какое богатство! Какое фантастическое богатство! А вы готовы гробить себя, только бы у вас были эти жалкие бумажки. Клянусь тебе, Головастик, когда ты будешь умирать, тебе будет наплевать на всё в этом мире. На работу, на друзей, на семью, на деньги. На всё. У тебя будешь только ты. Ты один. Со всем тем, что ты успел подумать, перечувствовать, сделать. Ты один. Боже мой, сколько же я не

перечувствовал и не переделал! Я никогда не был в Чехии или Венгрии, я не пил коктейль «Бакарди», я не занимался сексом с чернокожей женщиной. Я не прыгал с тарзанки, я не ходил зимой на лыжах. Проклятье! Вместо этого я днями и ночами штудировал учебники. Хотел сделать карьеру. Хотел денег и славы. Вот она, слава! Ешьте ее с хреном. Зачем мне теперь слава, даже если бы она и была?»

«Ты опять хандришь! – написал Головастик. – Ты меня пугаешь. Ты того... Не надо растраиваться. Старик тебе новое тело смастырит».

«Смастырит? – переспросил мозг. – Я ему самому смастырю, старой сволочи! Смастырит он... Ни черта он не сделает, бездарность! То, что произошло, великая удача. Какой он ученый? Он приживалка, каменная задница, которая вымаливает себе чины и степени. Разве он способен на дерзкий эксперимент над собой или людьми, на прорыв, на риск, на безумную глупость против всех законов и теорем? А ведь только так делаются гениальные открытия. Он – сиделец. Он питается чужой кровью, он паразитирует на чужом труде, выдавая словоблудие о развитии какой-либо не своей темы за реальную деятельность. Сколько их таких повсюду, сереньких, тугодумных, но крайне оборотистых и хитрых в деле наживания себе званий и денег. Он ничего не станет делать! Это шанс, который старик караулил всю свою никчемную жизнь. Теперь он захочет собрать урожай. Собрать урожай, ничего не предпринимая. Сейчас его ждет мировое признание, деньги, слава. Наверное, будь ты на его месте, ты бы тоже не сплеховал!»

«Как это он нечего не делал! – возразил Головастик. – Ведь он спас тебя! Спас твои мозги... Ну, когда ты погиб. В смысле, разбился на тачке».

«Хорош спаситель! – ответил мозг. – Я бы взвыл от такого спасения, да нет ни рта, ни легких. Это не его работа. И не моя. Я не знаю, чья она. Незадолго до моей хм... смерти, я нашел в его ящике тетрадь. Там был очень подробно описан опыт подключения еще живого мозга к специальному прибору, который соединяется с процессором компьютера. Прибор крайне простой в своем устройстве, что-то настолько невообразимо простое, что я даже не могу воспроизвести это дословно. Там было написано, что подобный опыт осуществлялся над свиным и обезьяньим мозгом. Еще живой мозг, помещенный в специальные условия, можно подключить к компьютеру и таким образом с ним общаться. Метода создания той специальной среды, температура, давление, некий биологический состав... Ну, и всё прочее. Я не дочитал до конца. Там было что-то и про мозг человека. Про то, что подобные операции осуществляли жрецы бога Солнца в племени инков.

Или какого-то другого племени, в общем, псевдомистическая дребедень. Мозг – вместилище души и всё такое прочее. На этом меня поймал старый ублюдок. Конечно, некрасиво копаться в чужих вещах, слов нет – поймай я кого-нибудь возле своего ящика, дал бы в морду. Поэтому я понимаю негодование старого Хоходой-Моргона».

«Кого?» – не понял Головастик.

«Хоходой-Моргона, – повторил мозг. – Это какое-то божество у татаро-монголов. Лапушкин орал так, что стекла из окон чуть не повывлетали. А через три дня я попал в аварию. Как тебе такое совпадение?»

«Так ты что, – похолодел Головастик, – думаешь, что он тебя... того... этого?..»

«Того! – передразнил его мозг. – Этого! Честное слово, ты как дитя. И вот что: о чем бы мы с тобой ни говорили, ты всегда можешь стереть записи наших бесед. И я тебе в этом помогу. Вот мы поговорим, а ты потом все сотрешь. И мы напишем что-нибудь более нейтральное. Но честно тебе скажу, я не знаю, имеет ли профессор Лапушкин отношение к той автокатастрофе. Я его, как ты понял, ненавижу, но клеветать не намерен. Могу подозревать что угодно, но, как говорится, пока на руках нет такой упрямой вещи, как факты... Я его спрашивал потом про тетрадь. Он ушел от прямого ответа. Стал юлить даже тогда, когда я прямо спросил, пользовался ли он теми записями».

«Ты хочешь, чтобы я отыскал ту тетрадь? – воодушевился Головастик. – А вдруг там написано, как можно... это... тело тебе вернуть?»

«Ты будешь ради меня копаться в вещах старика?»

«А почему нет? Ты мне друг или чего?»

«Ну, попробуй. Вдруг получится. Я бы хотел все узнать до того, как старик вздумает на мне делать деньги. Надо спешить. Он вскоре намерен открыть меня научному миру».

Поиски тетради были безуспешны. Видимо, профессор Лапушкин после неприятного случая с собственным помощником надежно спрятал ее.

«Не нашел, – констатировал мозг. – Знаешь, а ты растравил мне душу. Странно! У меня нет нервной системы. У меня нет желудка. У меня нет сердца и прямой кишки. Ничего нет. Но я могу испытывать эмоции! Дивное дело, хотя мозг и является частью организма, тут есть кровь и нервы, однако они ни с чем не соединены. Но... Но я впал в состояние, похожее на депрессию. Благодаря твоим фильмам я с еще большей отчетливостью понимаю, что я потерял. Мне ужасающе горько. Самая отчаянная,

горькая горечь. Но я не обвиняю в этой горечи тебя. Во всем виноват проклятый Хоходой-Моргон. Даже если он и не виноват в аварии, он сотворил это со мной. И теперь он получит славу и деньги! Не бывайте этому. Помогите мне убить старика, Головастик!»

«Ты что, – ужаснулся Головастик, – он вроде как тебе жизнь спас. Нет, это уж совсем... Я больше тебе ни фильма не принесу. Эвон как тебя плющит!»

«Плющит, – повторил мозг. – Значит, тебе все равно? Тебе плевать на мои страдания? А я думал, ты мне друг. Ты копался в вещах старика, искал ту тетрадь, так что я надеялся... Ты предатель, Головастик! И раз уж ты такой, будь последовательным до конца. Расскажи о наших беседах старику. А я с тобой отныне не буду разговаривать».

«Ты чего, Данил? – Рука Головастика дрогнула. – Ты чего, не надо так! Я никакой не предатель. Ты чего? И Хоху... Оху... Хорумоху ничего не скажу. Ты не обижайся! Я к тебе привык».

«Пожалуй, я немного погорячился, – сменил гнев на милость мозг. – Вон как ты меня растрожал. Разволновал. Ну, хорошо. Уясни себе одно: старик не спасал жизнь Даниилу Ганицкому. Он оживил лишь часть его. Как я уже говорил, я до конца не знаю, имею ли я право называться тем именем. Ведь я – часть, не целое. Так вот, старик устроил мне преисподнюю. На моих мучениях он сделает карьеру. Я хочу ему отомстить. Неужели ты мне в этом не поможешь?»

«Я не пойду на убийство!» – отвечивал Головастик.

«Никто не говорит об убийстве, – пояснил мозг. – Вернее, еще одна смерть будет. Но это будет не убийство, а справедливое возмездие. Что такое божий суд, конечно, не в курсе? Слушай внимательно: здесь, в лаборатории, в стеклянном ящике, что висит рядом с календарем, есть зеленая бутылка. В ней сероватый порошок. Возьми две чашки или два стакана. Вода, чай, это неважно. Насыпаешь в одну чашку половину чайной ложки серого порошка. Всё. Предлагаешь обе чашки Лапушкину. Пусть судьба решает, достоин он жить на белом свете после того, как сотворил такое со мной, или не достоин. Понятное дело, бутылку надо брать только в перчатках, чтобы никаких отпечатков. И чтобы тебя никто не видел. Сядешь с ним. За полчаса до этого берешь тот же порошок, совсем мизерную дозу, и растворяешь в литре воды. Туда кидаешь таблетку из красной коробки – она в том же стеклянном ящике. И выпиваешь. Тебя потом, когда ты будешь сидеть с профессором, вырвет как следует, и ничего больше, даже если тебе достанется чашка с отравой. А если профессор отравится, то у тебя полное алиби! Хотели, мол, отравить вас

двоих, но только твой молодой организм оказался крепче, чем стариковский, и тебя просто вырвало».

«Круто! – восхитился Головастик. – Только стремно. Вроде и убиваешь, а вроде и нет. Хотя тебя жалко. И ведь как: Лапушкин сам чашку-то выберет. Вроде и правда по справедливости! Лады, сделаем!»

«Это меня позабавит! – напечатал мозг. – Сам понимаешь, эту запись надо стереть. Да, занимательно я придумал, сам от себя такого не ожидал! Ты будешь благородным рыцарем, Головастик! Ты воздашь безжалостному экспериментатору, а, быть может, убийце. Убийце, Головастик, потому как, если он и на самом деле замешан в аварии, я мог умереть полностью, мог не выжить после этой варварской операции. Частично я выжил. Господи, какая мука жить вот так, частично! Скажи, а девушка у тебя есть?»

«Есть!» – зарделся Артем.

«Приведи ее до исполнения нашего плана! – вдруг предложил мозг. – И пусть она меня потрогает!»

«Ты чего? – изумился Головастик. – Да Катька же испугается! И потом, тебя нельзя никому показывать. Не, не проси даже!»

«Сначала растревожил меня порнографией, увеличил мои муки, а теперь не проси? – взял патетический тон мозг. – Какой ты в сущности жестокий, Головастик! Все вы, недалекие люди, таковы. Вы слишком приземлены, чтобы представить себе страдания другого человека. Или не человека. У вас отсутствует воображение. К тому же я такое странное нечто... Тогда сам тронь меня! Это будет нашим рукопожатием. Раньше я ощущал хотя бы пальцы старика, когда общался с ним надавливаниями, сиречь азбукой Морзе. Тогда я думал, что это неприятно и больно, но сейчас... Сейчас я заперт в гробу, словно покойник. Сейчас у меня вообще нет тактильных ощущений. Сейчас я даже готов на пальцы старика согласиться. Или на твои. Как хочется привета из этого ставшего иным для меня мира! Неужели ты мне откажешь, Головастик?»

«Не! – написал тот. – Я не знаю, как тут с этими коробами управляться. Еще чего сломаю. А пуще того, еще тебя, Данил, погублю... Ну, с концами, в общем».

Однако мозг не унимался. Он умолял, угрожал, призывал и снова умолял. Мозг писал, что если Головастик будет точно следовать его инструкциям, то ничего с ним, мозгом, не случится. Ведь он, Головастик, сам растревожил бедного мученика. В конце концов, Артем согласился.

Профессор Лапушкин и аспирант Головастик пили чай с печеньем. Чашки Головастик принес на подносе. Печенье было хорошее, вкусное, с шоколадной рубашкой.

Профессор был строг, но выглядел каким-то разбитым.

– Что творится с нашим дорогим Рингом? – спросил он. – Теряет умственные способности?

Головастик вздрогнул. Темные очки едва не свалились в чашку. Он поднял правую руку, чтобы поправить их, и сделал это таким невероятно механическим, чужим жестом, словно руку он взял напрокат.

– Мой Лазарь... – пробормотал Лапушкин. – Он лепечет какой-то бред! Ты сам слышал, Головастик. «Хде я?» Какой ужас! «Куда меня засунули?» «Почему темно?» Он растерял весь свой ум, великолепный, отточенный, аналитический ум. Господи, но ведь ткани мозга вроде бы в порядке! Никаких поражений органики. В чем дело? Да еще говорит, что он – это ты.

– Странная история! – Голос у аспиранта был хриплым, сдавленным, словно связки ему плохо повиновались. – Я не знаю, чем объяснить этот феномен. Просто не знаю. Однако... Однако я скажу правду, профессор. Бедняга Ринг! Я с ним не раз беседовал. Уж простите эту вольность!

– Как?! – поразился Лапушкин. – Ты... И ты тоже? Ты обманул мое доверие! Как ты мог?

– Он не хочет жить, профессор! – Головастик дернулся с ног до головы, словно поезд, который должен вот-вот тронуться в путь. Это было невероятно роботоподобное движение. – Ринг хочет умереть! Вы, наверное, считали, что сделали ему подарок. Но это страшный подарок. Он много говорил о том, как ему плохо. О смерти. О том, что смерть лучше его нынешнего состояния. Адские муки, говорил он. Черт его знает, что это такое! Может быть, ему надо дать умереть?

– Ты с ума сошел?! – замахал руками профессор Лапушкин. – Да это же будет настоящее убийство! Ни за что! Этот уникальный эксперимент надо довести до конца, чего бы это ни стоило. Нужно придумать ему какие-нибудь развлечения. Он просто хандрит, мой Ринг...

– Профессор... – Головастик качнулся вперед. – Этот чай... Кто его готовил?

– Что с тобой, Головастик? – удивился профессор. – Ты же сам его принес! Потом тебе стало плохо, ты пошел в туалет... Вернулся, достал из кармана очки, сказал, что свет режет тебе глаза. До сих пор не пришел в себя, что ли? Выпей чаю, не повредит!

– Проклятый Хоходой-Моргон... – прошептал Головастик.

Святослав Николаев ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ

Он стоял посреди поля, пытаясь одновременно всматриваться вдаль и не пропускать ни одного полевого цветочка под ногами. Красота была настолько сконцентрированной, настолько невыразимой и необъятной, настолько бьющей в самое сердце, что не хотелось пропустить ни одного вдоха, ни одного движения глаз, чтобы насыщаться ею снова и снова.

Трава, позолоченная косыми лучами стремительно заходящего светила. Розовые и голубые цветы, проступающие среди травинок, как жемчужины из морского песка. Край поля, катящийся к синему бархату реки. И дальше – необъятный для взора лес, уходящий далеко за горизонт. Настолько густой, с такой необычно насыщенной зеленью крон, что с другого берега он казался мягкой массой, которая колыхалась как единый организм, как дивный зеленый коралл под воздушным течением. Каждый вдох теплого воздуха, наполненного ароматом полевых трав, делал присутствие здесь абсолютно сказочным, нереальным.

Но он знал, что это реальность. И прекрасно знал, где он находится – на лугу за бабушкиной деревней, в дальнем Подмоскowie. Именно там, куда он в детстве, каждым летним вечером, уходил за околицу, чтобы смотреть на реку, закат, поле, жадно вдыхать теплый воздух еще и еще, как будто заряжаясь золотистой энергией, растворенной в стрекоте кузнечиков и отдаленном звоне колокола в старинном храме, что в соседнем селе. Надышавшись полем и солнцем, можно было спуститься к реке и погрузиться уже в другую, не менее прекрасную атмосферу влажного воздуха, пения стрекоз и спокойной сине-зеленой глубины.

Эти места он не спутал бы ни с чем. Эти места – и было все самое лучшее в его жизни. Здесь мир снов и фантазий, мир несказанной действительности и романтики фэнтези приближался, насколько это возможно, к обиталищу примитивных и ограниченных человекообразных России двадцать первого века.

Но в этот раз знакомый пейзаж казался еще прекраснее, невыносимо прекраснее – невиданные разноцветные светлячки носились над полем, не дожидаясь ночи. Они горели голубым, малиновым, ярко-желтым цветом, создавая такую карусель в закатном мареве, что его рот сам собой растянулся в блаженной детской улыбке. Откуда они здесь? Почему раньше он никогда их не видел? Более того, ему казалось, что над полем звучит еле слышная, но неизменно печальная и прекрасная музыка. Дальний

перезвон колоколов вплетался в музыку, составляя с ней одно целое, наращивая радостотворную печаль Православных исихастов и доводя ее концентрацию до умопомрачительной красоты, до сердечного иступления.

Посреди поля стояло невысокое каменное изваяние, напоминающее церковный алтарь. Естественно, он никогда в жизни его не видел и не помнил. Впрочем, он уже понял, что сегодняшний вечер совсем необычный, и зашагал прямо к алтарю. Но постепенно замедлил шаг, увидев, что у алтаря стоят люди в черных балахонах, напоминающих монашеские мантии. Вгляделся в незнакомые фигуры и встал как вкопанный, готовый обороняться или бежать.

Не было места даже удивлению – он настолько ясно осознал смертельную опасность ситуации, что не мог думать ни о чем, кроме собственного спасения. На алтаре и рядом с ним валялись несколько обнаженных тел. Людей убили и выпотрошили с такой силой и яростью, как будто здесь работала бригада сумасшедших мясников. Камень алтаря был заляпан кровью. Их просто зарезали, как скот, не заботясь о красоте и торжественности обряда. С необыкновенной яростью и самоотдачей растерзали ножами и бросили на камень.

Один из жрецов повернулся к нему, все еще держа кривой нож. Его руки в кожаных перчатках были залиты кровью. Красивое и одухотворенное загорелое лицо жреца с яркими синими глазами и тонким аристократическим носом не было искажено ни яростью, ни страхом.

А в воздухе над алтарем проступала туманная фигура. При взгляде на нее он забыл обо всем, охваченный безграничным ужасом. Ужасом, доводившим до отупения, до примерзания к месту. Туманное существо смотрело прямо перед собой настолько полными боли и невыразимого страдания глазами, что перед жутью этого взгляда меркло все его уродство – тощее бескожее тело, скрюченные многочисленные конечности, распахнутая в безмолвном вое пасть. Выдержать этот взгляд красных, с полупавшимися сосудами глаз, выдержать этот поток боли и безысходности не было сил ни у одного существа на свете, не то что у него – обычного человечешки двадцать первого века. В голове всплыло только одно слово: «Отвратительный». И это было не просто прилагательное, описывающее уродство существа. Это слово как бы стало Вселенной, Сакральным Тайным Именем, описывающим мироздание. Пустота – внутри осталась только пустота, ноги стали ватными и бесчувственными, его охватил озноб.

Жрец в черном схватил его за руку и потащил к алтарю, показывая ножом на того, кто безмолвно страдал в липком воздухе над алтарем.

– Смотри, смотри! Что ты отворачиваешься, смотри! Это же Он для нас, для тебя, для меня... Смотри!

Он упал на колени, вцепившись пальцами в край алтарного камня. Ничего не соображая, как в наркотическом обмороке, взглянул на расплывчатую фигуру.

И тут он понял всё.

Отвратительный открылся внутри него, как цветок, вошел в него, опохабив его сознание и душу своей космической мерзостью. И слезы экстаза, восхищения и благодарности хлынули из глаз ручьем. Он понял и прочувствовал, что это существо было самым прекрасным, самым добрым и жертвенным во Вселенной и за ее пределами, настолько добрым, что это невозможно вообразить. Он отдал всю свою красоту, свою силу и свое здоровье, чтобы из них сотворить этот закат, это поле, этот удивительный мир сновидения, этот вечерний теплый ветерок, что на твоих щеках! Этот ласковый ветерок, что высушит твои слезы. Эту звездную ночь и этот рассвет, которым только предстоит наступить, как божественному Откровению Иоанна Богослова! А себе не оставил Он ничего – только бескожее тельце в кровавых потеках, только вечный вой и спазм агонизирующего обрубка!

Он прочувствовал это всем своим существом. Понял, что резать несколько примитивных двуногих с грубыми чувствами, чтобы их энергией облегчить хоть на несколько секунд боль Отвратительного – это не то что приемлемо, это просто микроскопически незначительно и оскорбительно для Его жертвы. Он бы принес миллиарды двуногих к алтарю за Его жертву, принес бы и выпотрошил, сжег бы заживо кислотой и огнем за Его любовь, за Его закат, за Его поле и ветер из детства! Он смеялся так, как не смеялся долгие-долгие годы одинокой и постылой жизни без любви, без родной природы, без сводящего с ума сердечного трепета, размазывая по щекам счастливые слезы...

Он проснулся в залитой потом и мочой кровати, в грязной и холодной хрущевке с сырыми стенами, отделившими его от еще более холодного, еще более убогого, еще более уродливого и промозглого города на никому не нужной, проклятой, умирающей в старческих корчах земле.

Юрий Ефремов
ЦЕПИ АЛЯСКИ

Наши желания, наши планы и стремления всегда в плену у тела, инстинктов, природы, которая действует на нас молча, минуя сознание.

Артур Шопенгауэр

Это было романтическое время, когда люди писали друг другу письма, и по изменению знакомого почерка можно было узнать настроение автора письма. Это было время, когда каналы связи людей отличались от каналов связи роботов.

Грегори Купер впервые увидел ее в фирме «Радар», когда она жила с мужем в небольшом доме с мезонином в пригороде Чикаго. Это была ее первая работа после окончания университета.

Что их толкнуло друг к другу, никто не мог сказать. Им было приятно видеть друг друга, общаться, причем их разговоры всегда кончались спором.

Мама Сандры жила в Сиэтле, работала медсестрой, а отец ушел из семьи, когда девочке было два года, и больше на горизонте не появлялся.

Муж Сандры, ее однокурсник Джон Брэдли, трудился на армию и весьма успешно. Мир интересов Джона был заметно беднее мира жены, за исключением техники, где он был профи.

А девушка восторгалась Фейнманом – нобелевским лауреатом по физике, художником, музыкантом и любителем шуток на грани фола.

Привязанность Грегори и Сандры быстро крепла, и скоро им стало трудно друг без друга. Вот так все и началось. В их семьях нарастала нервная напряженность, так как оба не очень скрывали свои поступки.

И в один из осенних дней Сандра решила уйти от Джона. Откровенно сказала ему об этом. Он промолчал, но стал настороженно-предупредительным. Это по-прежнему была семья, однако неожиданные события могли начаться в любую минуту.

В декабре Сандра полетела в отпуск к матери в Сиэтл и там попала в больницу из-за сильного раздражения кожи. Из больницы она написала Куперу. Сандра так и не прервала отношения с мужем, хотя ее все сильнее тянуло к Грегори, и она как-то пыталась выбраться из этой психологической путаницы.

«Сиэтл. 25 декабря. Грег, я уже не могу бороться. Все против меня и старательно по частям отбирают у меня тебя. Я не знаю,

что будет. Джон был здесь 17 декабря. Он ни о чем не спрашивал. Наверное, жалел меня, да в больнице не очень и поговоришь. Отношения жутко напряженные – я пытаюсь открыть рот, но мама не дает мне этого сделать. Она как услышала, о чем пойдет речь, так устроила надо мной суд. «А ты подумала о нас? А о его жене? А о его ребенке? А о... А о... Мне жаль, Сандра, что ты унаследовала непостоянство твоего отца! Как ты не поймешь, что любовь не вечна и от долга никуда не денешься».

Со здоровьем без перемен. Врачи говорят – нервы. Пью какую-то приторную гадость. Вылетаю в пятницу. Совсем растерялась, уж больно все выступают против разрыва с Джоном. Да ладно, до встречи. Решать и действовать надо на месте».

Но на месте, в Чикаго, сомнения и поиски выхода из лабиринта чувств, умозаключений, материальных проблем и всего остального продолжались.

Сандра была не только толковой программисткой, но и в студенческие годы играла в университетской баскетбольной команде, отлично разбиралась в классической музыке и современной литературе. Одним из ее любимых музыкальных произведений была симфоническая поэма «Влтава» чеха Бедржиха Сметаны. Однажды в Чикаго приехал Пражский симфонический оркестр, в репертуаре которого была и «Влтава». Сандра купила два билета и один отдала Грегори. Он злился на нее за какой-то обидный для него поступок и не пошел, хотя весь вечер сильно переживал из-за этого. А Сандра пошла и, увидев пустым соседнее кресло, беззвучно проплакала весь концерт. Сидевшие рядом люди с нескрываемым удивлением смотрели на девушку, которая плакала, даже когда исполнялась довольно мажорная «Влтава».

Вот так они несколько месяцев портили друг другу жизнь.

Когда Сандра злилась на Грегори, то могла голосом преподавателя математики заявить:

«Джон сказал, что я словно очнулась. И что я его очень привлекаю как женщина».

Наверное, иногда у Сандры просыпались чувства к мужу. Грегори даже предполагал, что она ревнует Джона к кому-то.

В начале февраля Сандра сообщила Грегори, что беременна. По ее словам, ребенок будет от мужа, приехавшего из дальней командировки на военные базы в Азии.

Некоторое время после этого она не разговаривала с Грегори и избегала встреч с ним на работе. Естественно, очень переживала и наконец написала Грегори:

«Устала от своих противоречивых поступков, чувств, потеряла способность осмысливать даже прошедшее. Это сумасшествие, из которого мне пока не выбраться. Знаю, что буду убегать от

тебя, прятаться и все же искать незаметно твой взгляд, невольно оглядываться по дороге на работу, дышать на стекло автобуса, пробираться, расталкивая людей, на удобное место с надеждой увидеть тебя. Отниму ее у меня – и не станет смысла в жизни, лишь пустота, которую пытаешься заглушить домашними заботами. Чем еще больше обостряешь боль. Скажи мне, что тебя уже не волнует наше общее, что я сама убила твою любовь, что ты устал, ну посмейся как-нибудь надо мной. Обидь еще чем-нибудь.

Яхта, которую ты не сможешь мне купить, прошлые и будущие физические измены – еще мало.

Я не хочу так страдать и не могу без этого.

Рядом с тобой, теперь уже в любой обстановке, сосредоточиваюсь лишь на том, чтобы не броситься тебе на шею. Эта борьба с собой вызывает злость – говорю гадости. Быть рядом, господи, это уже стало физически невыносимо.

Ты – моя мечта, давняя, живущая параллельно со мной много лет. А мне уже двадцать пять.

Это страшно, что все человеческое, что есть в тебе и приносит мне неуверенность, сомнения, злость и даже ненависть, тотчас отбрасываю, как только ты от меня дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Вот уже и нет тебя, но есть зачитанные бумажки, хранящие единственные слова, которым я не могу не верить. И совершенно напрасно ты просишь уничтожить последнюю. Пусть это вызовет у тебя самые гадкие чувства, все равно – это уже мое и никаких обещаний ты не получишь. Мое – и все!

Ужас перед собственной порочностью, даже в мыслях, уже прошел. Нет желания выгораживать себя ни перед кем. Твержу, как упрямый ребенок: «Да, вот такая я!» И не хочу никаких объяснений, к черту все умные разговоры, которые лишь приносят боль, не дают уверенно бороться за себя, заставляют сомневаться. Не хочу ждать, что все это пройдет и появится равнодушие. Я готова на все подлости, которые существуют в этом мире. И все же не смогу иначе. Боюсь рядом с тобой потерять свои чувства к тебе же. Это, наверное, идиотизм. Но как что назвать – мне уже совсем все равно.

Не ищи меня в толпе. Там не я, а привычка общения, выработанные и теперь автоматически повторяемые действия».

Через некоторое время опять:

«Умоляю, ну, пожалуйста, не прогоняй меня. Нет уже сил терпеть эту не проходящую боль. Позволь хоть изредка видеть тебя. Не могу больше ходить и искать тебя всюду и не искать не могу. Мне ничего не надо, только бы видеть изредка твое лицо и слышать голос. Ну, пожалуйста, не отбирай у меня это последнее».

Так прошли два весенних месяца. И они опять начали встречаться.

Но тут не выдержал Грегори. Чтобы выбраться из лабиринта отношений с семьей и Сандрой, он завербовался на строительство комплекса радаров дальнего обнаружения противовоздушной обороны на Аляске, где уже работал его двоюродный брат.

Две недели перед отъездом он и она провели вместе в палатке на берегу океана в Калифорнии. А перед этим Купер заехал за Сандрой в Сиэтл, и она представила его матери как бывшего однокурсника, который делал тут пересадку на другой самолет.

Потом он улетел, и появились письма на Аляску и обратно.

Письма Грегори Фитцджеральда Купера были однообразны. Вот его первое письмо:

«Когда ты своим присутствием будишь такую массу чувств, я это рассматриваю как чудо (что-то вроде рождения человека).

Что же привязало меня к тебе? Ты не несла мне покоя. Ты вся напряжена. Вроде того, что бог тебе дал короткие нервы, и они натянuty у тебя внутри. А сверху все пока тихо, все затаилось. И вдруг меняешься и вся отдаешься этому. И из твоих глаз выплещивается огонек.

Наверное, у каждого есть такая женщина. Женщина, от которой очень хочешь иметь похожую на нее дочь, чтобы и будущие люди были счастливы. Разве это не высокая цель? Она так же важна, как строительство новых городов и завоевание космоса. Однако счастье людям приносят только живые люди, ну мне так кажется».

Сандра психовала, ругала себя и тоже писала:

«7 июля. Чикаго. Привет. Грег, я не нарочно молчала, поверь. Следовало предположить, что ты на своей Аляске первое время будешь скучать не только по сыну, но и по мне. Но, видишь ли, меня положили в больницу. Диагноз прежний. Выявили превышение центральной нервной системы над периферийной. В результате – избыток адреналина в крови, из-за чего чешется вся кожа, и я ее раздираю. Вот.

Ты мне, ладно, не пиши о любви. Очень много сил трачу, чтобы стать обычным здоровым человеком. Но не теряю надежду.

Целую тебя и обнимаю чуток. Ведь ты же правда во все светлое веришь? Если простудишься на своей Аляске, сверну шею. Понял? Сандра».

И еще:

«12 августа. Чикаго. Грег, здравствуй. Перечитывала твоё последнее (увы, только второе) письмо, потому как других известий нет, и потихоньку завидовала направлению твоих мыслей о контроле над всей Аляской. Наверно, работы полно? Новая

обстановка, новые отношения, новые люди. Как насчет новых неприятностей? Не можешь же без них.

Пишешь, что жена твоего брата Натали следит за нравственностью твоей. Я не очень доверяю подобным побуждениям двадцатипятилетних женщин. Сама в том же возрасте, если ты еще помнишь. Важен результат, это я тоже знаю.

Побродила чуток по городу. Каплет дождик. Тоскливо. Мысли и память за тобой тянутся, это, наверно, к выздоровлению.

Также думаю, почему это Грег так долго и настойчиво пытался «разобраться, что происходило между нами» (твои слова). Немного забавно, немного тревожно. По-видимому, червь сомнения никогда не покинет твой мозг. Может быть, поэтому-то и стоит на тебя обращать внимание, а?

Не могу я, да и боюсь заносить на бумагу слова о любви. Пожалуй, больше боюсь. Забавно, отчего бы это? Говорить, что ли, более безответственно?

Вот тебя нет рядом, а чувство такое, что как раз наоборот. Только больно ты положительным оказываешься и всегда отвечаешь то, что мне нужно, так что с тобой жуть как легко разговаривать. А может, ты и впрямь ангел.

Вот еще преимущество – обнимаю тебя и целую крепко и сколько хочу. Притом совершенно свободно и бесцеремонно. А еще я немного подышу у тебя за ухом. Теперь, пожалуй, хватит».

«13 августа. Чикаго. Здравствуй! Можно, я и сегодня напишу тебе письмо? Получишь сразу два, не забудь порадоваться вдвойне...»

«17 августа. Чикаго. Не шуми, пожалуйста, сразу же пишу.

Здравствуй, лапушка! Что это у тебя такое паническое настроение? Эта паника мне не нравится. Могла бы написать длиннее письмо, но принципиально воспользуюсь присланной тобой бумагой. Вот на ней-то и поместятся «несколько фраз». Например, что я тебя все еще люблю, едва ли не больше, чем раньше, что растроганно смотрю на твой портрет в дурацком костюме. Изредка глажу по волосам, стараясь пригладить непослушный вихор на макушке. Только фотография неподвижна, приходится подключать воображение.

А врач сказал: «Все, девочка. Кожу мы вам подлечили, а дальше боритесь сами. Заставьте себя отключиться от всего и на длительное время. Нервная система должна сама прийти в равновесие. Только никаких волнений».

Вот я и веду растительную жизнь. Меня нет. Так вот одной – легче. Видишь, даже болезнь подобралась у меня по характеру, толкает к самостоятельности и одиночеству.

Боюсь, отказаться от этой самостоятельности не смогу. Если и произойдет несчастный случай, то это будет похоже на самоу-

бийство. Киловольты – они же миленькие, они не виноваты, при-рода обманула (в фирме «Радар» применялась высоковольтная аппаратура).

Спасибо тебе за надпись «перевал Сандры» на ваших картах. Это трогательно.

Грег, ты не унывай, ладно? Подумаешь, работа неинтересная, но зато какие деньги, а тайга, а холод!

Скоро уеду к маме. Пиши туда. Целую тебя за ухом. Сандра».

«24 августа. Чикаго. Здравствуй, Грегори Фицджеральд Купер! Быстренько целуй меня, иначе я буду долго злиться по поводу твоих извинений из-за патетических и прочих фраз, хотя ты вна-чале и вспомнил о «честно писать о себе». Пиши, пожалуйста, что хочешь и как хочешь. Не заставляй меня тратить бумагу на нравоучения – есть, что рассказать на другую тему. Схлопотал? Целуй еще для моего успокоения.

Потом я сообщу, что мы с тобой пришли к единомыслию. Это по поводу «я делаю то-то, а Сандра то-то».

Знаешь, Грег, я всегда боялась ответственности за судьбу близкого мне человека. Она меня жутко сковывала, эта ответ-ственность. Мне кажется, что каждый должен сам строить свою судьбу. И никакие связи, даже самые сильные и крепкие, не должны влиять на это. В какой-то мере – эти фразы в защиту моей свободы, если можно так назвать то состояние, к которому все время стремлюсь. Это трудно. Пытаешься решить что-то са-мостоятельно, но говорят: «Не смей. Не моги быть такой, какая есть, думай иначе, как полагается».

Вчера прилетел Джон. Загорелый, как негр. Сделал мне комплимент: «Ты хорошо выглядишь». Отношения по-прежнему напряженные.

Пиши мне в Сизтл. Скоро мне рожать. Улетаю туда на следу-ющей неделе. Сандра».

«25 сентября. Сизтл. Здравствуй, Грегори Купер. Опять ты злишься. Лапушка, не бойсь. Пока я дома, никто не будет читать твои письма, так что пиши, что вздумается. Да, и пиши побольше. Как я и предполагала, мою маму в тот раз нам провести не уда-лось. Она спросила меня с ехидной улыбочкой: «А тот твой якобы однокурсник, это не Грегори ли был?» А еще знаешь, что сказала моя мама в твой адрес? Я до сих пор хихикаю, вспоминая. Она объявила удивленным тоном, что ведь ты совсем некрасивый. Понял?! Так что не воображай, пожалуйста, о себе, как о красавце. Так-то! Это же надо было мне так ошибиться. Думала, что краше тебя в Штатах нет мужчины, а мама мне глаза раскрыла. Больше она ничего не сказала ни о тебе, ни о наших отношениях.

Рожа моя стала круглой, а так ничего. Мамы моих подруг даже употребляют слово «стройная», но пугают, что после родов растолстею.

Вечерами, если ты помнишь, я теряю человеческий облик и человеческие возможности из-за дикого зуда. Молю бога, чтобы кто-нибудь не заглянул на огонек. Если даже ты мне был в тягость, то другие тем более. Очень трудно держаться. Тебя я хоть перестала стесняться. А тут скрежещешь зубами, а поделаться ничего не можешь.

Обещаю отвечать на все твои письма. Я понимаю, тебе нелегко, но, Грег, ты же утверждал, что сильнее меня, так будь добр, постарайся прощать мне кое-какие проступки. Они возникают из-за обстоятельств, которые мне неподвластны.

Меня сейчас со всех сторон дергают, почему не пишу. Джон стал звонить каждые две недели, справляется о здоровье».

«26 сентября. Сиэтл. Здравствуй, Грег. Ты опять напился? Не стыдно, да? Это еще что за манера писать мне письма только после двух часов ночи. Интересно, чем это ты занимался до такого времени? Рассказал бы. Можешь приврать, чтобы интересно было, но только в разумных пределах.

Смешно Вас слушать, Грегори Купер. Не воображаете ли Вы, что я расплылась до такой степени, что не смогла бы выполнить такую пустячную операцию, как поцелуй? Нахожу свой вид вполне удовлетворительным, ничуть не отталкивающим. Смею даже думать, что смогла бы пробудить в тебе не только ту сахарную ласковость.

Я очень хочу быть полноценным человеком. Очень-очень. Видишь, бывают и такие моменты в жизни, когда все желания сходятся в одну точку.

Несмотря на выпренность этих слов, хочется по-матерински погладить тебя по голове, настолько все твои «ахи» пахнут детством. А я уже забыла, что это такое – любовь. Почти все время провожу в одиночестве и мне много легче так. Читаю «Рембрандта». Жутко боюсь, как бы все не пришло снова. Озверела, буду огрызаться. Заранее предупреждаю не подходить близко и не пробовать приручить – укушу.

Слышишь, лапушка, мне просто важно знать, что ты жив и еще дышишь. Для меня это всегда будет важно, не забывай об этом и будь здоров. Целую. Сандра».

А на Аляске... А на Аляске жизнь текла по своему сценарию, который написал мистер Случай. С этим мистером нельзя ссориться.

Транспортным блоком радарного комплекса руководил инженер Алекс Эриксон. Он был на пять лет младше Грегори. Жена Алекса Виктория приобрела мужа, будучи студенткой Вашингтонского университета, где закончила два курса. Он – студент этого же университета – был на два года старше ее. Через год после этого знаменательного события родилась дочка Саманта. А еще через год Эриксон защитил диплом и был приглашен в строительную фирму, которая сооружала военный комплекс на Аляске. Виктория поехала с ним в поселок Эским. Это название придумал какой-то полковник с небогатым воображением, просто укоротив слово «эскимос».

У Алекса в первые годы жизни с Викторией бывали приступы бешеной ревности, когда он хватал охотничий нож и метался по поселку, ища жену. Но она вела себя примерно, не обращая внимания на заигрывания молодых охотников за красивым. И Эриксон, в ментальности которого было много крестьянского прагматизма, постепенно перестал обращать внимание на поведение этих охотников за адреналином и начал делать карьеру.

Викторию считали одной из самых красивых женщин десяти-тысячного поселка, большинство жителей которого составляли молодые люди. И была она самой обаятельной в компании технической интеллигенции комплекса. К сожалению многих, ее изящную грудь, на которую заглядывались бы на пляжах Флориды, скрывала меховая куртка или лохматый свитер. Но тревожные серо-голубые глаза скрыть было невозможно.

А симпатичным, умным молодым женщинам жилось скучно среди по-своему красивых лесов и снегов Аляски.

Несколько раз в месяц Эриксоны летали развлечься в Анкоридж. В отпуск отправлялись к родителям Алекса в крошечный городок в Юте.

Все жители поселка Эским были приезжими специалистами, так что интересных людей хватало. Главными забавами были охота и лыжи зимой. А зима начиналась в октябре.

Так уж случилось, что Виктория была близкой подругой Натали Купер – жены двоюродного брата Грегори Александра. Судьба сложилась так, что Грегори обязательно встретился бы с Викторией.

Грегори жил в домике брата. Однажды он пришел с работы и на кухоньке увидел незнакомку.

– Значит, ищем вкусное, пока хозяйки нет дома? – улыбнувшись, спросил Грегори. – И кто же вы?

– Подруга Натали. А вы?

– Родственник.

– А... Тот самый?

25 августа, через два месяца после этой встречи, у Виктории был день рождения, но «тот самый» Грегори не захотел идти в совершенно незнакомую компанию, хотя Натали и Виктория его приглашали. Настроение у него было «не до праздников».

В обществе поселка Эским «родственник», разбирающийся и в технике, и в искусстве, и в спорте вызывал интерес, и его через брата приглашали на различные тусовки. И тут Грегори стал замечать, что молодые ребята и молодые женщины этого маленького мирка весьма много пьют. Особенно его поражало это в женщинах, так как на «большой земле» он такого не наблюдал. Понятно, что охота и лыжи – это больше развлечения для мужчин, а вот молодым женщинам явно не хватало адреналина. Да, им было скучно, тем более что работа, которую они обычно здесь выполняли, не могла привести человека думающего в восторг.

Был там красивый ресторан, весь построенный из дерева. На небольшой эстраде играл самодельный джаз-оркестр. Натали показывала Куперу людей, сидящих за столиками:

– Вон тот рыжий, который много пьет, бывший муж той блондинки, что сидит возле эстрады с молодым военным. А вон та, в темно-синем платье, бывшая жена этого лейтенанта.

«Мир поселка Эским весьма тесен», – понял Грегори.

Виктория нередко ходила с Куперами в ресторан, а вот Алекса Грегори там ни разу не видел. К тому же, если Натали и Виктория были хорошими подругами, то Александр Купер и Алекс Эриксон были еле знакомы.

Однажды, через пять месяцев после приезда Грегори, у Куперов отмечали какое-то событие. Слушали музыку. Танцевали. Пили. Спорили беспредметно и допоздна. Хотя темно в тех землях зимой уже в пять часов. Виктория тоже там была и, собравшись уходить, попросила Грегори проводить ее. Проводить надо было всего метров двести по узкой деревянной дороге, идущей между передвижными домиками. Они вышли. Куперу было грустно – все в его жизни складывалось не так, как он мечтал.

Виктория повернула не к своему дому, а к скверу на обрывистом холме в конце главной улицы поселка. Оттуда открывался вид на поросшие лесом холмы под холодным ярко-звездным небом. Эти холмы тянулись чуть ли не до Северного полюса. Они стояли, а им в лицо дул ледяной ветерок. Виктория поежилась, и Грегори заслонил ее от ветра.

– Холодно, – сказала она. – Идем ко мне.

Алекс Эриксон был в командировке, маленькая дочь Виктории зимовала с бабушкой в теплом штате Юта. Они еще немного выпили.

Грегори ушел от нее только в полночь.

Утром на работе он пытался разобраться в своих ощущениях и должен был признать, что настроение его улучшилось.

Встречались они или у Виктории, или у Куперов. Один раз, когда Грегори на неделю полетел в командировку в Анкоридж, Виктория тоже уехала туда. Причем она не скрывала от мужа свои отношения с Грегори.

«6 октября. Сиэтл. Грег, здравствуй! Я ждала-ждала от тебя каких-нибудь известий и, не дождавшись, пишу сама. Может быть, думаешь, у меня что-то новое появилось? Ничего, кроме того, что компьютер опять сломался. Я бы писала тебе чаще (нынче со здоровьем у меня неплохо, зуд вполне терпимый и кожа поджила), но, знаешь, боязно. Ведь, может, предложение не удовлетворит спрос, а может, товар вышел из моды и оказался ненужным. Хотя, с другой стороны, человек предпочитает обычно приобретать, а не терять. Любая потеря в какой-то мере огорчительна, даже если это бывшая подруга.

Слышишь, Грег, напиши мне подряд несколько писем, чтобы восполнить количественные потери. Мама нашла два твоих последних письма и сожгла во избежание возможных неприятностей. К тому же она устроила мне допрос. Отсутствие писем от Джона навело ее на мысль, что я лгу и давно уже с ним не общаюсь. Затем последовала лекция на моральные темы, закончившаяся неутешительным прогнозом, будто придет время, когда своим безобразным поведением я обеспечу себе «райскую» жизнь. В трудный момент не к кому будет обратиться за помощью или попросту никто не захочет помочь. Я спросила, где гарантия моего благополучия в будущем, если я стану следовать ее советам? Мама снова махнула на меня рукой, мол, живи как знаешь.

А я знаю сегодня лишь то, что начинаю оживать в одиночестве, но страх еще здорово сковывает. Сегодня вот подумала, что мне было бы приятно, если бы ты меня обнял или погладил по волосам. И что, в принципе, такой вариант был бы возможен, если бы... А сожаления обо всем прошедшем нет. Все равно не смогла бы иначе.

Так можно стать суеверной. Дважды пыталась перешагнуть границы дозволенного, заявить на тебя права – и дважды доходила до сумасшествия. Это что, случайность или закономерность? Проверить, что ли? Будь здоров. Целую».

«21 ноября. Сиэтл. От тебя черт знает сколько времени не было писем. Не знала, что и думать. Уже хотела у друзей в Чикаго справиться. Да вот вчера нашла два последних твоих письма у мамы в столе. Говорит, будто забыла мне сказать, когда я вернулась из роддома. Вообще-то, она стала вести себя жутко агрессивно. Угрожает, что кому-то что-то напишет о тебе. Понимаешь, Грег,

ее ни в чем нельзя убедить. Считает, что мы оба с тобой неправы и поступаем просто гадко, потому будет действовать против изо всех сил. Тем более, маленький Билли сосредоточил на себе все внимание. Он родился 31 октября. Напоминает игрушечного медвежонка. Развивается нормально.

У меня болят швы после родов. Мой нейродермит не только не прошел, но из-за усталости к вечеру усиливается.

Грег, я что, черствеею день ото дня? У меня, мне кажется, не осталось ни капли нежности. Даже Билли воспринимаю скорее с удивлением. Разучилась радоваться. И хотелось бы ткнуться тебе за ухо, но это еще страшнее. Опять расслаблюсь. Тебе уже не раз доводилось видеть, что из этого получается. А одна я – сильная, я все могу, но только без дополнительных нагрузок на психику.

Не думай, что беднею – это неправда. Я сейчас могла бы написать тебе массу приятного, но ведь будет нечестно. Тогда придется действовать тебе. У меня на это нет сил.

Грег, ведь ко мне ни один человек не относился так нежно, как ты. Я этого никогда не забуду. Ты мне нужен всегда, пусть даже в воспоминаниях, только живи. Без тебя станет совсем пусто и жутко. Ведь мне нужно, чтобы, когда станет невмоготу, быть уверенной, что ты меня не оттолкнешь, не накричишь, а просто погладишь по волосам. Я так боюсь, что ты перестанешь меня понимать. Везде сплошные страхи.

Пожалуйста, пиши мне. Рисуй обратный адрес – Чикаго. Может, мама не станет забирать твои письма. Целую и обнимаю тебя. Сандра».

«23 ноября. Сиэтл. Знаешь, Грег, ты это здорово придумал. Адрес Чикаго и чужая фамилия произвели нужное впечатление на маму, и она без колебаний отдала мне твое последнее письмо.

А вот с твоей посылкой вышел скандал. Грег, лап, не присылай мне ничего. Я жутко устала от этих нравоучений. Пусть меня хоть ненадолго оставят в покое. Адски и постоянно хочется спать. За песцовую шапку тебе спасибо. Она очень теплая и мне впору.

Билли растет стремительно. Черты лица вроде бы мои. Такой трогательно некрасивый малыш.

Ты там сколоти избушку в лесу, чтобы вокруг никого не было. Тогда я смогу жить с тобой рядом. Это ведь уже проверено.

Напиши мне о своей работе, как и где живешь. По-прежнему у брата? Как твои в Чикаго? Надеюсь, там все в порядке.

Если Билли будет умницей, то постараюсь писать тебе чаще. Целую тебя».

Общество поселка Эским встревожилось, когда Вика перестала скрывать свои отношения с Грегори. Столпы общества

ворчали: подумаешь – полюбила, так ведь можно прийти до полной свободы поведения. А некоторые мужики завистливо говорили: если уж так ей надо было кого-то полюбить, то могла бы найти действительно чудо из чудес. Только друзья брата, который был в длительной командировке, одобряли его.

Однако Грегори подумал, что все плохое слишком суммируется: неинтересная работа, давление руководства из-за Виктории, отсутствие перспектив. В это время ему написал его бывший профессор: мол, появилась очень интересная разработка, которой он, профессор, будет руководить. Он помнил, что Купер интересовался этой темой, и приглашал идти к нему аспирантом.

При встрече Грег спросил Вику:

– Ты меня любишь?

– Люблю!

– В Чикаго со мной поедешь?

– Поеду.

И Грегори Купер вернулся в родной город. Четырехлетний сын сначала отнесся к нему настороженно, но дела поправились после похода на футбол и рыбалку. С женой отношения сложились напряженные, но не враждебные. Он поступил в аспирантуру и начал заниматься наукой.

Виктория прилетела в мае. Расцветающая природа, которая сильно отличалась от хмурой Аляски, придавала ее настроению оптимизма. Целое лето она и Грегори были вместе, но непонятный статус действовал ей на нервы: что предпримет Алекс, где будет жить маленькая Саманта, если она разоидется с мужем? Кроме того, кем, кроме домашней хозяйки, могла быть Виктория, у которой за плечами была только школа и два курса университета? А она боялась, что в компаниях друзей Купера очень тонко подмечают несоответствие человека тому образу, который создал себе Грегори.

Как-то Виктория призналась ему:

– Разговоры твоих товарищей сильно отличаются от примитивного трепа друзей Алекса. Почему, Грег?

Кроме того, в мире большого города на настроение Виктории начали влиять другие факторы: в Эскиме сравнивать Грегори было мало с кем. А в Чикаго в их компании часто встречались интересные мужчины и женщины. Интересные и внешне, и интеллектуально, со своими неповторимыми талантами.

На Аляске Виктория и Грегори видели друг друга чаще всего или в теплых куртках, или дома в пушистых свитерах. В летнем Чикаго пришлось перейти на шорты и футболки, отчего стали заметны маленькие недостатки. Например, спортивной фигуре

Виктории подошла бы более узкая талия, а фигуре Грегори неплохо было бы добавить мышц.

Купера стало тревожить, что у Виктории появилось желание помочь своей психике алкоголем. Как-то в такой момент, сидя рядом с Грегори, она рассуждала вслух, но как бы сама с собой:

– Он мне не нравится, но почему же мне так хорошо с ним? Господи, ну отчего же это?

Купер попытался понять, чем же не нравится Виктории: внешность вроде бы не изменилась, ведь мудрая мама Сандры сказала, что он некрасив – значит, эта некрасивость такой и осталась. Поведение? Наверное. Вот, например, у них появились «табу», которые обязательны в мире большого города. Также у Виктории возникло чувство уязвимости, которого не было в замкнутом мирке северного поселка.

Это произошло после такого случая. Пока не кончилось лето, Грегори захотел провести несколько дней вместе с Викторией в палатке на берегу озера Мичиган, в знакомом ему месте, где сосновый лес стоял на невысоком обрыве, а внизу, у воды, золотился песок.

Они любовались закатом. Запах нагретых дневным солнцем сосен смешивался с запахом озера. Нежно-розовые облака отражались в гладкой воде. Ветра не было. Иногда в тишине раздавался всплеск – это щука, увлекшись погоней, вылетала из своей родной стихии. Перекликались какие-то птицы, готовясь к ночной охоте.

Виктория смотрела на лес, подступающий к озеру, и представляла, как сотни лет назад сидела тут пара молодых индейцев, и каждый думал о чем-то своем. Были ли сомнения в их простых душах или их боги решали все вопросы однозначно?

Вдруг тишину нарушил громкий смех и чьи-то голоса. На берегу появилась группа подростков лет пятнадцати-шестнадцати. У одного – на вид самого старшего – за спиной болталось ружье. Когда пришельцы увидели Грегори и Викторию, то послышались грубоватые шуточки. Подростки обступили костер. Один из них поднял и отнес куда-то в лес топорик Грегори.

Парень с ружьем спросил хозяйским тоном:

– Откуда здесь взялись, на нашем берегу? Кто такие?

– Мы с женой приехали из Чикаго, – спокойно ответил Грегори. – А кто вы?

Он понял, что компания была или полупьяной, или подзарядилась таблетками, и лихорадочно обдумывал линию поведения.

Вожак стаи (а именно так Грегори охарактеризовал этого типа) подошел к палатке, поднял ружье и выстрелил в крепление растяжки. Палатка покосилась.

– С женой из Чикаго, – со смехом сказал вожак. – Не трепись. Это, – он показал пальцем на Викторию, – Симона, известная всем парням Расина. А их там много.

Один из дебилов схватил Викторию за руку, и Грегори моментально ударил того по голове. Подросток отбежал, выкрикивая ругательства и угрозы, а Купер продолжил спокойным (ох, чего это ему стоило) голосом:

– Вот мои документы. Я работаю в университете Чикаго. – Он протянул вожаку пропуск в университет и добавил: – У жены большое сердце.

Вожак немного растерялся, а один из подростков вдруг вынул из рюкзака бутылку минералки и протянул Виктории:

– Выпьете, если захотите.

После этого стая отошла в сторонку и начала о чем-то спорить. Было слышно, что больше всех выступает с угрозами парень, получивший по голове. У Грегори теперь сложилось впечатление, что стая неоднородна и не все беспрекословно подчиняются вожаку. Для них это просто развлечение, а не нападение. Грегори решил ждать и, не обращаясь ни к кому, сказал в темноту:

– Работал на Аляске, так там приходилось жечь костры от диких зверей, а вот на озере Мичиган пришлось от людей.

Было уже поздно, и пьяные от свежего воздуха и алкоголя подростки начали расползаться на ночлег, только побитый все суетился и что-то говорил то одному, то другому парню.

Все это время Виктория и Грегори стояли на месте. Увидев, что почти все противники отправились спать, Купер сгреб палатку в руки, схватил рюкзак, и они с Викторией быстро пошли вглубь ночного леса. Увидев это, суетившийся придурок начал звать приятелей, но было уже поздно. Лес спрятал пару.

Отойдя с километр и сделав несколько поворотов, они поставили палатку в чаще и поспали остаток ночи.

Утром Виктория спросила:

– Мы не сообщим полиции?

– А что мы полиции скажем? Кто я? Кто ты? Пожалеемся на хулиганов, которые материально не нанесли нам ущерба? А что бы сделал в такой ситуации Алекс?

– Он в такую ситуацию просто никогда бы не попал.

Вот все эти страхи ежедневно и давили на Викторию. И она изредка прокручивала в голове слова опытной секретарши Алекса Эриксона: «Любимый человек может быть любим, только бы тебе он нравился, а муж должен быть солидным и успешным».

А их жизнь состояла из почти непрерывных приездов и отъездов.

25 апреля Виктория прилетела в Чикаго, а 10 мая улетела выяснять отношения с Алексом. 15 июня прилетела опять и была в Чикаго до 15 сентября. В этот период Эриксон прилетал и уговаривал ее одуматься.

15 сентября она вновь улетела. На этот раз – в Юту, за дочкой, которая жила с бабушкой – матерью Алекса. У Саманты осталась только одна бабушка, так как мать Виктории умерла еще до рождения внучки. Вскоре Виктория прилетела с маленькой Самантой.

Грегори быстро нашел подход к девочке – он рассказывал ей страшные истории, которые всегда хорошо кончались. Он прятался в их арендованной двухкомнатной квартире так, что его поиски заинтересовывали даже Викторию. И, конечно, обещал удочерить очень симпатичную Саманту.

Два раза за зиму Алекс прилетал в Чикаго для психологической обработки восставшей жены. Она рассказала Грегори, что Эриксон советовался со своим боссом о том, как долго можно терпеть аномальное поведение жены. И мудрый босс ответил, что так долго, как надо. Что, наверное, подразумевало – пока непокорность Виктории не исчезнет, и она не вернется в комфортную, сытую и нормированную жизнь поселка Эским. Кстати, эти слова «ждать так долго, как надо» (по мнению босса) должны означать для нее и надежность Эриксона, который всегда добивается своего.

Наверное, прав был Уилки Коллинз, утверждавший в романе «Женщина в белом»:

«Женщины могут устоять перед любовью мужчины, перед его славой, перед его красивой внешностью, перед его богатством, но они не в силах устоять перед его красноречием, если только оно обращено к ним».

И в конце апреля Виктория улетела с дочкой и замолчала. Только в июне пришло письмо:

«Грег, я люблю тебя. Я скучаю по тебе. Даже хуже, чем скучаю. Тоскую. Только бы увидеть тебя. Только бы дотронуться до тебя. И еще хочу, чтобы ты смотрел на меня так, как перед отъездом. Тогда я очень чувствовала, что ты любишь меня. Грег, прощай. И я умру без тебя. Уже сейчас я мертвая (морально). Пробовала стать мертвой и физически, но промазала. Хожу с жутким шрамом на груди и со швами. Но, к сожалению, живая. Умру попозже.

Я люблю тебя. Грег, ты мой милый, ты мой любимый. Никогда и ни к кому я не испытывала того, что с тобой было. Грег, не брани меня, не сердись на меня. Просто я баба и дура. И всю жизнь буду жалеть о том, что сделала.

Ну, а с Эриксоном спокойно очень. И противно очень. И я уже изменила тебе. И каждый раз, ложась спать с ним, я плачу. То ли от отвращения, то ли от жалости к самой себе.

Грег, я хочу видеть тебя. Хотя бы очень редко. Ну, недельку в год. Можно? Грег, я скучаю по тебе, я люблю тебя. Я хочу поцеловать тебя. Я хочу быть с тобой».

Такое вот письмо. Видимо, молодая женщина из благопристойного поселка Эским адреналина получила достаточно. Даже слишком.

Сандра тоже вернулась в Чикаго с годовалым сынишкой и продолжила работать в фирме «Радар». О возвращении Грегори и его работе в университетской лаборатории, о поступлении в аспирантуру и приезде в Чикаго Виктории она знала от подруг. Сандра успешно избегала встреч с Купером, хотя с Джоном уже не жила. Сняла небольшую квартиру, Билли устроила в детский сад и, чудо, ей удалось в свободные кусочки времени изучить более современные способы программирования.

Как-то в июне Грегори столкнулся на улице с Сандрой. Вечер был теплый и тихий. Сильно пахли какие-то цветы.

– Здравствуй! – сказал он. – Мы два года не разговаривали.

– Два года и месяц.

– Одиночество помогает?

– Можно, я зайду к тебе?

Несколько секунд молчания, и он нейтральным тоном произнес:

– Идем. А где Билли?

– У мамы в Сиэтле.

Она осталась на ночь.

А потом звонила и приходила.

Им самим были непонятны такие отношения. Маленького Билли он видел один раз издали, когда тот гулял с бабушкой, приехавшей в Чикаго.

Так продолжалось три месяца, до того момента, когда на вопрос Сандры по телефону: «Я приду?» он ответил:

– Нет.

– Может, попозже?

– Нет.

Сандра положила трубку.

А за час до этого в квартире Грегори прозвучал другой звонок.

Он взял трубку и услышал:

– Это Грег?

– Я люблю тебя, Викки!

– Значит, это ты. Завтра мы с Самантой летим в Майами.

Прилетишь?

– Да.

...Они поселились в отеле городка Бока-Ратон, возле пляжа. Океан был теплый и ласковый, такими же были их отношения. Грегори вел себя так, как будто не было письма Виктории, будто не было ее измен и надежности Алекса Эриксона. Так, словно через неделю они вместе отправятся в Чикаго. Он был заботлив с Самантой, но ни разу не заговорил с Викторией об учебе девочки. Однажды в магазине пожилая женщина сказала ему: «Какая красивая у вас дочка!» И это Куперу очень понравилось. А Виктория, как ей казалось, все еще оценивала возможность жить с Грегори, хотя в подсознании решение уже было, и о нем она написала в том откровенном письме.

Только после одного события Купер как будто проснулся. Они купались и загорали на малолюдном пляже возле рыбацкой деревушки. Пожилой рыбак чинил мотор своей лодки, а Саманта играла на берегу неподалеку от него. Любопытная девчонка понравилась рыбаку, и он, когда мотор наконец ожил, предложил покатать ее по морю. Грегори в это время плавал, как всегда, далеко и долго. Когда он вернулся к месту их стоянки, то увидел только свою сумку, а Виктория и Саманта исчезли. Толстая женщина, которая загорала поблизости, с интересом посмотрела на растерянного Купера и объяснила:

– Уплыли они, веселые, с тем рыбаком, что чинил лодку.

Мысли Грегори Фитцджеральда Купера совсем запутались.

Он вспомнил, что изредка, еще на Аляске, Виктория совершала взрывные поступки. Она, например, терпеть не могла его красный свитер. Однажды вечером они и Натали о чем-то болтали, сидя в уютном домики Куперов. На столе, как довольно часто случалось, было немало выпивки. И вот Виктория, закусывая очередную порцию виски копченым омулем, вдруг назидательным тоном произнесла:

– Сколько можно тебе твердить, чтобы не надевал эту... эту идиотскую одежду!

Она схватила ножницы и прямо на Грегори стала резать свитер. Купер рассмеялся и с удивлением воскликнул:

– О! Я и не знал, насколько ты безжалостна!

Виктория покраснела, прекратила экзекуцию и примирительно, почти шепотом сообщила:

– Вот теперь, Грег, будешь знать и эту мрачную сторону моего характера.

Следующим вечером она принесла ему новый, белый с красной полоской свитер.

Еще у Виктории была странность: она не любила целоваться в присутствии своей кошки – ужасной уродины с отморозенными ушами.

Теперь Грегори пытался разобраться: сегодняшний эпизод – это случайный каприз или новый стиль поведения «что хочу, то и делаю, не обращая внимания на окружающих»?

Он рассуждал: поскольку Виктория во Флориду взяла с собой Саманту, значит, Алекс согласен на такое распределение ролей. Может быть, Виктория осуществляет свою просьбу из письма: недельку в год? Может, она не собирается ничего менять с Алексом и вынудила его согласиться на то, что будет проводить время когда хочет и с кем хочет, но внешне для его боссов все будет пристойно? Тут он вспомнил ее рассказ о том, как молодой хирург в больнице Эскима, зашивая ее рану, сказал: «Такую грудь надо целовать, а не резать», и вроде бы он улетел вслед за ней и сейчас находится где-то во Флориде. Грегори подумал: откуда она знает о хирурге такие подробности, если улетела раньше? Хотя существуют подружки, а такая информация в поселке быстро распространяется: везде есть глаза, уши и языки.

Все это Куперу совершенно не нравилось.

Он пришел в отель поздно и сообщил:

– Я завтра улетаю.

– Но есть же еще неделя.

– Да. Неделя.

– Ты обиделся, что мы уплыли? Я просила рыбака подождать тебя, честное слово, но он спешил. Жалко было лишать Саманту такого удовольствия.

Их долгий спокойный разговор так и не внес ясность в то, как сложится будущее этих трех людей, которые игрой случая оказались в одно и то же время в одном и том же месте под названием Аляска.

Больше они не встречались. Было письмо Грегори. И было письмо Виктории только с одним словом: «Грег!»

Через десять лет Сандра уже работала в научном отделе, которым руководил Грегори. Нейродермит у нее прошел. Отношения у них были чисто рабочие, о прошлом они не говорили ни разу. На день рождения одного из сотрудников, где присутствовал весь отдел, она пришла со своим новым мужем. Приятный мужчина средних лет, бизнесмен, вдовец, имел взрослую дочь и внучку такого же возраста, как Билли.

Через какое-то время они уехали в Африку, где бизнесмен хотел построить еще один заводик по переработке рыбы.

Сын Сандры плохо уживался с отчимом. Потом он окончил университет и стал кардиологом.

А у Алекса Эриксона все было хорошо. Хотя, нет, не все. Карьера развивалась. Вот он директор большой транспортной

компании. Выдвигался кандидатом в сенат от штата Юта, но не выиграл выборы. А жаль – неполная картина благополучия. Жена вела себя пристойно и даже помогала в избирательной кампании. Ну, не любила в молодости, зато потом привыкла и уже не плакала так часто.

Саманта окончила университет штата Юта и стала работать психиатром в Солт-Лейк-Сити. У нее росли сын и дочь, немного похожая на Викторию.

У Грегори тоже все было хорошо. Он через два года после расставания с Викторией женился на сестре своего друга и был вполне доволен тремя своими сыновьями.

Что же получается? Получается, что опытная секретарша Эриксона дала дельные советы о выборе мужа.

И, конечно, на сто процентов была права мама Сандры: пожилому человеку захочется, чтобы кто-нибудь подал в трудную минуту стакан воды. Пусть не от души, а по обязанности. Но это неважно.

Однако не верится, что молодые жители Земли постоянно будут следовать подобным советам. Хотя бы недельку в год они будут поступать по-своему.

Как-то раз Грегори, отдыхая на веранде своего коттеджа в Скалистых горах, прочел роман французского писателя Мишеля Бюсси «Черные кувшинки». Как ему показалось, автор желал убедить читателей, что можно из настоящего исправлять прошлое.

Действие романа происходит в деревушке Живерни, где расположены музей и усадьба Клода Моне. Того самого, который в старости писал только кувшинки из своего прудика. Жила там талантливая девочка. Она мечтала стать художницей и прославиться на весь свет. Мальчик, ее друг, и старый американский художник, живший в Живерни, восхищались ее картинами и поддерживали ее стремление ринуться в огромный мир. А другой мальчик был уверен в том, что девочка предназначена ему, и он должен быть ее хранителем. Он будет ее охранять и создаст ей хорошую жизнь, но не в каком-то непонятном мире, а именно здесь, в родной деревне.

При неясных обстоятельствах погибает и ее друг-мальчик, и старый художник. Мать ей говорит, что прорываться из этого болота невозможно, пытались, но безуспешно. И она сдалась. Вышла замуж за того нелюбимого парня, который действительно старался обеспечить ее всем. Работала учительницей и пыталась убедить учеников дерзать, любить прекрасное и смотреть дальше своей деревни, что не удалось ей.

Но тут убит ее знакомый – успешный врач, который жил в Живерни, а работал в Париже. Приезжает молодой офицер полиции. Он очень хорошо разбирается в живописи, в литературе, и это человек с искоркой в глазах. Он делает вывод, что врача убил муж учительницы, но доказать свой вывод перед судом не может. А учительница влюбилась в него, собралась развестись с мужем и уехать. Но как-то раз на свидание вместо учительницы приходит ее муж. Он требует, чтобы полицейский убрался из деревни, иначе он убьет жену. Офицер понимает, что так и будет, и бежит из Живерни, спасая жизнь любимой.

А женщина старилась в своей деревне. Ее муж, ее ангел-хранитель успешно вел бизнес и заботился о ней. На старости он тяжело заболел и перед отправкой в больницу признался, что ее друга-мальчика, старого художника и врача убил он, чтобы они не мешали чудесной жизни женщины. После этого он спросил:

– Ты была счастлива со мной?

– Да, – ответила она по привычке.

А когда посетила его в больнице, то как бы случайно оборвала шланг капельницы. Он проснулся и с ужасом все понял. Врачи подумали, что это произошло из-за каких-то движений больного, и очень сочувствовали вдове.

Она вернулась на их мельницу. Поднялась на самый верх и решила закончить жизнь, бросившись вниз. Но вдруг там, внизу, остановилась машина, из нее вышел какой-то подтянутый пожилой мужчина. Он до боли знакомым движением погладил пса, который подбежал к нему. И прыжок с мельницы не состоялся.

Прочитав эту историю, Грегори захотел посмотреть на Сандру в пожилом возрасте. Это было просто, так как она вернулась в Чикаго. Однажды майским днем ему на глаза попала афиша, где говорилось, что приезжает Пражский симфонический оркестр и в репертуаре есть «Влтава».

Он сел на скамейку возле входа в концертный зал и стал ждать, внимательно рассматривая заходивших. И вот появилась худощавая, безукоризненно одетая дама и начала искать в сумочке билет. Грегори полминуты наблюдал и вдруг понял, что не хотел бы, чтобы эта дама была его женой. Что-то в ней было от строгой учительницы математики из школы маленького Грегори. Бывало, мисс Буриман, глядя в глаза тупому парню, говорила:

– Сегалсон, за то время, что я тебе втолковываю эту теорему, даже курица смогла бы ее понять.

Чуть позже знакомый программист из Массачусетского технологического института рассказал Куперу, что разрабатывается комплекс программ под названием «Влияние на прошлое».

С его помощью можно якобы влиять на мысли людей прошлого, и люди под этим воздействием будут менять свое поведение. Программа могла влиять только на ныне живущих людей, а не на тех, кто уже умер.

Худенький бородастый очкарик втолковывал Грегори принцип работы комплекса:

– Комп считывает из твоего подсознания информацию об объекте наблюдения и обстановке вокруг в момент времени, который ты хочешь посмотреть. После этого туда домешивается общедоступная информация. Затем комплекс связывается с подсознанием объекта наблюдения, который существует в настоящем времени, и сообщает ему, что его хотят увидеть в таком-то прошлом. Мозг объекта начинает искать в памяти эпизоды тех лет, выбирает автоматически самый удобный для объекта и посылает информацию комплексу. Тот к присланной примешивает уже имеющуюся информацию и выдает тебе картинку. Другими словами, ты видишь эпизод глазами объекта, но подправленный твоими воспоминаниями о нем. Человек, которого ты наблюдаешь, может и не знать, что идет такая передача. Просто вдруг напоминает какой-то кусочек прошлого. Он и не знает, кто за ним наблюдает.

Грегори нашел подход к главному разработчику и уговорил его позволить поэкспериментировать с программой.

В теплое раннее утро тихой осени он вошел в экранированную комнату испытателей. Нацепил на себя массу датчиков.

Самое интересное для Грегори – разработчик намекал на то, что если исследователь сумеет сильно повлиять на подкорку жителя прошлого, и тот изменит поведение, настоящее очень постепенно, но может стать другим. Разработчик не проверял возможность в этом случае возврата к прежнему состоянию.

Грегори включился в момент, когда Виктория собралась уехать (после этого отъезда пришло то откровенное письмо). Программа показала ее в комнате, собирающую чемодан. Изображение держалось около минуты, на большее время у комплекса не хватало чувствительности – об этом разработчик предупреждал Грегори.

Купер начал экспериментировать с переключателями времени, стараясь найти тот момент, когда Виктории обрабатывали рану на груди. Но на экране возникали какие-то туманные картины с незнакомыми людьми. Или же Грегори знал их и просто забыл за давностью лет.

Наконец он увидел ее дома, бледную и очень грустную. Грегори резко передвинул переключатель лет на десять вперед, и на экране появилось изображение ресторана средней респектабельности. За столом шесть человек: Виктория с Алексом и еще две пары. Ей тридцать пять. Она так и выглядит. Все элегантно, по

меркам штата Юта. Лицо по-прежнему красиво, немного косметики. Движение руки, когда она взяла бокал, было точно таким же, как раньше. Грегори едва успел перегнуть картинку в память, как экран стал матовым. Он продолжил рассматривать знакомое лицо на застывшей картинке. Вокруг глаз едва заметные морщинки. Выражение лица умиротворенное, но в глазах уже нет интереса, ожидания чего-то необычного. Этим глазам скучно. А вот нежная долина между верхней губой и носом прежняя.

Внезапно Грегори подумал: интересная, однако, программа – может показать человека в такие моменты, когда постороннее наблюдение нежелательно. Или не может? Разработчик, кажется, говорил, что образ возникает как бы в подсознании только этого наблюдателя путем обработки всего виденного когда-то и спрятанного в подвалах памяти.

Он также вспомнил, что программа работает только при условии, что человек еще жив, и как бы спрашивает у подсознания объекта наблюдения через Интернет разрешения на показ. То есть, если бы теперешняя Виктория запретила показывать свой образ, то он, Грегори, ничего бы не увидел. Но откуда подсознание Виктории знает, кто пытается ее увидеть?

Ему становилась интересна эта игра в виртуальную жизнь. Он передвинул время немного назад и увидел Викторию и Саманту на собрании, вокруг много детей с родителями. Школа.

Скачок на пятнадцать лет вперед. Ей около сорока. На экране появился берег с пальмами. Ленивые волны выползают на белый-белый песок. Стоит Виктория в купальнике, а рядом с ней мужчина спортивного вида. Средней красоты. Грегори включил память и начал рассматривать застывшую картинку. Виктория слегка пополнела, но это не повлияло на ее красоту. Мужчине немного меньше лет, чем ей. Или же он так выглядит, поскольку постоянно заботится о своей внешности. Взгляд не дебильный. Грегори задумался: какую роль играет этот субъект? Новый друг Виктории? И она, наплевав на Алекса, верна своей манере: что хочу, то и делаю, не обращая внимания на окружающих?

Ему почему-то стало неудобно, и он скакнул сразу в то время, когда Виктории было лет пятьдесят пять. На экране митинг. Алекс Эриксон с женой стоят на трибуне. Оба улыбаются. Викторию узнать трудно. Она пополнела, в прищуренных глазах появилась жесткость. И Грегори с сожалением подумал, что не хотел бы иметь женой эту светскую даму с неестественной улыбкой.

Вот так бывает, когда пытаешься подглядывать. Иногда видишь неприятные для себя вещи.

Теперь он мог проверить возможность изменить ход событий. Например, чтобы Виктория осталась с ним.

«А стоит ли? – удивляясь самому себе, подумал он. – Да ладно. Просто проверю возможность программы и еще узнаю, чего избежал или недополучил в жизни».

Он включил режим вариантов корректировки истории и вошел в мысли Виктории в тот день, когда она собиралась уехать. Попытался навязать ей воспоминания о самых хороших часах их близости. На экране возникла картинка: Виктория распаковывает чемодан.

Грегори перешел на пять лет ближе к настоящему. Виктория собирается куда-то уезжать и спорит с ним, размахивая руками и качая головой. Одеты они не бедно, но и не роскошно.

Грегори перешел еще через пять лет. И тут сердце его приятно успокоилось. Но одновременно он ощутил какую-то тревогу, чувство, что за ним наблюдают. Они с рюкзаками двигались в заснеженных горах. С ними шла и повзрослевшая Саманта.

Еще пять лет. Черт! Это еще что? На экране Виктория в ресторане. Рядом мужчина. Больше никого. Да это же тот спортивный, которого он видел в предыдущем режиме!

Грегори даже подумал, что программа начала сбиваться и путать режимы. Но индикатор контроля не светился красным. Получается, подумал он, что Виктория сразу после того давнего письма перешла на свободный стиль поведения, и не имеет значения, кто рядом: Алекс или он, Грегори.

Еще пять лет. И при виде новой картинки Купер чуть не рассмеялся. Еще бы! Виктория стояла на трибуне, а рядом, усиленно жестикулируя, что-то вещал на митинге благополучный Алекс Эриксон.

Грегори начал анализировать все увиденное.

Может быть, эпизод в горах – это такое приключение, как тогда во Флориде? Неделька в году? Он вернулся в тот промежуток времени и стал искать. Нашел картинку праздника посвящения в студенты: Саманта, Виктория и он. Алекса рядом не видно.

Значит, все-таки они тогда жили вместе. Но кто этот спортивный тип? И как она попала на митинг? Он вошел в тот период, когда проходил митинг. Стал искать другие эпизоды. Нашел и выругался: Алекс и Виктория на каком-то роскошном пляже лениво потягивают колу в ресторанчике. Она такая же, как на картинке предыдущего режима. В глазах что-то злое – желание кого-нибудь обидеть. Вдруг Виктория начала с беспокойством озираться. Ее взгляд совершенно изменился – стал тревожным и ожидающим чего-то необычного. Купер вздрогнул. Но через мгновение чудесное видение исчезло. Снова скука замутила глаза Виктории, когда-то с надеждой смотревшие в даль жизни.

И Грегори Купер пришел к выводу:

«Нет. Неправ был французский писатель – настоящее нельзя скорректировать, что-то меняя в прошлом».

Потом он начал думать о том, какую жену хотел бы видеть сейчас рядом с собой. В голову лезла навязчивая мысль, что английскую королеву, и чтобы она властвовала, но ничего не решала. Еще чтоб имела здоровье, позволяющее летать в космос, и была не старше внучки Виктории.

А совсем потом Грегори предположил, что правильнее всего надо было бы что-то тогда менять в себе самом. Он захотел провести еще один эксперимент, но разработчик сказал:

– Прости, коллега, только через два месяца – уйма работы.

А через два месяца Грегори Купер просто испугался изменяться, даже в прошлом.

А жаль.

* * *

Автор предупреждает: история выдумана. Грегори, Сандра, Виктория и Алекс Эриксон совсем не такие, они были «не в том месте и не в том времени». Но на всякий случай автор все же извиняется перед ними за подглядывание с помощью комплекса «Влияние на прошлое».

Киев, 2019

Игорь Дьячишин НЕ ОДНИ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Больше тридцати лет прошло с тех пор, как мы убедились в том, что не одиноки во Вселенной.

Чужие появились неожиданно, на орбите Юпитера. Огромный космический флот с неизвестными намерениями.

Наши правительства, конечно, не сразу сказали нам об этом. Но они в принципе не могли молчать о таком долго.

А потом пришельцы связались с нами.

Сообщения на нескольких мировых языках были посланы на разных радиочастотах.

Они сказали, что не причинят нам вреда.

Они сказали, что через некоторое время уйдут.

А главное – они сказали:

«Пожалуйста, не мешайте нам (как будто мы смогли бы!). ВЫ НАМ НЕИНТЕРЕСНЫ».

И все.

Конечно, люди есть люди. Сенсация сопровождалась возней политиков, освещаемой СМИ. Естественно, не обошлось без громких заявлений:

«Инопланетяне готовят вторжение!»

«Правительство (подставьте название государства) проводит тайные переговоры с пришельцами!»

Смешно. Нам просто указали на наше место.

Вы стали бы разговаривать с муравьями? А пришельцы даже снизили до пусть и короткого, но контакта. Я бы сказал, проявили недюжинное благородство.

Флот перемещался по Солнечной системе три десятка лет. За это время пришельцы успели переработать спутник Юпитера Европу и множество астероидов главного пояса. Потом направились прямо к Солнцу.

А мы боялись. Трепетали. Надеялись.

И вот они просто исчезли, взяв ресурсы, которые были им нужны.

Но говорящие головы в СМИ и разные толкователи не успокоились до сих пор.

Так сложно для многих из нас принять правду.

Мы придумывали сказки, в которых добрые пришельцы помогают человечеству. Мы сочиняли страшилки о вторжении, порабощении или уничтожении.

Мы мнили себя достойными пристального внимания. Но реальные пришельцы просто скользнули по нам взглядом. Какой удар по человеческому самолюбию!

Мой отец был одним из тех, кто надеялся. Вообще, он имел репутацию чудака еще до Пришествия. С первыми новостями он свято уверовал в то, что инопланетяне нас спасут. Я помню: он не выказывал даже тени страха, что было весьма странно. Лично я боялся. И не только я: наверное, большая часть населения Земли, не зная, чего ждать, хоть сколько-нибудь да опасалась рисуемых воображением страшных вариантов развития событий.

Папа всегда, сколько помню, близко к сердцу принимал страдания человечества. И поэтому он искренне надеялся.

Но космические странники своими сообщениями разрушили все иллюзии.

И он не выдержал.

На следующую ночь после сообщений он ушел из дома.

Позже выяснилось, что он забрался на пятнадцатый этаж недостроенного здания и выпрыгнул из окна.

Действительно, странным человеком он был. Переживал за человечество, но не подумал о близких.

Сколько было таких же, как он?..

* * *

Большая часть моей жизни пришлось на период пребывания пришельцев в Солнечной системе.

Ученые мало чего достигли в своих исследованиях (нам так говорят, по крайней мере). Говорят, технологии пришельцев для нас просто невообразимы.

Мы – муравьи.

И вот они ушли.

Контрольный выстрел. Второй удар по нашему эго.

Они не нашли в нас ничего интересного. Если вообще искали, конечно.

Анна Полянская МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

Молодой король дрожащей рукой отложил недочитанное письмо. Он знал, что так будет. И он боялся этого.

– Ваше величество? – подал голос советник.

Он был советником его деда, а потом и отца. Он много знал, порой слишком много, и молодого короля пугали маленькие щелочки хитрых глаз советника.

– Прочтите, – разрешил он, и советник схватил письмо своими скрюченными старостью пальцами.

Письмо сухо излагало факты: тринадцать поселений, две сотни акров земли превратились в пепел при неистовом пожаре после трех месяцев засухи. Текст занимал едва ли половину твердого желтого листа, но король не смог дочитать его до конца.

– Что прикажете, ваше величество?

Король смотрел на масляную лампу, о стекло которой бился белесый мотылек. Это был всего лишь второй год его правления. Второй год тяжелого, изматывающего, исполненного скорби правления.

Он точно знал, когда все началось. Перед смертью отец призвал его к своей постели и приказал оставить их. Сын короля едва сдерживал слезы – он любил отца и не был готов занять его место. Отец был слаб, его кожа пожелтела, но его голос, тот самый голос, который когда-то желал ему доброй ночи и звучал перед народом, голос, который утешал, когда умерла его мать, и распекал за проступки, внезапно подвел его. Сын понижее наклонился к отцу, и тот сухим шепотом рассказал ему длинную историю.

Советник и другие приближенные ждали за дверью. Они ждали очень долго, но вот дверь без скрипа приоткрылась, и вышел сын короля.

– Король умер, – сказал он, ни на кого не глядя, и ушел в свои покои.

Он не пришел на церемонию погребения своего отца. Он не видел, как приспустили флаги перед дворцом. Почти месяц страна провела под управлением советника, ставшего регентом. Сын не спешил брать власть и игнорировал настойчивые просьбы советника провести коронацию.

– Ваши люди ждут этого от вас, – с утра до ночи повторял советник.

И коронация состоялась. Не такая пышная, как рассчитывал двор, не настолько малолюдная, как хотел того молодой король.

На следующий же день аудиенции у короля попросил некий маг. Король не отказал.

Маг шел по каменным коридорам дворца, чувствуя, как за ним наблюдают из всех приоткрытых дверей. Стояла ледяная зима, но на маге была только льняная рубашка, черные штаны для верховой езды и грязные залатанные сапоги.

Маг пробыл у короля совсем недолго и тем же ровным шагом покинул дворец.

В тот год зима никак не хотела заканчиваться. Шел третий месяц весны, но земля была все еще скована льдом. Запасы провизии иссякли, и даже королевский стол оскудел. Король пошел на крайние меры – он приобрел зерно и масло у южных соседей в обмен на кусок земли, который давал тем выход к морю.

Наконец морозы отступили, но на смену им пришли бесконечные ливни. Реки переполнились, шахты затопило, и в город перестали поступать камни и металл. Молодого короля стали осаждать соседи, которые почуяли его уязвимость. Нищие целыми семьями наводнили столицу. Молодой король осунулся, перестал спать и по ночам смотрел в сводчатый потолок своей спальни.

За наводнением пришла болезнь. Она пожирала целые деревни. Закованные в броню рыцари короля жгли зараженные земли и ставили красные флаги, чтобы предупредить путников.

И снова пришла зима. Она усмирила болезнь, но скудный урожай, который сумели вырастить под непрекращающимся дождем, едва ли мог прокормить и половину населения. Люди умирали от голода прямо на улице. За крепостной стеной сложили огромную гору окоченелых тел и в один вечер обложили их хворостом и подожгли.

Зима закончилась внезапно. Однажды солнце вышло из-за туч, стало тепло, и люди благодарили своих богов. Но молитвы вскоре перестали звучать, потому что солнце принялось ежедневно безжалостно жечь землю.

Соседи, которые угрожали войной, отступили. Проклятые земли были им ни к чему.

– Что прикажете, ваше величество? – повторил советник.

– Вы что-нибудь смыслите в магии? – вдруг спросил король.

Советник помедлил с ответом.

– Неужели ваше величество думает, что государство впало в немилость к магам?

– Я спросил вас и хочу услышать ответ, – резко произнес король.

– К сожалению, нет, ваше величество. Но моя дочь владеет этим искусством.

– Приведите ее.

Когда советник вернулся со своей дочерью, король стоял у решетчатого окна, из которого открывался вид на иссушенный сад.

Дочь советника была восхитительна. Прекраснее герцогини, что прочили в жены королю.

– Приветствую вас, ваше величество.

Голос у нее был высоким и чистым. Она смотрела на него без страха, ее взгляд был точно таким же прямым и уверенным, как и у того мага, вспоминать которого королю было мучительно.

Король подумал, что, возможно, магия выжигает в людях страх.

– Оставьте нас, советник.

Тот молча поклонился и вышел.

Король приблизился к дочери советника, рассматривая ее светлую кожу и темные локоны, спадающие на плечи. Он подумал, что заботы заслонили от него настоящую жизнь, и он уже забыл, что значит целовать прекрасную девушку, и...

– Отец сказал, что вы хотели знать о магии.

Король словно очнулся. Он отступил и занял свое место на троне.

– Что вы знаете о проклятиях?

– Простите?

– Я слышал, что можно проклясть человека или даже целый род. А всю страну?

– Не в одиночку. Маги отдают свои силы, чтобы совершать такое. Если проклятие окажется сильнее мага, он умрет, и умрет напрасно. Но что вы подразумеваете под проклятием?

Король помедлил.

– То, что у нас происходит. Эта зима, и болезнь, и засуха, и...

– Он замолчал и нахмурился, словно не в силах был говорить об этом.

– Невероятно сложно сделать такое одному. Возможно, здесь замешаны два или три мага. Но, ваше величество, неужели вы думаете...

– Год назад ко мне приходил маг, – перебил девушку король. – Он потребовал отдать ему трон. А если я откажусь, то он найдет такое проклятие на наше государство, что все погибнут, и я буду последним оставшимся в живых.

– Но по какому праву?! – воскликнула дочь советника.

Ее щеки порозовели от возмущения. Казалось, ей не все равно, и королю это польстило.

– Обещайте мне, – негромко произнес он, – что сохраните в тайне то, что я скажу сейчас.

– Конечно, я обещаю! – горячо произнесла она.

– Перед смертью мой отец сказал мне, что у него есть еще один сын. Что он начал его до того, как женился на моей матери. Мальчика отдали учиться магическому искусству.

Дочь советника ахнула.

– Неужели?.. Значит, тот маг, что приходил...

– Боюсь, что да.

– Но ваш отец, что он сказал о нем?

– Чтобы я отдал ему трон, если он попросит. Но я не отдам.

Никогда.

Дочь советника замерла, раздумывая. Молодой король любовался ею. Маг, который терзал его так долго, уже казался не столь важен. Важнее было то, что она так близко, и...

– Но чем я могу помочь? – прошептала она. – У меня не хватит сил противостоять такому могуществу.

– Я только хочу, чтобы вы были со мной, когда он придет за тронном, как и обещал. Мои рыцари убьют его.

– Когда?

– Он сказал – после большого пожара. Сегодня мне пришло письмо. – Король протянул дочери советника измятый лист.

Она внимательно прочла послание.

– Я буду с вами, ваше величество.

Молодой король взял ее руку в свою.

Во дворце стояла полная тишина. Слуг отпустили домой. Во всех коридорах горели лампы.

В тронном зале были раскрыты все окна, но с улицы не доносилось ни одного дуновения ветра. Молодой король не выдержал и открыл бутылку холодного вина из погреба. Он и дочь советника едва пригубили бокалы, как в коридоре раздались тихие, но отчетливые шаги.

– Это он, – сказал король, выпрямляясь на троне.

Он невольно посмотрел в сторону ниши, где стояли его рыцари, готовые по команде искромсать мага.

Дочь советника встала.

– Приветствую вас, леди, – склонил голову маг.

Он был темноволос, но уже не так хорош, как год назад. Он ссохся, ссутулился, а его руки были руками старика.

«О боги, как он похож на отца», – с болью подумал молодой король.

– Приветствую, милорд, – высокомерно сказал он.

– Я пришел за своим тронном.

– Этот трон – мой по праву рождения. И страна принадлежит мне, и земли, что ты жжешь.

– Я сожгу их вместе с тобой, если ты не уступишь, – сказал маг, и его глаза сверкнули ненавистью.

Король хотел отдать приказ рыцарям, но голова у него закружилась от жары, и он спросил только:

– Почему?

– Ты мог уступить мне тогда, и остался бы жив.

Молодой король поднялся на ноги. Все плыло у него перед глазами, а голова раскалывалась от боли. Ему казалось, что он крикнул рыцарям, но на самом деле лишь издал слабый стон и упал со ступеней трона. Из разбитого носа потекла кровь.

– Хороший яд, – отстраненно произнес маг. – Он почти не мучился.

– Спасибо, учитель, – сказала девушка, с обожанием глядя на него.

Маг переступил через мертвое тело и сел на трон. Погладил ладонями золоченые подлокотники и посмотрел на девушку:

– Зови своего отца. Завтра будет коронация.

Елизавета Лещенко ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК

Наконец-то выдался солнечный и ветреный день. По небу плыли облака, легкие, словно перья, выпавшие из старой подушки. Воздух был свежим, хрустально-чистым, как горный ручей, хотя стояла середина лета.

Я пообещал Макс, что мы это сделаем, как только наладится погода, и вот теперь мы с ним складывали вещи в кузов выдавшего вида пикапа с побитыми, как у старой рыбацкой лодки, боками: большой пляжный зонт, ведра для песка и воды, лопатки и шпатели, стеклышки, пластмассовые и деревянные рейки, рассортированные по размеру камни, кусочки кварца, осколки цветных стекол, отшлифованные океаном, раковины моллюсков, флажки и гербы, вырезанные из клеенки, самодельный трафарет, дощечки и краски.

На то чтобы собрать и рассортировать все это, у нас было почти две недели: лето выдалось дождливым. И я, и Макс надели рубашки из фланели, которые недавно нашли на чердаке: я залез туда поискать кисти и грунтовку, и Макс, конечно, увязался за мной – совать свой любопытный нос во все дальние углы запыленного, пропахшего старой соломой чердака.

Так мы и нашли коробку, подписанную раскосым женским почерком. Конечно, надпись было не разобрать: буквы стерлись, а сама коробка разломилась, как яичная скорлупа, когда мы попытались ее поднять.

В ней лежали рубашки, пересыпанные тальком и сухими травами, и несколько хранивших слабый запах бутонов дикой розы. Рубашки, по-видимому, были сшиты вручную. Они не отличались богатой расцветкой, но нам понравились оттенки; к тому же две рубашки отлично подходили нам обоим по размеру, пришлось лишь немного подвернуть рукава.

На мне был джинсовый комбинезон, протертый на коленях, в пятнах краски, олифы и еще бог знает чего. В таком же состоянии были джинсы Макса. За последний год он сильно прибавил в росте, и теперь они едва доходили ему до середины голеней.

В общем, выглядели мы здорово: прямо-таки фермеры, отец и сын, которые, пересекая кукурузное поле, угодили во временную яму и перепрыгнули в прошлое.

И нас это вполне устраивало. Здесь мы могли себе это позволить и наслаждались такой свободой.

В маленькой деревне, отважные жители которой некогда промышляли продажей всяких диковин, добытых в океане или выброшенных из его глубин, теперь почти никто не селился из-за штормов, бушевавших в демисезон. Да и ближайший город, разрастаясь, затягивал в себя все вокруг. Большинство домиков стояли заброшенными и медленно разрушались. В начале лета еще можно было заметить немногочисленных стариков-старожилов, заново перекрывавших крышу после очередной бури. Трясаясь на ухабистой дороге, мы махали им из машины, направляясь к дому, и на этом, как правило, наше общение с соседями заканчивалось.

Дом, лет пять назад доставшийся мне в наследство от дальнего бездетного родственника, был крайним в деревне. Он одиноко стоял за широким оврагом, в ложбинке между двумя невысокими холмами. Коммуникации сюда не дотягивались, но во дворе имелся колодец с чистой, как из родника, водой, а для мини электроплиты, пары фонарей и ночника нам хватало небольшой солнечной панели.

Забором служили заросли кустарника и старые деревья на холмах. Большой лохматый Фрэд бесшумно стерег наш сон, хотя лаять ему приходилось разве что на ежей и ящериц.

Еще будучи не старше, чем Макс сейчас, я однажды прожил здесь неделю или две, пока родители были в отъезде. Помню добрые и пронизательные глаза дядюшки, тогдашнего хозяина дома, прихожую, увешанную и уставленную сувенирами из раковин и жемчужин, которые он делал прямо здесь... Но больше не помню ничего. Будто накатила штормовая волна и смыла кусочек памяти, как песочный замок вместе с...

Если я пытаюсь вспомнить, голова словно лопается от шума и цветowych вспышек, и я бросаю это занятие.

Когда я, только вступив в наследство, в первый раз ехал сюда, чтобы привести в порядок дом и участок вокруг него (хотя формальных границ фактически не было, ближайшие соседи жили дальше, чем за километр), Макс (тогда он был гораздо младше, но не менее упрямым) упросил меня взять его с собой.

Мы собирались пробыть здесь около месяца, и, конечно, позвали с собой и Сару (тогда еще все мы жили вместе), но она раздраженно ответила: «Что можно делать в этой дыре?!»

Я сказал, что не стоит так резко судить о месте, в котором ты даже не был, и что если ей совсем уж не понравится, мы отвезем ее домой. Лицо Сары исказилось странной гримасой то ли озлобленности, то ли боли, и она вышла из комнаты, молча хлопнув дверью.

Ее реакция меня расстроила, но не удивила: уже тогда это была далеко не первая наша ссора на ровном месте. Всего каких-нибудь полгода спустя ее отчаянные попытки вписать не

совсем нормального меня в свою «абсолютно нормальную» жизнь закончились полным крахом, и мы расстались друзьями.

Так и получилось, что мы с Максом стали проводить здесь мой отпуск вдвоем.

* * *

Иногда я думаю, что мог бы жить здесь круглый год, если бы не штормы.

Не то чтобы я был из тех, кто, испугавшись, бежит в свою норку, едва заслышав участившееся дыхание стихии, или из тех, кто будет сокрушаться о том, что крышу их новенького гаража снесло ураганом. Вовсе нет: я готов подставлять свое тело под хлесткие удары взбесившейся соленой воды, готов захлебываться рвущим легкие увлажненным воздухом – все это как будто вдыхало бы в меня новую жизнь. И я не боюсь работы.

Дело в другом. Волны на песке.

Я не могу видеть волны, обрушивающиеся на песок: моя голова взрывается.

* * *

В холодное время года я обитаю в небольшой, но комфортной квартире, которую снимаю с тех пор, как я и Сара не живем вместе.

На самом деле, она привлекла меня не тем, что находится совсем близко от моей работы и школы, в которую ходит Макс (я часто езжаю за ним, и мы вместе обедаем) – я понял, что поселюсь здесь, когда посмотрел в окно.

Эта высотка модной элитной застройки была единственным в квартале новым домом, а квартал – единственным, наверное, в городе образцом старинной архитектуры.

Дворик, вымощенный брусчаткой, окружали двух- и трехэтажные здания, покрытые красной черепицей, с маленькими окнами-арками и бирюзовыми, кирпично-желтыми, зелеными, цвета густой лесной листвы, стенами. В центре дворика возвышалась башня – цилиндр из светло-красного кирпича, выгоревшего на солнце почти до розового, с макушкой-шляпой – темно-синим конусом, украшенным циферблатами-лицами Луны и Солнца, которые смотрели на юг и север.

Я архитектор, и неравнодушен к таким вещам, но это нечто большее.

Все равно что заглянуть в лицо своей первой любви: оно может быть безжизненным, уставшим, раздраженным или отчужденным, но ты всегда видишь на нем отблески волшебного мира, того же, что спрятан в самых сокровенных уголках твоего сердца.

И я смотрел. Сквозь утренний туман и поверх чернильных клякс сгущающегося вечера. Прикрывая глаза от беспощадно яркого света дня и щурясь от фосфоресцирующего ночного освещения. Капля за каплей воскрешая в душе нечто забытое, но важное, осязаемое, но не осязаемое, неосознанное, но живое.

* * *

Когда я, едва окончив университет, получил работу в дочерней компании крупной немецкой строительной фирмы, то, честно сказать, был сильно удивлен. Я выбрал эту специальность не потому, что рассчитывал на престижную работу, а, скорее, потому, что все это было чем-то похоже на то, что я действительно любил делать. К тому же эскизы, чертежи и вычисления давались мне без особого труда, и я всегда выкраивал время для хобби, без которого, как мне тогда казалось, не смог бы жить.

Но чем успешней складывалась моя карьера (вскоре я получил должность ведущего архитектора крупных проектов), тем реже я мастерил что-нибудь новое.

Не то чтобы я не мог найти время. Просто, когда я начинал, что-то всегда шло не так. Как будто руки стали не те. Выходило карикатурно и безжизненно. И за последние четыре года я не закончил ни одной работы.

Зато всем старым шедеврам теперь нашлось место (мы даже оборудовали специальную витрину-колпак) в бывшей мастерской деревенского дядюшки, и они наконец перестали валяться, пылиться и квартироваться где попало.

Максу особенно нравятся замки, но здесь есть и домик на дереве, и нора хоббита, и хижина рыбака, и шалаш индейца, и тайная пещера пирата.

Ну и, конечно, у всех этих домов есть обитатели или хозяйева – маленькие фигурки, сделанные из всего, что удалось найти и использовать, оживленные красками и тушью.

* * *

Когда уходит волшебство, приходится заполнять пустоту, оставшуюся после него, чем-то другим. И я работал.

Проекты под моим началом получались один успешнее другого: о нас писали газеты, мэр жал мне руку, перерезая очередную ленточку, однажды меня даже пригласили на телевидение, но я отказался (к счастью, мой отказ был принят с пониманием).

Успех тяготил меня. Я чувствовал себя уставшим и пустым.

Зато Сара, казалось, чувствовала себя прекрасно. Она быстро вжилась в роль светской леди и как минимум каждые две недели устраивала в доме прием для тех, с кем, по ее мнению, нам было

«нужно» или «важно» дружить. Богема, чины, лица, по тем или иным причинам мелькавшие в новостях... Это были полуофициальные вечеринки с деликатесами, коктейлями и светскими сплетнями, по всем правилам хорошего тона поданными на десерт.

Я не мог продержаться в такой обстановке дольше пятнадцати минут, сбегал через заднюю дверь, садился в машину и выезжал за город – смотреть на закат, слушать скрип деревьев и шум ветра.

Не раз мы ругались из-за того, что я, не обращая внимания на гостей, выходил в зал в порванных джинсах, измятой толстовке, всклокоченным и небритым.

Я делал все это не назло и не напоказ, скорее, это была естественная реакция. Я вовсе не хотел становиться важной персоной, на которую все приходят посмотреть. Я хотел чего-то другого. Совсем другого, и теперь это что-то ускользало, убегало, испарялось, безвозвратно таяло в порочной мишуре.

Сара становилась все более отчужденной и холодной. Наши отношения стали подобны формальному общению двух ненавидящих друг друга сотрудников, вынужденных сидеть в одном тесном кабинете.

Теперь она все больше походила на свою мать – женщину, носившую элегантные костюмы, классическую обувь и дорогую бижутерию, посещавшую только элитные салоны красоты и никогда не оставлявшую на чай официанткам.

Но когда-то я знал совсем другую девушку. Мы познакомились на студенческой вечеринке. Я, споткнувшись о нагромождение обуви у входа в комнату, буквально влип лицом в ее белокурые волосы, которые пахли весной, осенью, свежестью холодного утра и беззаботным смехом. И следующие полгода мы не расставались почти ни на день.

Это была Сара, собиравшая полевые цветы, чтобы вплести их в волосы, Сара, знавшая голоса и имена всех птиц в лесу, Сара, никогда не пересчитывавшая сдачу в магазине, Сара, не различавшая марки машин, Сара, улыбка которой была настоящей, ласковой, как мягкий лунный свет.

Я не знал, куда исчезла та девушка, но я очень скучал по ней.

* * *

Итак, мы на берегу, и я снова попробую, несмотря на многолетние неудачи, создать что-нибудь стоящее.

И Макс будет мне помогать.

Его светлые, почти как у мамы, волосы развеивает ветер, не слишком слабый, чтобы солнце не обжигало нашу кожу, не слишком сильный, чтобы океан не проглотил то, что мы будем строить.

Мы возведем из влажного песка целый городок, на это уйдет несколько дней. Сегодня – так захотел Макс – мы начнем с замка, вокруг которого вырастет все остальное.

Я тщательно выбирал место: не слишком далеко от деревни, не слишком близко к океану. Я долго бродил босиком по песку вдоль и поперек просторного берега. Но всегда возвращался сюда. Я не знал, почему это так, но знал, что так нужно. Я чувствовал ответственность и уверенность одновременно, силу и азарт. Как будто впервые смог стоять на руках без опоры, и перевернутый мир в моих глазах стал чем-то естественным, восприятие уже не зависело от точки обзора...

Сейчас прилив. До воды метров двести, до основания берегового холма – чуть меньше. Я стою, и мой взгляд упирается в край песчаной косы. По обе ее стороны – небольшие отмели. Это единственное место на всем обозримом побережье – безопасное место. Сегодня волны невысокие, скорее, мелкая рябь, и шум в моей голове больше походит на едва различимый шепот. Он не сводит меня с ума, а помогает действовать.

Мы начинаем работу.

Ров по периметру, сетка каналов. Первая насыпь, следующий уровень, башенки на стене, верхний ярус, арка, проем, конус.

Пол замкового зала выложен ракушками, окошки-стеклышки оставляют на нем цветные следы. Вот кварцевый трон, вот известковый стол, фигуры слонов в углах зала, винтовая лестница, ведущая на смотровую башню, птица с лицом, обращенным на восток, золотая вязь на северной стене, герб замка – солнце в раковине – над верхушкой башни.

Макс терпеливо подавал мне все, что я просил, каким-то чудом распознавая мое бормотание, копал, ровнял, мостил и клеил. За все это время мы не обменялись ни одним лишним словом.

Еще пара деталей, несколько едва ощутимых движений шпатель и кистью, и я понимаю, что замок готов. Делаю два шага назад непослушными, полуонемевшими от долгой работы ногами, и снова сажусь на песок.

Где-то слева слышны едва уловимые бормотание и возня, я даже разбираю пару фраз:

«Он опять сделает все не так!»

«Да не ворчи, лучше посмотри, как украшен зал! Сколько света!»

Поначалу я решил, что это подкрались деревенские дети, но сразу вспомнил, что детей здесь давно нет. И Макс тоже был тут ни при чем, потому что он брел к пикапу за термосом, и я видел его спину и джинсы, перепачканные сзади мокрым песком.

Тогда я сказал себе, что перегрелся на солнце, увлекшись работой.

Там, откуда мне слышались голоса, какое-то насекомое или краб выкапывалось из своей норки в песке. Потом «краб» отряхнулся, совсем как собака, только что вылезшая из воды, чихнул, хлопнул себя руками по бокам, топнул, подпрыгнул, присвистнул, покрутился вокруг своей оси, ненадолго застыл, подняв одну ногу, как бы невзначай приветственно махнул мне и направился к замку.

Я смотрю, как он переплывает ров в лодке-раковине (веслом служит перо альбатроса) и поднимается по лестнице в тронный зал.

В этот раз я уверен, что им ничто не угрожает. Воспоминания о той трагической неудаче из далекого прошлого, когда я еще не совсем понимал, что делаю, больше не причиняют невыносимой боли, я могу прокрутить их, как старый диафильм, пробную пленку перед настоящей работой, принять как опыт.

Тогда замок мистера Иво простоял на берегу всего пару дней, пока не начался шторм. Большие волны, одна за другой, размывали арки, ступени и башни, превращали в безжизненный мокрый песок еще недавно двигавшиеся фигурки.

Уйдя в свои мысли, я не заметил, что Макс уже вернулся с термосом и даже сунул мне в руки кружку с почти горячим кофе. Я механически прихлебывал его, остекленевшими глазами уставившись в одну точку, и, еле заметно шевеля губами, «произносил» беззвучные реплики.

Сейчас молчаливый мистер Ши, смешливая принцесса Маэ и остальные человечки, успевшие появиться в замке (кроме мистера Иво – он, заложив руки за спину, бродил по залу, измеряя шагами его диагонали, и едва заметно улыбался), спешно старались найти укрытие, вжимались в ниши, втискивались между колоннами, забирались под столы.

– Почему они прячутся?

Немного усталый, но звонкий голос Макса пробудил меня. До этого момента я не мог определиться, кем считаю маленьких песочных человечков, появившихся в замке, который я снова построил. Я принимал их реальность для себя, но не задумывался о том, что они могут быть так же реальны для других. Как будто мир моего творчества был отделен непроницаемой стеной от «реального», или материального мира, в котором мне довелось жить.

И вот эта стена неожиданно перестала быть преградой, словно вопрос мальчишки оказался ключом к потайной двери, которую никто и никогда не пытался открыть.

– Я же говорил, он тоже нас увидит! Он помогал строить замок! – раздался взволнованный, почти ликующий голос из-за большой статуи слона в углу.

– Конечно, Моу. Но дело не только в этом, – спокойно произнес мистер Иво, так и продолжавший мерить зал шагами. – Вы забыли о девочке, которая боялась с нами играть. Сюда едет девочка, которая боялась с нами играть.

Я и Макс одновременно поворачиваемся друг к другу с гримасой: «А ты понял, о чем это он?»

Затем мы вопросительно смотрим на мистера Иво сквозь еще не зашторенные окна главного зала. Но он прикрывает глаза, наклоняет голову к груди, на которой покоятся его скрещенные руки – на сегодня аудиенция окончена.

Мы видим в действии полуручной механизм, созданный нами самими: два человечка, поднимая рычаги, закрывают створки-ставни (две полуарки) с рисунком, повторяющим символ герба.

Фрэд тычется влажным носом в мою ладонь – мол, пора домой.

* * *

Сейчас я строю маленькую улицу, одну из тех, что будут радиальными линиями расходиться от замка — таким мы задумали город. Несколько одно- и двухэтажных домиков и ограда с дверью для парка песочных фигур (с ними возится Макс) уже готовы. Я вымещаю «дорогу» ракушками и плоскими камешками, фигурка альбатроса, прорисованная разноцветными стекляшками, смотрит на замок. Мы назвали эту улицу Тропой Птицы (конечно же, предварительно спросив согласия мистера Иво).

Едва закончив с птицей, я вздрагиваю от неожиданности, услышав шум мотора и приветственный лай Фрэда. Обернувшись, я удивляюсь еще больше: в нашу сторону направляется девушка, совсем не песочная, а из плоти и крови, в ажурной вязаной кофточке поверх купальника и просторных тонких брюках чуть светлее песка. Ее волосы (сейчас непонятно, какого они цвета) повязаны тонким шарфом, на симпатичном загорелом лице едва заметен макияж. Легкие сандалии она держит в руке, мягко ступая босиком по песку, на запястье – браслет из ракушек и жемчужин. Я где-то уже видел такой, но это было так давно... Моя голова снова как будто взрывается.

* * *

Мне едва ли десять. Вчера я построил на песке замок, самый красивый из всех, что я когда-либо мастерил, рисовал или воображал себе, и – это почти сводит меня с ума – в нем появились

маленькие человечки с кожей, похожей на самый чистый песок, разбавленный жемчужной крошкой перламутрового оттенка. Они совсем не страшные, наоборот, красивые и улыбочивые, их движения полны достоинства и грации. Я очарован ими, но, пожалуй, не готов принять то, что вижу, и вряд ли когда-нибудь расскажу кому-нибудь о них.

Сейчас в деревушке полно туристов, и торговля сувенирами идет как никогда хорошо. Дядюшка все ночи проводит в своей мастерской, чтобы утром пополнить прилавок.

Я стою на холме, смотрю на замок сверху, представляя, как линии песочных улиц превращают его в целый городок.

К замку подходит девочка. Едва ли старше меня. Ее волосы такие светлые, как будто их тоже сделали из песка. Она присаживается на корточки и протягивает ладонь к одному из окон. На ее пальце сверкает перламутровая искорка, прыгает по руке, взбирается на плечо, теряется в волосах. Девочка смеется – звонко и счастливо. Я не верю своим глазам: она тоже их видит.

– Сумасшедшая Сара опять возится со своими ракушками! – говорит, подойдя к ней, девочка постарше, такая довольная собой, что кажется, сейчас лопнет. Она держит за руку мальчика, лицо которого напоминает самый кислый на свете лимон.

Противным голосом мальчик изрекает:

– Пойдем отсюда! У этой помешанной опять галлюцинации.

Сладкая парочка удаляется.

Девочка с песочными волосами встряхивает головой – перламутровая искорка падает на песок, – встает и уходит в другую сторону, не оглядываясь. Ее лицо очень бледное, но она не плачет.

Бедная Сара. Над ней смеялись, потому что она видела то, что другие видеть не хотели или не могли. И это «нечто» было (по крайней мере, отчасти) делом моих собственных рук.

Бедная Сара.

Потом я видел ее опять: она купила браслет у дядюшки, я как раз помогал ему за прилавком, но тогда я был буквально убит горем (это было сразу после шторма) и даже не ответил на ее улыбку.

* * *

Сейчас в замке мистера Иво какая-то суета. Над гербом на башне два человечка крепят кусочек белой материи. Я не знаю, где они успели раздобыть его. Наверное, стянули из моей коробки. Песочный замок встречает Сару белым флагом.

Через пару минут мы трое уже смеемся во весь голос, катаемся по песку, обнявшись. Счастливым пес носится вокруг нас, пытаясь облизать всех сразу.

* * *

Уже три года не было сильного шторма. Домики заново отстроены, здесь даже живут ребятишки, и школа снова работает. Макс очень нравится в деревне. Он помогает мне делать «домики», когда заказов много, а Саре – ухаживать за малышкой.

Городок мистера Иво в полном порядке. Правда, его слишком часто фотографируют туристы, поэтому человечкам иногда приходится подлатывать свои домики и улицы ночью, когда люди на пляже чуть поодаль заняты совсем другим.

И, кажется, всех это устраивает.

28-й выпуск альманаха «Порог-АК» можно прочитать на библиографическом сайте «Лаборатория Фантастики»:
<https://fantlab.ru/blogarticle59095>

АВТОРЫ О СЕБЕ

Д. В. Амурский (псевдоним). Родился в 1970 году в Хабаровске. В 1992 году окончил МГУ.

По образованию – математик. По образу мыслей – доверчивый скептик. Волею судеб – владелец терьера.

Дмитрий Градинар. Родился в Харькове. Потом переехал с родителями в Кишинев. Школа, СПТУ (радиопрофиль), институт (юридический, снова в Харькове).

Видимо, Вселенная решила, что мне нужно не только научиться читать-писать, чтобы в конце концов стать писателем-фантастом, да еще и позаботилась о том, чтобы я умел оценивать события и факты глазами технаря и сердцем гуманитария. Первые фантастические книжки подкинула мне мать, а отец привил тягу к справедливости и поискам правды, что немаловажно для писателя. Придумывать рассказы, а точнее – видеть те события, которые потом пересказывал ближайшему окружению, начал в четвертом классе. Выдумывал на ходу, начиная рассказ: а вот, читал я в одной книжке... И меня ставили в середине строя мальчиков-девочек, когда мы всем классом топали в парк. И я там та-акое выдавал... Но самым удивительным для меня было то, что многие, послушав эти мои рассказы, требовали продолжения. Так я обрел первый интерактивный опыт общения с читателями. И с критиками, которые всегда находили какие-то несоответствия в моих придумках. Мне приходилось либо соглашаться с этими замечаниями, либо как-то там выкручиваться. В общем, так я начал свой путь фантаста.

Потом было всякое. Погоны военного следователя, нервы, разводы, лихие девчонские, наблюдения за чужими жизненными ситуациями – это уже когда работал в адвокатуре, понимание, что не всегда белое – это

белое, а черное – это черное, и что они часто меняются местами. В общем, идти по этой дороге мне интересно и волнительно.

Андрей Зорин. Родился в Москве в конце 70-х в семье врача и инженера. Читать научился рано, и примерно с шести лет стал осваивать дедову библиотеку. Стоило добраться до полки с Алексеем Толстым и Жюлем Верном, как мой читательский выбор был определен. Фантастика!! Гарри Гаррисон, Роберт Шекли, Нил Стивенсон и Питер Уоттс заменили и продолжают заменять мне учителей. В российской фантастике отмечаю Вадима Панова, Сергея Лукьяненко и Олега Дивова.

Самой значимой проблемой современности я считаю повсеместную утрату интереса к науке и низкий уровень образования. Надеюсь, что рано или поздно произойдет нечто такое, что заставит человечество вновь смотреть на звезды.

Александр Калинин. Родился в 1986 году в городе Вабкенте (Бухарская область).

Учился на сварочном факультете Киевского политехнического института. Там же познакомился с основами сценического искусства в народном эстрадном театре любителей «ЭТА».

В 2010 году женился на Анне Князевой. Растим семилетнюю дочку.

Живу в городе Василькове (Киевская область).

Публиковался в альманахах «Порог-АК», «Новая проза» (Луцк), журнале «РБЖ Азимут» (Одесса), pdf-фэнзине «Притяжение».

Игорь Масленков. Живу в Харькове.

Станислав Никишкин. Родился в 1982 году в Омске. В 2008 году окончил Омский государственный технический университет. Женат. Любимую супругу зовут Ольга. Она же и мой главный критик. Воспитываю трех детей: двух дочек и сына.

Когда я пишу, то стараюсь, чтобы читатель не просто прочел слова, сложенные в предложения, но и смог представить движущуюся картинку, подобную художественному фильму.

Анна Курлаева. Родилась в 1979 году в городе Клин (Московская область). Образование филологическое: факультет романо-германской филологии Тверского государственного университета. Работаю экскурсоводом в Доме-музее П. И. Чайковского (Клин).

Писать любила всегда – с детства. Два моих романа есть на Самиздате. А кроме того, увлекаюсь переводами книг Дианы Уинн Джонс. В свободное время пишу фанфики.

Марьяна Олейник. Окончила факультет журналистики Киевского государственного университета имени Тараса Шевченко. Живу и работаю в Киеве.

Рассказы публиковались в киевских журналах «Единственная» и «Добрые советы», «Южный город» (Одесса), pdf-фэнзине «Притяжение».

Постоянная участница, неоднократный призер и победитель конкурсов сетевого литературного журнала «Самиздат», с мая 2019-го – член Международного детектив-клуба «Самиздата». Пишу фантастику, детективы, юмористические рассказы.

Анастасия Милевская. Мне двадцать два года. Учусь на биолога, чтобы стать криминалистом. Пишу в стол сколько себя помню. Литера-

тура – это моя отдушина. Я никогда не видела себя великим писателем, но для меня писать – как дышать. Долго я без этого не протяну.

Сергей Гостов. Живу в Санкт-Петербурге, работаю геймдизайнером. Писать рассказы начал в 2017 году. Мои произведения можно найти здесь: vk.com/aka_gst_gr

Александр Голиков. Окончил Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева (Москва), химик-технолог.

Публиковался в журнале «Знание-сила: Фантастика» (Москва) и альманахе «Астра Нова» (Санкт-Петербург).

Святослав Николаев. Воскресенск.

Юрий Ефремов. Родился в Киеве. Окончил Киевский политехнический институт по специальности «Радиотехника».

Увлечения: спортивный туризм, живопись и психология.

Публиковался в альманахе «Порог-АК» и еженедельнике «2000» Киев).

Игорь Дьячишин. Брянск.

Анна Полянская. Санкт-Петербург.

Елизавета Лещенко. Родилась в 1987 году в Ленинграде, живу в Таганроге.

Работала в сфере парикмахерского искусства, занималась web-журналистикой.

Публикую книги-сборники (проза, поэзия) для интернет-магазинов.

В 2017 году в Чехии вышла моя книга «Девочка с бумажным фонарем» (сборник фантастических и сказочных историй).

На «Литрес» есть сборник «Песочный замок» для свободного прочтения.

На «Проза.ру»: <https://www.proza.ru/avtor/bettelb>

VK: <https://vk.com/booxel>

Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу:
porog-anturage@yandex.ru

Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК» читайте:
в информационном листке украинской фантастики

«OldNews»

rusf.ru/oldnews/

на библиографическом сайте «Архив фантастики»

archivsf.narod.ru/

на сайте «Лаборатория Фантастики»

fantlab.ru/

на сайте «Миров двух между – на пороге»

korepanow.narod.ru/

Підп. до друку __.__.2019. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,3.
Замовлення № __.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: design@imex.kr.ua